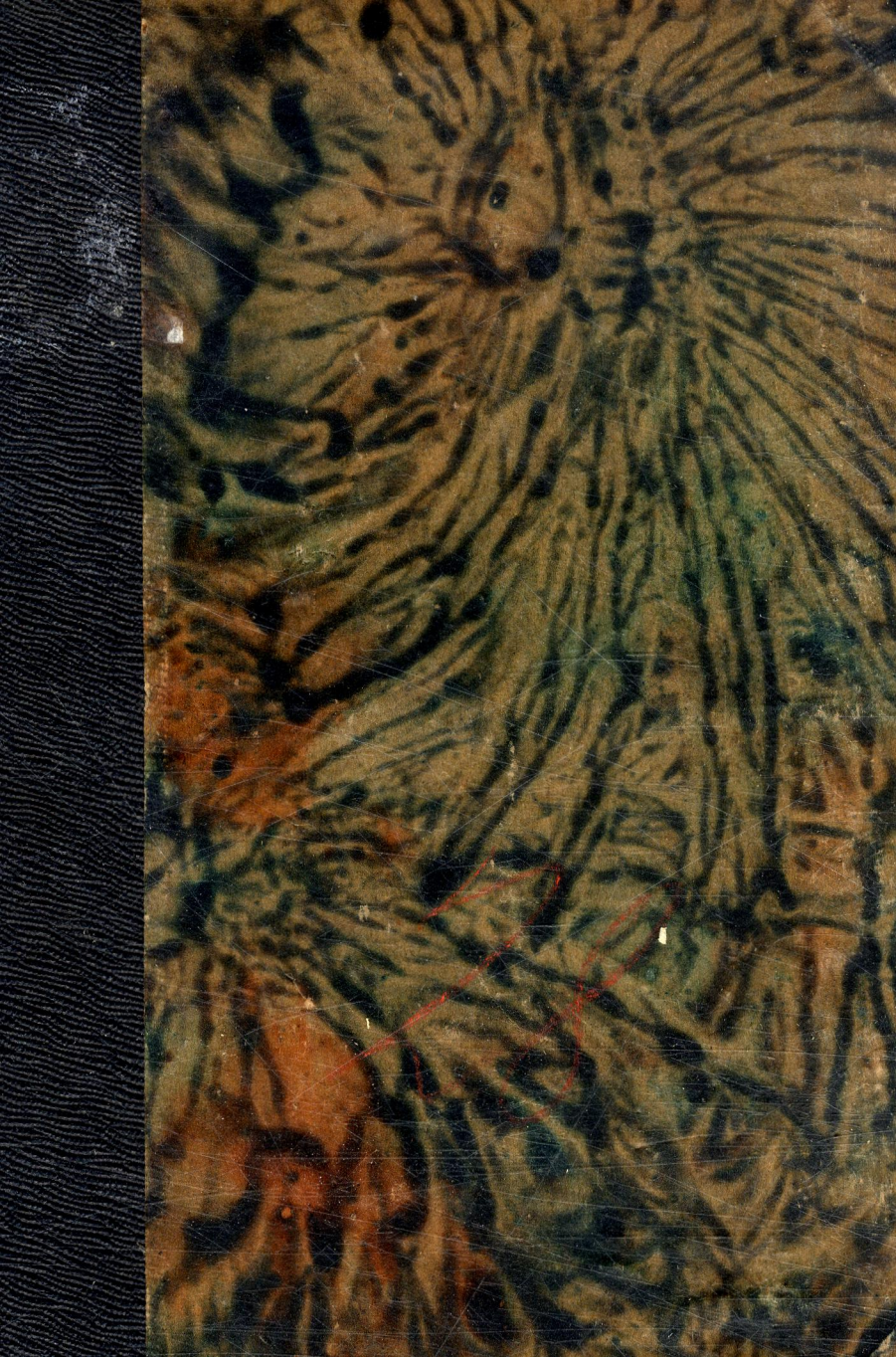

06
10
Кн. О. Г. Бебутова

10.640.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ДУЭЛЬ

РОМАНЪ

Окончаніе романа „Черный Магъ“

Об. ст. 71
24.11.47
еср-1447

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
во Львовѣ, ул. Русская 3.

Изданіе М. Дидковскаго

1930

/

Рига

/

1930

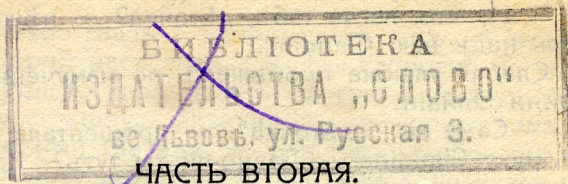
W5(2-P)53-644

Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

Переводъ и изданіе на латыш-
скомъ языкѣ предоставлено
книгоиздательству
М. Дидковского

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

I.

Ученикъ мага.

Снова лежала графиня Оливія Недлеръ въ своемъ будуарѣ на кровати, беспомощно закинувъ голову, и стонала отъ своей мучительной головной боли. Снова компаньонка ея Софья Егоровна Бекетова металась въ своемъ желаніи помочь больной госпожѣ. Она прикладывала компрессы, давала нюхать англійскую соль...

Но невыносимая боль не поддавалась и стоны графини Оливіи становились все мучительнѣе, а движенія нервнѣе, конвульсивнѣе.

И вотъ опять, какъ прежде, тихо распахнулась дверь спальни графини и впорхнула изящная, нарядная фигурка баронессы Claudine Ровень.

— Тише, тише! — зашипѣла и замахала руками Софья Егоровна. — Графинѣ такъ плохо, эти головные боли положительно сведуть ее съ ума.

— Вѣроятно, опять цѣлый часъ стояла въ своей молельной на колѣняхъ и клала земные поклоны.

— Ну, конечно... Только тише, тише, умоляю васъ.

Claudine осторожно подошла къ больной подругѣ и положила свою мягкую атласную ручку на ея голову. Эта нѣжная ласка подѣйствовала успокоительно. Постепенно стоны начали затихать и скоро Оливія погрузилась въ легкій, нервный сонъ.

Claudine все такъ и стояла надъ нею, продолжая нѣжно гладить атласной ручкой ея лобъ и дрожавшую на вискѣ вспухнувшую синюю жилку.

Графиня Оливія и во снѣ тихо стонала. Но сонъ ея былъ не дологъ — какихъ-нибудь 20 минутъ, и, порывисто вздрогнувъ, она открыла глаза.

— Ну что, легче тебѣ, дѣточка? — нѣжно наклонилась надъ нею Claudine.

Слабая улыбка пробѣжала по измученному лицу графини Оливіи.

— Сама ты „дѣточка“, — прошептала она, пожавъ руку Claudine. — Давно-ли ты тутъ? Когда меня терзаютъ головныя боли, я не различаю времени.

— Я здѣсь всего какихъ-нибудь полчаса, за это время ты успѣла и заснуть, и проснуться. Ну, какъ твоя головная боль?

— Ты видишь, я говорю, вижу, слушаю, значить, мнѣ сравнительно хорошо. — Присядь ко мнѣ поближе и Расскажи мнѣ что-нибудь твоимъ серебрянымъ голоскомъ. Софья Егоровна — милая женщина, но у нея голосъ какъ у трещетки, и когда у меня болитъ голова, я ее умоляю молчать.

Claudine осторожно присѣла на край постели.

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимай своей милой мягкой ручки, — она меня такъ успокаиваетъ. Ну теперь щебечи, моя птичка.

— Сегодня я къ тебѣ пришла съ интересною новостью, милая Оливія, но я хотѣла бы, чтобы меня послушала и Софья Егоровна. Можно позвать ее сюда?

Компаньонка дремала въ отдаленномъ углу въ креслѣ, она сейчасъ-же встрепенулась и побѣжала, перебирая своими длинными ногами.

— Въ чемъ дѣло? Чѣмъ могу помочь? Вамъ, кажется, легче, графиня, слава Богу?

— Только не суетитесь, Софья Егоровна, а то у меня опять разболится голова. Баронесса привезла намъ какую-то интересную новость и хочетъ, чтобы вы ее прослушали. Ну, теперь всѣ въ сборѣ, — рассказывай, Claudine.

— Говорятъ, въ Петербургѣ появился замѣчательный человѣкъ. Правда, онъ каждый день публикуется во всѣхъ газетахъ, но публиковаться можетъ всякій шарлатанъ. Не публикація меня заинтересовала, а та молва, которая идетъ о немъ.

— Чѣмъ же замѣчателенъ этотъ человѣкъ?

— Онъ гадаетъ и лечить.

— Гадаетъ и лечить? — Графиня Оливія расхоталась.

— Всякое гаданье напоминаетъ мнѣ ту кудесницу, къ которой насъ возила Софья Егоровна. И стоило ѣхать въ такую даль, лазить по грязи и трущобамъ, видѣть эту страшную физиономію съ коршуньимъ носомъ и совыими глазами, — для того, чтобы она тебѣ показала голову какого-то черного мага, котораго сама боится до полусмерти.

— Но вѣдь я же видѣла въ чашѣ и Михаила и Оскара и даже Бориса. Конечно, все это были туманные, не отчетливыя картины, но...

— Эти фигуры были твоимъ воображеніемъ... На мой холодный мозгъ она не особенно разсчитывала, и я только видѣла темную фигуру съ черной головой больше ничего. Но можетъ быть, мошенница-гадалка какъ-нибудь особенно ставить свѣчу противъ головы и чаши и темная тѣнь падаетъ на воду. Она меня такъ быстро выпроводила, что я ничего какъ слѣдуетъ сообразить не могла. А Софья Егоровна она и со всѣмъ гадать отказалась. Я думаю, что ее смущали мой презрительный, недовѣрчивый взглядъ и холодное лицо.

Claudine сердилась.

— Но тотъ человѣкъ, о которомъ я тебѣ говорю, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенной гадалкой.

— Ну, конечно, это какое-нибудь необыкновенное чудо природы? — съ новой ироніей воскликнула графиня Оливія.

— Ты, кажется, меня не хочешь сегодня выслушать?

— Ну, не сердись, милая птичка, рассказывай. Итакъ, ты нашла замѣчательнаго человѣка, который лечить и гадаетъ, и, конечно, можетъ разгадать, чѣмъ окончится твоя любовь къ графу, и совершенно вылечить мою головную боль?

— Да, я такъ думаю, — съ увѣренностью подчеркнула Claudine.

— Какъ-же онъ гадаетъ? По картамъ или на кофейной гущѣ? Или, можетъ быть, смотреть въ чашу, какъ ваша отставная кудесница?

— Ни то, ни другое. Прежде всего онъ хиро-

мантъ, замѣчательный оккультистъ и магнетизеръ. Кажется, титуловъ не мало и титулы все почтенные. Да, забыла еще, онъ ученикъ какого-то мага, извѣстнаго всему міру.

— Твои рассказы становятся интересны. И онъ много беретъ за свои сеансы?

— Въ твоихъ денежныхъ сундукахъ золота хватитъ. Онъ беретъ всего два рубля за каждое посѣщеніе. За эти два рубля онъ тебѣ опредѣляетъ твое прошлое, настоящее и будущее, а если ты хочешь что-нибудь измѣнить въ теченіи твоей судьбы, тогда плата опредѣляется по взаимному соглашенію.

— И ты знаешь кого-нибудь, кто былъ у него?

— О, слава его уже гремитъ по Петербургу. Между прочимъ, была Неточка Лусьева. Она имъ совершенно очарована. Это — изящный джентльмэнъ. И онъ сказалъ ей всю правду.

А кого онъ лечитъ и отъ чего?

— Онъ лечитъ магнетизмомъ,—у него въ рукахъ и глазахъ какая-то чудесная сила.

Софья Егоровна, слушая рассказы Claudine, приросла къ мѣсту. Она раскрыла свой ротъ и часто, часто моргала, изумленная и восхищенная. Но самый большой сюрпризъ ждалъ ее впереди.

— А хочешь-ли я тебѣ скажу,—продолжала описывать новую „знаменитость“ Claudine,—самую главную силу этого „ученаго мага“?

— Конечно, это любопытно.

— Не любопытно, а поразительно... Этотъ чело-вѣкъ не только самъ умѣетъ вліять на окружающихъ и даже на лицъ, находящихся отъ него на далекомъ разстояніи, — но можетъ передавать эту свою силу и другимъ.

— И конечно, за большія деньги?

— Ахъ, при чемъ тутъ деньги, Оливія? Развѣ я не согласна буду отдать все, что я имѣю, если онъ вернетъ къ моимъ ногамъ Михаила любящимъ и побѣжденнымъ? Съ одной стороны—любовь, съ другой—оскорбленное самолюбіе и попранная женская гордость, а съ третьей... Ахъ, Оливія, завладѣть этимъ чело-вѣкомъ это значитъ завладѣть сказочнымъ богатствомъ, знатнымъ титуломъ и высотой положенія. Да

развѣ можно что-нибудь жалѣть для достиженія такой цѣли?

Послѣ горячаго монолога баронессы, не вытерпѣла и заговорила Софья Егоровна:

— Неужели послѣ всего этого вы можете еще раздумывать, графиня? Скорѣй вставайте и собирайтесь, и ѣдемъ къ „ученику мага“. Вы получите здоровье, баронесса, — богатство и могущество а я... — Софья Егоровна захлебнулась отъ восторга: — а я — любовь и семейное счастье.

— Не поздно-ли? — язвительно сказала графиня Оливія, медленно поднимаясь съ кровати.

Софья Егоровна сердито прикусила губу, но промолчала.

— Ахъ, да, Claudine, вѣдь я тебя еще не спросила, какъ зовутъ этого „ученика мага“ и гдѣ онъ живетъ?

Баронесса вытащила печатную карточку изъ своего ридикюльчика.

— Живетъ онъ, въ противоположность другимъ кудесникамъ, въ роскошномъ особнякѣ на Пушкинской. Образованный, владѣетъ нѣсколькими языками, элегантен и даже, кажется, красивый. Зовутъ его — Вячеславъ Ливскій.

Часъ спустя, обѣ свѣтскія особы, въ сопровожденіи компаньонки, звонили у подъѣзда маленькаго особнячка на Пушкинской. У дверей не было карточки и лишь блестящая цифра обозначала номеръ квартиры.

Дверь была мгновенно отперта лакеемъ. Это былъ красивый, рослый молодой человѣкъ, одѣтый въ сѣрую форму съ зелеными кантиками и серебряными пуговицами. Взглядъ его красивыхъ глазъ былъ какой-то странный, словно остановившійся. Улыбка не сходила съ его устъ, какъ-будто застыла на нихъ. Лицо блѣдное, ни кровинки, синія жилы просвѣчиваютъ сквозь кожу и отчетливо вздуваются на лбу и вискахъ.

Лакей вѣжливо попросилъ дамъ подняться по небольшой лѣсенкѣ обитой ковромъ, на площадку, а съ площадки провелъ въ переднюю, отдѣланную въ китайскомъ стилѣ.

— Какъ красиво и таинственно, — прошептала баронесса.

— У меня уже бьется сердце, я вся дрожу, — закативъ глаза, вторила ей Софья Егоровна.

Изъ передней лакей провелъ компанію въ большую комнату, раздѣленную пополамъ тяжелымъ шелковымъ занавѣсомъ. Съ правой стороны занавѣсъ былъ оливковаго цвѣта и въ тонъ ему были дорогія портьеры, обои, шелковая мебель, рамы картинъ и зеркаль.

У окна стояла конторка, изящная, въ декадентскомъ стилѣ, съ двумя ящиками съ большими бронзовыми кольцами. Къ конторкѣ подошелъ лакей и выдвинулъ оба ящика.

Въ одномъ изъ нихъ лежали деньги золотомъ, серебромъ и бумажками; въ другомъ лежали билеты трехъ цвѣтовъ: красные, зеленые и желтые. А въ самомъ углу этого второго ящика виднѣлся завернутый въ бумагу пакетъ.

-- Вамъ какіе билеты прикажете, сударыня? Желтый стоитъ два рубля, — это короткое гаданье о вашей жизни. Зеленый стоитъ пять рублей, — это самое подробное гаданье о вашей жизни. Красный билетъ дорогой — онъ стоитъ десять рублей, но тогда вы можете касаться жизни тѣхъ, кто вамъ дорогъ.

Эти слова лакей произносилъ быстро, но внятно, однимъ тономъ, какъ хорошо заученный урокъ.

— Позвольте мнѣ красный билетъ, — сказала баронесса и бросила золотую монету въ открытый ящикъ.

— Позвольте мнѣ красный билетъ, — съ тяжелымъ вздохомъ повторила Софья Егоровна и отдала золотую монету лакею.

— А мнѣ какой вы дадите билетъ? — спросила графиня Оливія. — Я вѣдь не хочу гадать, я просто пришла лечиться.

— Тогда, сударыня, возьмите зеленый билетъ и сами все объясните пану Вячеславу.

Снабдивъ дамъ билетами, лакей пропустилъ ихъ на другую половину комнаты, приподнявъ занавѣсъ.

Съ другой стороны этотъ занавѣсъ былъ красиваго свѣтло-сиреневаго цвѣта и также гармонировали обои, портьеры, мебель и рамы зеркаль и картинъ. Эта вторая половина была отдѣлана съ особенной, почти царственной роскошью. Тутъ красовались ста-

ринныя художественныя вещи, — бронзовыя и фарфоровыя, а картины соперничали кистью старинныхъ и славныхъ мастеровъ.

Въ пріемной уже ожидало два посѣтителя... Какая-то дама въ глубокомъ траурѣ и полковникъ генеральнаго штаба, лѣтъ сорока, съ настойчивымъ и строгимъ выраженіемъ лица.

Казалось, что въ этой комнатѣ больше дверей не было.

— Намъ придется много ждать, — вздохнула Claudine.

— Хорошее никогда скоро въ руки не дается, — наставительно сказала Софья Егоровна.

И вдругъ часть шелковой стѣны колыхнулась и выдвинулась. Раздался серебристый звонъ колокольчика. Тогда въ разрѣзѣ занавѣса появилась фигура лакея.

— Ваша очередь, — обратился онъ къ дамѣ въ траурѣ и подвелъ ее къ выдвинувшейся стѣнѣ, за которой она и скрылась.

Тогда снова раздался серебристый колокольчикъ и стѣна снова стала на прежнее свое мѣсто. Послѣ 20 минутъ ожиданія настала очередь полковника, а еще черезъ полчаса со словами: „ваша очередь“ лакей обратился къ баронессѣ.

Дрожащая, взволнованная, подошла она къ отверстію выдвинувшейся стѣны и стѣна поглотила ее, какъ и прежнихъ посѣтителей.

II.

Гаданіе.

Claudine очутилась въ полу-мракѣ передъ тяжелой бархатной портьерой...

И вотъ эта портьера заколыхалась и проглянула полоска свѣта... Мелькнула блѣдная, красивая рука и послышался мягкій, вкрадчивый голосъ:

— Прошу васъ, войдите.

Claudine вошла.

Она очутилась въ небольшой комнатѣ, стѣны были плотно обиты тяжелыми коврами. Комната но-

сила характеръ восточный. Около стѣнъ низкія тахты съ валиками и подушками. Вмѣсто стульевъ маленькія, обитыя персидской вышивкой, мягкія тумбочки. На окнахъ и дверяхъ тяжелыя ковровыя портьеры и легкій прозрачный цвѣтной шелкъ вмѣсто занавѣсокъ.

Посреди комнаты стоялъ низкій столъ, передъ нимъ двѣ тумбочки. У стѣны узкій, длинный, большой шкафъ съ дверцей изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. По стѣнамъ на коврахъ было развѣшано старинное оружіе, трубки для куренія. На низкихъ деревянныхъ тумбочкахъ, украшенныхъ мозаикой изъ прозрачныхъ разноцвѣтныхъ камушковъ, стояли приборы для каляна, гашиша и кувшины изъ красноватой глины, наполненные шербетомъ.

Баронесса быстрыми, любопытными глазками осматривала всю эту таинственную красивую, разноцвѣтную обстановку, а затѣмъ уже посмотрѣла съ любопытствомъ на „ученика мага“.

Среди восточной обстановки онъ выдѣлялся рѣзкимъ контрастомъ въ своемъ элегантномъ европейскомъ костюмѣ.

Онъ былъ выше средняго роста, строенъ и хорошо сложенъ. Черты его лица были красивы и тонки, борода и щеки гладко выбриты, а длинные, темные польскіе усы выхолены и надушены. Небольшая голова, откинута горделивымъ движеніемъ, выдѣлялась надъ узкими плечами. Глаза „ученика мага“ были скрыты темными стеклами золотого пенснэ. Онъ поклонился изысканно вѣжливо и корректно, и предложилъ своей посѣтительницѣ сѣсть на одну изъ тумбочекъ у стола. Самъ онъ сѣлъ на другую. Онъ не безъ внутренняго удовольствія оглядѣлъ шикарную, молодую даму, съ тою мягкостью движеній и тоновъ туалета, которая присуща дамамъ высшаго общества.

— Прошу васъ, мадамъ, позвольте мнѣ ваши ручки. Судя по красному билету, который вы мнѣ принесли, вы хотите узнать судьбу свою и человѣка вамъ близкаго.

Claudine вспыхнула... „Ученикъ мага“, казалось, сквозь темныя стекла своего пенснэ читаетъ ея мысли и желанія.

— Да, monsieur...

— Monsieur Ливскій — предупредительно подсказалъ онъ.

— Да, monsieur Ливскій, вы угадали — я пришла узнать свою судьбу и одного близкаго мнѣ человѣка.

— Въ такомъ случаѣ захватили ли вы его карточку?

— Его карточку? Я ношу всегда его портретъ въ медальонѣ.

— Такъ дайте мнѣ этотъ медальонъ и ваши ручки, мадамъ.

Claudine сняла медальонъ и раскрыла его. Прелестное лицо красавца князя Михаила Батурина, какъ живое, предстало передъ Вячеславомъ Ливскимъ.

— Красивый, интересный юноша, — серьезно сказалъ Ливскій. — А теперь позвольте мнѣ ваши ручки, мадамъ.

Онъ взялъ обѣ протянутыя ручки въ свои. Она невольно обратила вниманіе на красоту его рукъ, — изящной формы, съ длинными, тонкими пальцами и острыми, розовыми, выхоленными ногтями.

— Красивая рука, — въ свою очередь, слегка усмѣхнувшись, сказала она.

Онъ какъ-будто не слышалъ ея комплимента, внимательно вглядываясь въ линіи ея рукъ, въ малѣйшія извилины, изучая форму ладони и пальцевъ. И каждую линію онъ записывалъ какимъ-то значкомъ на листъ бумаги.

— Merci. Возвращаю вамъ въ цѣлости ваши ручки, — для моего дѣла онъ больше не нужны. Теперь прошу васъ внимательно слушать.

Привычнымъ легкимъ движеніемъ онъ сбросилъ пенснэ. Передъ Claudine вырисовались его большіе, сѣрые глаза, острые, не мигающіе, съ упорнымъ взглядомъ. Онъ не смотрѣлъ ей въ глаза, а между глазъ, на переносицу, но ей казалось, что эти острые, стальные глаза видятъ ее всю насквозь и читаютъ каждую ея мысль. Онъ медленно заговорилъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Въ вашихъ жилахъ, сударыня, течетъ чисто аристократическая кровь, — ваша кость — бѣлая кость. Говоря съ вами, смѣшно было-бы упоминать о бѣдности и лишеніяхъ: объ этихъ вещахъ вы имѣете лишь смутное понятіе, какъ о какой-то смутной сказкѣ.

Вы не только не нуждались, но каждый вашъ капризь исполнялся съ самаго вашего рожденія. Вы гордитесь своей красотой, любите быть замѣтной и любите выдѣляться, поэтому вы эксцентричны, — для вашего общества, конечно. Вамъ многіе нравились, но вы никогда никого не любили, потому что обожаніе намѣченного давалось вамъ очень легко.

— Вы ошибаетесь, monsieur Ливскій, я... — Онъ быстро, но осторожно ее перебилъ!

— Не будемъ забѣгать впередъ, сударыня. Итакъ, вы никого не любили, потому что все, что дается легко, не имѣетъ цѣны въ вашихъ глазахъ. Но вотъ встрѣтился на вашемъ пути прекрасный, блестящій юноша. Имъ вы увлеклись, вамъ казалось, что и онъ увлекся вами, но въ рѣшительную минуту онъ уклонился отъ вашихъ чаръ, и ускользнувшая игрушка вамъ показалась дорогой, больше того — необходимой.

— Откуда вы все это можете знать monsieur Ливскій? — прошептала смущенная Claudine.

Горделивая улыбка мелькнула на его губахъ.

— Я многое знаю, сударыня, — гораздо больше, чѣмъ вы можете предполагать. Я не простой кудесникъ или гадальщикъ сударыня, я не шарлатанъ. Я продаю свои знанія потому, что у меня есть что продавать. Я извѣздилъ полміра, сударыня, и изучилъ многія таинственныя науки. Я изучилъ каббалу, алхимию, науки звѣздъ и многія другія, о которыхъ вы и не слышали. Я обладаю слухомъ, который можетъ слышать за тысячи верстъ, и не только слово, но и мысли. У меня острое зрѣніе, для котораго не существуетъ преграды и пространства. Я вижу сквозь стѣны и горы, я вижу песчинку на днѣ морскомъ, я вижу дождевую каплю въ небесахъ.

— Развѣ это возможно? — прошептала она.

— Я слишкомъ много знаю и могу — для того, чтобы лгать, сударыня.

Онъ говорилъ такъ внушительно и твердо, что поневолѣ вѣрилось всему въ этихъ устахъ.

— Но не будемъ терять времени, сударыня, — тамъ еще много ожидающихъ. Итакъ, вы любите этого блестящаго юношу, потому что онъ вамъ, не дается... Но, я вижу, что у васъ есть мужъ, сударыня, прекрасный человѣкъ, который обожаетъ васъ, суда-

рыня. Да, если-бы вы могли полюбить его, сударыня, то васъ ждало-бы несомнѣнное счастье. Вы одарены природой не только красотой, но умомъ и способностями. Къ сожалѣнію, все это направлено на мелочи жизни и не имѣетъ настоящаго поля для дѣятельности.

— Ну, а тотъ, котораго я люблю, будетъ ли онъ когда-нибудь моимъ? — нетерпѣливо перебила баронесса.

— Какъ вамъ сказать? Судьбой онъ вамъ не предназначенъ, но...

— Да развѣ можно измѣнить предначертанное судьбой?—съ жадностью спросила она.

— Каждый—не можетъ, сударыня, но я могу.

— Что-же я должна для этого дѣлать? Monsieur Ливскій, я ничего не пожалѣю, я не пожалѣю даже собственной жизни, чтобы достигнуть желаемаго. Поймите, что, все равно, я не могу такъ жить,—я мученица. Я скорѣе готова видѣть его мертвымъ, чѣмъ у ногъ другой женщины. А можетъ быть, онъ уже любить другую. Скажите мнѣ, умоляю васъ...

— Вы хотите это непременно сейчасъ знать?

— Да, сейчасъ, сію минуту.

Ливскій снова усмѣхнулся.

— Я вижу тутъ записочку, внизу около портрета, —это его почеркъ, вѣроятно? Разрѣшите мнѣ ее прочесть и я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ.

— Да, это его стихи, прочтите, пожалуйста.

Ливскій развернулъ бумажку, и первое, что онъ постарался прочесть, была подпись съ красивымъ росчеркомъ „Князь Батуринь“.

Блѣдныя щеки Ливскаго слегка окрасились румянцемъ. Князь Батурины! Одна изъ богатѣйшихъ фамилій Россіи. Князей Батуриныхъ мало, а блѣдныхъ между ними совсѣмъ нѣтъ. Можетъ быть, въ лицѣ этой хорошенькой аристократки и кроется одна изъ тѣхъ золотыхъ рыбокъ, которую предстоитъ поймать для собственнаго обогащенія.

Руки Вячеслава Ливскаго дрожали, когда онъ прочитывалъ небольшое стихотвореніе, написанное четкимъ почеркомъ и посвященное „красавицѣ Claudine“.

— Могу сказать вамъ нѣсколько словъ о предметѣ вашей любви, сударыня. Въ одномъ вы съ нимъ

очень схожи. Онъ такъ же, какъ и вы, не глупый и талантливый, но такъ же, какъ и вы, тратить эти дары природы на ненужныя мелочи. Онъ очень добръ,—гораздо добрѣ васъ, сударыня.

— А развѣ я злая?—обидѣлась баронесса.

— Какъ вамъ сказать, сударыня. Къ тѣмъ, которые не сдѣлали и не могутъ вамъ сдѣлать ничего дурного, вы безпечно добры, но бѣда тому, кто всталъ на вашемъ пути. Такому человѣку не будетъ ни прощенья, ни пощады.

Claudine нахмурила бровки.

— Пожалуй, вы и правы,—задумчиво покачавъ головкой, сказала она.

— Что вамъ сказать еще о предметѣ вашихъ мечтаній? Онъ очень честенъ, за то и очень слабохарактеренъ. Онъ увлекается веселою жизнью, кутежами и часто красивыми женщинами. Но ни одной изъ тѣхъ, которыя ему принадлежали, онъ не уважалъ. Онъ полюбитъ только ту, которую будетъ уважать.

Радостная улыбка озарила личико баронессы.

— Значить, сердце его на захвачено настоящей любовью и я еще могу надѣяться?

— Если говорить о начертаніяхъ судьбы, то вы не можете надѣяться, сударыня... Чистая, свѣтлая дѣвушка уже давно заронила зерно любви въ сердце этого молодого человѣка. Я вижу ихъ играющими вмѣстѣ въ дѣтствѣ, я вижу, какъ юношей онъ объясняется ей въ любви и проситъ стать его женой. Я вижу, какъ цѣлый рядъ увлеченій заставляютъ его забыть объ этой первой любви. Но прекрасная дѣвушка никогда не переставала любить, она и до сихъ поръ втайнѣ любить его и надѣется имъ овладѣть. Молодой человѣкъ видѣлся съ нею часто. Онъ уважаетъ только двухъ женщинъ въ мірѣ: свою мать и ее. Судьба предопредѣляетъ, что незамѣненное до сихъ поръ зернышко любви въ его сердцѣ разрастется прекраснымъ благоухающимъ цвѣткомъ.

Claudine вскочила съ бѣшенствомъ.

— Молчите! Вы лжете! Вы не „ученикъ мага“, а просто гадальщикъ и болтунъ!

Вячеславъ Ливскій спокойно надѣлъ свое пенснэ.

— Честь имѣю кланяться, сударыня... Я больше не скажу вамъ ни слова. Вы можете получить деньги

обратно за вашъ билетъ,—заявилъ съ достоинствомъ Вячеславъ Ливскій.

Онъ хорошо понялъ психологію этой хорошенькой, молоденькой аристократки, онъ зналъ, что теперь она въ его рукахъ, что скорѣе она на колѣняхъ будетъ просить у него прощенія, чѣмъ разсорится съ нимъ окончательно.

И дѣйствительно, баронесса вспыхнула, остановилась и закрыла лицо руками. Черезъ минуту она уже протягивала обѣ свои ручки „ученику мага“.

— Простите меня, умоляю васъ. Вы задѣли мое самое больное мѣсто, вы ударили по самой больной струнѣ моего сердца. Не бранить я должна была васъ, а просить помочь мнѣ. Monsieur Ливскій, я не хочу, чтобы предопредѣленіе судьбы совершилось! Я сдѣлаю все, что надо, я отдамъ все, что у меня есть,—только помогите мнѣ. Вырвите эту зарождающуюся любовь изъ его сердца и бросьте его къ моимъ ногамъ. Не знаю почему, но я вѣрю вамъ.

Вячеславъ Ливскій скромно улыбнулся.

— Въ моей власти многое, что не во власти другихъ людей. Идите теперь домой, сударыня, и приходите ко мнѣ черезъ 4 дня, въ 8 часовъ вечера. Сегодня понедѣльникъ,—значить, я васъ жду въ пятницу. Я познакомлюсь съ вашимъ дѣломъ, а вы тѣмъ временемъ серьезно подумайте.

— Я уже на все рѣшилась, monsieur Ливскій.

— То, что вы хотите,—не шутка. Отъ васъ потребуется много жертвъ и тяжелыхъ. А главное—полное повиновеніе моей особѣ. Малѣйшая оплошность можетъ испортить все дѣло, которое будетъ стоять на самыхъ тонкихъ вычисленіяхъ.

Claudine гордо откинула голову и твердо протянула руку Ливскому.

— Я буду у васъ въ пятницу, въ 8 часовъ вечера.

— Теперь прошу васъ пройти черезъ эту дверь.

— Но тамъ, въ пріемной, меня ждутъ.

— Кругомъ вы можете опять вернуться въ пріемную. До свиданья, сударыня.

Claudine вышла въ одну дверь, а въ другую вошла графиня Оливія Недлеръ.

Любовь.

Графиня Оливія Недлеръ съ холоднымъ любопытствомъ посмотрѣла на изящнаго „ученика мага“ и даже съ чувствомъ нѣкотораго презрѣнія оглядѣла его восточную, бьющую на эффектъ комнату.

Эта высокая, стройная, некрасивая, но породистая женщина сразу приковала вниманіе Вячеслава Ливскаго. Она внесла какую-то новую струю,—строгую и даже религіозную, которой еще не вносила ни одна женщина, пришедшая „погадать“.

— Вы хотите знать свою судьбу, сударыня?

Она холодно и гордо покачала головой.

— Нѣтъ, monsieur Ливскій. Всѣ эти пустяки мало меня интересуютъ. Моя молодость прошла и я не строю воздушныхъ замковъ. Я стараюсь приготовить себѣ счастливую будущую жизнь. Я молюсь, сколько у меня хватаетъ силъ, я соблюдаю всѣ посты, я стараюсь не отягчать грѣхомъ не только свои дѣла, но и помыслы. Но меня мучить жестокой недугъ, онъ препятствуетъ мнѣ молиться и совершать добрыя дѣла. У меня невыносимыя головныя боли, частыя и длящіяся часами. Я обращалась ко всѣмъ знаменитостямъ медицинскаго міра, но всѣ средства, которыя онѣ мнѣ давали, лишь временно облегчали мои страданія. Зато потомъ эти страданія возобновлялись съ новой силой. Мнѣ сказали, что вы можете мнѣ помочь. Если это правда, я прошу васъ взяться за мое леченіе, въ средствахъ я не стѣсняюсь.

— Я могу вамъ помочь, сударыня, — скромно и просто заявилъ Вячеславъ. — Вамъ только придется ко мнѣ пріѣзжать раза три въ недѣлю и вполне подчиняться нѣсколько странному моему леченію.

— Въ чемъ состоитъ вашъ методъ? -- не поднимая глазъ, сухо спросила графиня Оливія.

— Я лечу прикосновеніемъ своихъ рукъ и взглядомъ. Я теряю большую силу, сударыня, и потому мнѣ 25 рублей за сеансъ взять не могу.

— Я согласна на ваши условія, — не моргнувъ глазомъ сказала графиня Оливія, — а если вы меня

вылечите, — я награжу васъ еще отдѣльной суммой въ 5 тысячъ рублей.

„Положительно интересная паціентка“, — пронеслось въ головѣ Вячеслава Ливскаго, а вслухъ онъ добавилъ:

— Мы можемъ начать нашъ первый сеансъ сейчасъ, сударыня.

-- Я къ вашимъ услугамъ.

Вячеславъ Ливскій усадилъ свою паціентку на мягкую ковровую тахту и свободно облокотился на шелковыя подушки.

— Надѣюсь, это будетъ не очень долго, въ приемной меня ждетъ моя компаньонка, — многозначительно предупредила графиня Оливія.

— Не бойтесь, сударыня, весь сеансъ возьметъ какихъ-нибудь 15 минутъ. Теперь смотрите прямо мнѣ въ глаза и дѣлайте, что я вамъ буду говорить.

Ливскій остановился передъ графиней Оливіей, его острые, пронизательные глаза словно впились въ ея душу и не отрывались ни на одно мгновеніе. Сначала ей было неловко и холодно подъ этимъ взглядомъ и она хотѣла встать, но она пересилила себя. А затѣмъ, если бы она даже пожелала встать, то уже не могла бы. Ея члены налились свинцовой тяжестью и сдѣлались чужими. Смотрѣвшіе на нее пристально сѣрые глаза росли, становились большими, сильными, грозными.

— Дайте мнѣ обѣ ваши руки, сударыня, — услышала она повелительный голосъ.

Ей казалось, что она не шевелится, а между тѣмъ руки ея мгновенно очутились въ рукахъ Ливскаго.

— Засните, засните, — повторялъ повелѣвающій голосъ.

Сознаніе графини Оливіи становилось все болѣе смутнымъ и, наконецъ, она совсѣмъ потеряла его.

— Ты спишь? — не отрывая отъ нея взгляда и не выпуская ея рукъ, спросилъ Ливскій.

— Да, я сплю, — глухо отвѣтили ея уста.

— Ты должна мнѣ повиноваться и отвѣчать мнѣ!

— Я буду отвѣчать тебѣ и буду тебѣ повиноваться... — также глухо отвѣтили ея уста.

— Какъ тебя зовутъ?

Львівська державна
наукова бібліотека

6425

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

10.640

— Графиня Оливія Недлеръ.

Довольная улыбка пробѣжала по губамъ Вячеслава Ливскаго. Очевидно, и судьба начинаетъ ему повиноваться, — она начинаетъ посылать ему самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей Петербурга. Скоро и на его улицѣ будетъ большой праздникъ.

— Замужняя? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дѣвушка.

— Расскажи мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, кто ты и какова ты?

— Я принадлежу къ знатной богатой семьѣ. У меня отецъ и братъ, но я совершенно самостоятельна. Мое личное состояніе равняется двумъ милліонамъ, если считать имѣніе и домъ.

— Каковъ твой характеръ и любишь-ли ты кого-нибудь?

— Я люблю своего отца и брата, нѣсколькихъ близкихъ людей, но о той любви, на которую ты намекаешь, я никогда не имѣла понятія и никогда къ ней не стремилась. Больше всего я люблю религію, много молюсь, соблюдаю посты и грѣховные помыслы никогда не омрачаютъ моей души. Жизнь на этой землѣ не имѣетъ для меня особой цѣны и я хотѣла-бы скорѣй переселиться въ міръ иной. Тамъ я надѣюсь получить вѣчное счастье взамѣнъ временнаго, въ которомъ отказала мнѣ земля.

— Кто направилъ тебя ко мнѣ?

— Къ тебѣ направилъ меня случай. Лишь сего-дня утромъ я узнала отъ баронессы Ровень о твоёмъ существованіи и магнетической силѣ, могущей излечить мои безумныя головныя боли.

— Благодарю. Ты отвѣчала мнѣ искренно и я доволенъ тобой. Теперь слушай меня и запомни всѣ мои приказанія.

— Я слушаю, — покорно сказала она.

— Когда ты вернешься домой, у тебя начнется приступъ головной боли, но меньшій чѣмъ обыкновенно. Ты припишешь это моему вліянію. Съ той минуты, какъ ты проснешься, ты будешь чувствовать ко мнѣ полное довѣріе и симпатію. Тебя будетъ тянуть все время ко мнѣ и ты аккуратно придешь на сеансъ въ назначенный мною часъ, Ты поняла?

— Да.

— Слушай дальше. О томъ, что ты спала и говорила со мной, ты никогда не узнаешь. Когда ты проснешься, тебѣ будетъ казаться, что ты не спала ни одной минуты, а просто смотрѣла мнѣ въ глаза. Ты поняла?

— Да.

— И будешь мнѣ повиноваться?

— И буду тебѣ повиноваться.

— И ты придешь въ назначенный мною часъ?

— Приду непременно.

— Теперь ты можешь проснуться и будешь чувствовать себя хорошо.

Нѣсколько разъ Ливскій дунулъ ей въ лицо и повторилъ:

— Проснись, проснись, проснись.

Графиня Оливія вздрогнула и медленно открыла глаза.

— Вамъ лучше, вамъ навѣрно лучше, сударыня.

— Да, мнѣ лучше, — прошептала она.

И дѣйствительно, легкое, пріятное чувство разлилось по ея тѣлу.

— Мнѣ даже хорошо, — тихо прибавила она.

— Такъ я могу васъ ждать послѣ завтра, графиня?

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Почему вы знаете, кто я?

— Я знаю все, что хочу, графиня, — отвѣтилъ онъ съ таинственной улыбкой. — А теперь мнѣ приходится съ вами проститься, потому что меня ждутъ. Я знаю, что и васъ тоже ждутъ въ пріемной. Только вамъ придется пройти кругомъ вотъ въ эту дверь и по коридору.

Онъ почтительно проводилъ графиню Оливію до дверей. Теперь ужъ она не смотрѣла на него съ высоты своего олимпійскаго аристократизма. Гордое, презрительное выраженіе смѣнилось на ея лицѣ любезнымъ и восхищеннымъ. Когда она скрылась за дверью, граціозно кивнувъ своей некрасивой, но породистой головой, Вячеславъ Ливскій торжествующе поглядѣлъ ей вслѣдъ.

— Погоди. Еще не такъ у меня затанцуешь, — съ злорадной улыбкой прошепталъ онъ. — Покажу я тебѣ твою аристократическую породу. Ты какъ разъ тотъ человѣчекъ, который мнѣ нуженъ и котораго я

искалъ. Ты будешь первой ступенью къ моему могуществу и къ моей славѣ.

Проговоривъ этотъ маленькій монологъ, онъ подошелъ къ ковровой портьерѣ, чтобы пропустить новыхъ посѣтителей.

Портьера взвилась, приподнятая его изящной рукой, и на порогъ показалась длинная, сухая фигура Софьи Егоровны.

— Прошу васъ, сударыня, войдите.

Та прямо приступила къ дѣлу.

— Вы магъ! Вы волшебникъ! Обѣ мои дамы очарованы вами и ошеломлены вашими предсказаніями. Я знаю, что вы мнѣ поможете, я знаю, что я буду торжествовать! Да иначе и быть не можетъ. Истинная любовь должна всегда торжествовать.

— Присядьте, пожалуйста.

— Сяду, конечно, сяду, непременно сяду. Вотъ мои руки monsieur Ливскій, говорите, все просто и прямо. Я не хочу тайнъ! Я люблю, но не любима. Я была-бы любима, monsieur, если бы у меня не было соперницы. Я должна уничтожить эту соперницу.

Пока Софья Егоровна сыпала свою тираду, Вячеславъ Ливскій внимательно осматривалъ линіи ея рукъ. Наконецъ, онъ медленно поднялъ глаза.

— „Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣлается“, сударыня. Человѣкъ, о которомъ вы сейчасъ мнѣ говорите и который завладѣлъ вашимъ сердцемъ, не только не любитъ васъ, но презираетъ и смѣется надъ вами.

— Клянусь всѣми святыми — это неправда!

— Сударыня, это правда. Съ вашей соперницей связываетъ его искренняя любовь и дружба. Такое чувство не легко уничтожить.

Софья Егоровна привскочила.

— Но это возможно? да? Скажите, возможно? Возможно?

— Для меня—это возможно, сударыня.

— Голубчикъ, дорогой!

Софья Егоровна готова была кинуться въ объятія „ученика мага“, но онъ предусмотрительно уклонился.

— Желаете, чтобы я опредѣлилъ вашу судьбу, сударыня?

— Зачѣмъ мнѣ знать мою судьбу? У меня только

одно желаніе и для исполненія его я ничего не пожалѣю. О, какъ я буду торжествовать, когда противная дѣвчонка возвратитъ мнѣ украденную ею любовь. Эта нищая дѣвчонка-пріемышъ совсѣмъ ему не пара. И будетъ-ли она любить его, какъ слѣдуетъ? Я же ему дамъ великолѣпныя средства и еще лучшую протекцію. А любовь! Какую я ему дамъ любовь и страсть, monsieur Ливскій! Но не только страсть, но и преданность, клянусь вамъ, преданность.

Ливскій сквозь темныя стекла своего пенснэ бросилъ насмѣшливый взглядъ на посѣтительницу.

— А что вы мнѣ дадите за благо, которое надѣетесь получить черезъ мои руки?

Софья Егоровна растерялась.

— Что я вамъ дамъ? Я не знаю. Денегъ, конечно.

— Да, деньги своимъ чередомъ. Но денегъ я много у васъ не возьму. Вѣдь вы хорошо понимаете, что услуга моя будетъ неоцѣнима. Я возьму у васъ денегъ столько, сколько мнѣ самому понадобится на покупку разныхъ снадобей, солей и минераловъ для вашего дѣла. Приблизительно это вамъ обойдется въ 1.000 рублей.

Софья Егоровна конфузливо опустила глаза.

— Но, кромѣ денегъ, что вы еще потребуете, monsieur Ливскій?

Рука его сдѣлала жестъ возмущенія.

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, не безпокойтесь, любви вашей я не требую. Мнѣ нужны будутъ ваши самыя обыкновенныя, прозаическія услуги. Но прежде всего: каждое слово, произнесенное нами, должно быть тайной. Если вы нарушите эту тайну,—маленькіе духи, элементами которыхъ я управляю, донесутъ мнѣ о вашей измѣнѣ и я уничтожу то ваше счастье, которое создамъ своими руками. Думаю, что это достаточныя цѣпи, чтобы васъ удержать отъ излишней болтовни.

— Я буду нѣма, какъ гробъ, какъ камень, какъ рыба.

— Этого будетъ совершенно достаточно,—улыбнулся „ученикъ мага“.—Чѣмъ скорѣй вы мнѣ доставите его портретъ, прядь его волосъ и рубашку, которую онъ уже одѣвалъ,—тѣмъ скорѣе будутъ и результаты. А теперь—до свиданья.

Послѣ Софьи Егоровны еще цѣлый рядъ посѣти-

телей перебивалъ въ восточной комнатѣ „ученика мага“. Преобладали дамы, но немало было и мужчинъ. Публика все чистая и богатая. У каждого Ливскій сумѣлъ отыскать слабую струнку и пообѣщать то, что больше всего манило.

Послѣ пріема Юстина Пецынская съ веселымъ смѣхомъ ворвалась въ восточную комнату „ученика мага“.

— Ну, что, какъ дѣла, мой любимый?

Вмѣсто отвѣта Вячеславъ Ливскій показалъ ей денежный ящикъ, въ которомъ заманчивой кучкой лежали кредитки, перемѣшанные съ золотомъ

IV.

Кладъ.

Въ квартирѣ на Пушкинской улицѣ дѣла шли блестяще. Ежедневно съ 10 ч. утра до 6 ч. дня, Вячеславъ Ливскій принималъ своихъ „пациентовъ“. Одни шли лечить свои недуги. Внушеніе и гипнотизмъ дѣлали свое дѣло, и слава „ученика мага“ росла съ каждымъ днемъ. Газетныя публикаціи и искусно пущенныя замѣтки много способствовали этому успѣху.

Немало перебивала въ салонѣ Вячеслава Ливскаго несчастныхъ влюбленныхъ, во что бы то ни стало добивавшихся взаимной любви.

Шли къ Вячеславу Ливскому и тѣ, которыхъ обуревала жажда наживы, жажда золота.

Наконецъ, обращались къ нему пожираемые тщеславіемъ, алчущіе власти, могущества и блеска.

И для каждого, обратившагося къ нему, „ученикъ мага“ находилъ какое-нибудь чудодѣйственное средство. Однихъ онъ незамѣтно гипнотизировалъ и внушалъ имъ выздоровленіе отъ недуговъ—нравственныхъ, физическихъ и сердечныхъ. Другимъ онъ давалъ порошки для таинственнаго усыпленія нужныхъ имъ лицъ. Третьимъ—давалъ изучать имъ самимъ составленныя рукописныя лекціи, по изученіи которыхъ субъектъ могъ вліять на кого желалъ. И, наконецъ, четвертымъ давалъ порошки для сладостнаго само-

убійства среди исполнившихся самых сокровенных желаній.

Попутно онъ гадалъ по линиямъ рукъ, по портретамъ и за очень высокую плату магическимъ способомъ,

И люди шли къ нему, и все богатая, блестящая публика, ибо для бѣдныхъ цѣны его были недоступны. И деньги прибывали къ нему, лились въ его широко разставленныя руки, какъ золотая непрерывная струя.

Вспоминалъ ли онъ когда-нибудь о томъ благодѣтелѣ, который спасъ его? Вспоминалъ-ли онъ о томъ, который возвратилъ его къ жизни, который обогрѣлъ, приласкалъ и пріютилъ его,—бездомнаго нищаго?

Да, вспоминалъ.

Вячеславъ Ливскій вспоминалъ Орлова ежедневно, только... со страхомъ и содроганіемъ. Мысль встрѣтиться когда-нибудь съ покинутымъ благодѣтелемъ приводила его въ трепетъ. И больше всего онъ боялся, что „дѣятельность“ его дойдетъ до Орлова, и тотъ пожелаетъ вмѣшаться въ темныя дѣла своего „ученика“.

Да, Вячеславъ ученикъ Орлова!.. Только благодаря тѣмъ знаніямъ, которыя Вячеславъ получилъ отъ Орлова, льется теперь въ руки „ученика“ золотая струйка.

Развѣ тутъ не вмѣшалось Провидѣніе? Въ тотъ моментъ, когда, отчаявшись въ своемъ будущемъ, страшившійся смерти, Вячеславъ все-таки рѣшилъ покончить со своимъ существованіемъ, именно въ тотъ моментъ рука Провидѣнія послала ему Орлова. Въдь именно Орлова. И этотъ Орловъ, самъ того не желая, далъ ему страшное орудіе въ руки.

Въ ночь испытаній его предупреждали, что онъ погибнетъ, если измѣнитъ своей клятвѣ. И что оказалось? Они только запугивали его. Никакой бѣды съ нимъ не случилось и не случится.

А все-таки встрѣчаться съ Орловымъ и не хочется, и страшновато.

Теперь золотая рѣка, посланная ему судьбою, удвоится, удесятерится. Теперь открываются передъ нимъ двери къ самой высшей аристократіи. Тамъ денегъ куры не клюютъ.

Эти дни Вячеславъ Ливскій тщательно навелъ справки о трехъ женщинахъ, которыя его посѣтили, и узналъ всю ихъ подноготную. И планъ дѣйствій созрѣлъ въ его мозгу.

Графиня Оливія Недлеръ съ каждымъ сеансомъ все больше запутывается въ разставленной имъ паутинѣ. И онъ разыграетъ свою игру, какъ по нотамъ. Никто не можетъ помѣшать ему. Лакей его также подъ вліяніемъ его гипноза. Юстина Пецынская и безъ всякаго гипноза и тѣломъ, и душой въ его власти, Остается Стефанъ.

Ну, этого господина онъ не допускаетъ въ интимную сторону своей дѣятельности. Стефанъ подозреваетъ что-то таинственное, но навѣрно не знаетъ, что происходитъ въ комнатахъ, предназначенныхъ для „дѣла“. Ему туда запрещенъ входъ. Да, наконецъ, и для обузданія языка Стефана у Вячеслава придумана „штучка“.

Теперь посѣтители салона! О, они то ужъ навѣрно будутъ молчать! Каждый изъ нихъ приносить Вячеславу Ливскому свои тайны, у молчаливыхъ онъ ихъ умѣетъ вывѣдать, и посѣтелямъ „невыгодно“ рассказывать, что дѣлалось на сеансахъ Ливскаго.

Сегодня у него интересный день... Черезъ полчаса начнется „пріемъ“, ужъ ждетъ кое-кто, а сейчасъ онъ пьетъ свой утренній кофе и съ интересомъ просматриваетъ газеты.

Напрасно Юстина Пецынская ласково вьется около него. Его взоръ равнодушно скользитъ по изящной фигуркѣ подруги жизни и самая очаровательная ея улыбка не производитъ на него никакого впечатлѣнія. Теперь Юстина въ глазахъ Вячеслава только необходимая личность, отъ которой, когда потеряется въ ней эта необходимость, онъ сумѣетъ избавиться. Только изрѣдка она пробуждаетъ въ немъ чисто животную страсть.

А между тѣмъ Юстина съ каждымъ днемъ все больше привязывается къ Вячеславу. Теперь — она покорная собака у его ногъ. Когда Вячеславъ хмурится, Юстина не находитъ себѣ мѣста и готова плакать, но слезы она при немъ всегда сдерживаетъ, чтобы его не раздражать. Если Вячеславъ доволенъ и улыбается, граціозное веселье Юстины безгранично.

Сейчасъ онъ озабоченъ, что-то обдумываетъ и она, какъ покорная собака, ласково вьется около него. Только бы быть тутъ, рядомъ.

А у Вячеслава сегодня дѣйствительно много заботъ. До шести пріемъ. До тошноты надоѣло интересоваться мелочами и дразгами чужой жизни, потворствовать похотямъ и страстишкамъ всѣхъ этихъ людей. Въ сущности доля разбойника сразу хватающаго за горло свою жертву и въ одинъ мигъ обирающаго ее до нитки, — завиднѣе доли Вячеслава. Идетъ онъ къ тому же, къ чему шелъ разбойникъ, только медленно и постепенно. Вѣдь всѣ эти жертвы, которыхъ онъ намѣтилъ, постепенно лишаться и покоя своего, и положенія, и средствъ, многія самостоятельности, а нѣкоторые даже жизни.

Кончится пріемъ онъ пообѣдаетъ, отдохнетъ полчаса, а затѣмъ предстоитъ визитъ графини Оливии Недлеръ. На сегодняшнемъ сеансѣ онъ повернетъ направленіе ея мыслей и начнетъ свою блестящую интригу.

Уѣдетъ графиня Недлеръ, — явится баронесса Ровень.

— Ты такъ задумался, любимый, что и не глядишь на меня. Скажи хоть одно ласковое словечко.

Онъ вздрогнулъ.

— Ахъ, Юстина, ты разсуждаешь такъ, какъ-будто мы пастушки на зеленыхъ лугахъ, питаемся ягодами, кореньями и молокомъ, знаемъ только одну свою любовь и никакихъ заботъ не имѣемъ. Лучше скажи, который часъ?

— Безъ четверти десять, любимый!

— Ну, вотъ, мнѣ и пора. Надо приготовить все. До свиданья, до обѣда.

Вячеславъ холодно коснулся лба Юстины, и поспѣшно направился въ свои дѣловые комнаты. Юстина грустно смотрѣла ему вслѣдъ, ея губы дрогнули и слезинки побѣжали по щекамъ.

— Не любить онъ меня.

— Можно? — раздался за дверью голосъ Стефана.

Юстина поспѣшно вытерла слезы.

— Входи, Стефанъ.

Дверь быстро раскрылась и появился Стефанъ

въ нарядной бархатной курточкѣ съ краснымъ галстукомъ а la „художникъ“. Стефанъ былъ причесанъ къ лицу, кожа его поправилась въ хорошей жизни, и онъ выглядѣлъ красивымъ и помолодѣвшимъ. Только огромныя волосатыя руки его были попрежнему украшены „траурными ногтями“.

— Опять ревешь? — Большіе глаза его сверкнули. — Безъ Вячеслава ты настоящая плѣнительная женщина, а при немъ — тряпка. Ну, чего ревешь? Только отводишь его отъ себя. Лучше встряхнись, пусть онъ приревнуетъ тебя немножко.

— Ужъ не къ тебѣ-ли?

Его большіе глаза загорѣлись еще ярче и дрогнулъ чувственный ротъ.

— А хоть бы и ко мнѣ. Я вѣдь соскучился безъ твоихъ ласкъ, Юстина.

Онъ подсѣлъ къ молодой женщинѣ, но она брезливо отодвинулась.

— Нечего морщить носъ. Тогда ты отдалась мнѣ — грязному прощальнѣ, а сейчасъ я совсѣмъ молодецъ. Для тебя вѣдь приумылся и приодѣлся.

— Ногти забылъ вымыть. Или по покойнику какому трауръ носишь?

Его смуглыя щеки вспыхнули.

— Не будь неблагодарной, Юстина. Презрѣніе тебѣ не къ лицу, да еще какъ бы плохимъ чѣмъ для тебя и твоего возлюбленнаго Вячеслава не кончилось.

— Ты... грозишь?

— Предупреждаю. Ты вѣдь знаешь, что мнѣ легко поссорить тебя съ Вячеславомъ.

Она поблѣднѣла.

— Да, знаю.

— Ну, такъ вотъ, смотри, чтобы мое терпѣніе не лопнуло.

Стефанъ подвинулся еще ближе къ Юстинѣ и сильными огромными руками охватилъ ее и привлекъ къ себѣ.

— Оставь! Пусти...

— Тише. — Стефанъ зажалъ ей ротъ поцѣлуями. И напрасно она отбивалась, стараясь царапнуть его или укусить, сильныя объятія все крѣпче и крѣпче

сжимали ее, а поцѣлуи становились пламеннѣе и страстнѣе.

А у Вячеслава Ливскаго въ это время начался обычный пріемъ. Посѣтитель смѣнялся посѣтительницей. Наконецъ, появилась новая дама, которая сразу заинтересовала „ученика мага“. Это была молодящаяся женщина лѣтъ около пятидесяти, сохранившая сравнительно недурной цвѣтъ лица и темныя брови и, видимо, гордившаяся своими прекрасными, пушистыми, совершенно сѣдыми волосами. Одѣта она была въ черное элегантное платье, и брилліанты сверкали въ ея ушахъ и на пальцахъ рукъ.

— Чѣмъ могу служить, сударыня? — вѣжливо спросилъ ее Ливскій.

— Я пришла къ вамъ не гадать, а посоветоваться относительно моихъ имущественныхъ дѣлъ, господинъ Ливскій. Видите-ли, мнѣ недавно досталось наследство послѣ мужа. Денегъ тысячъ тридцать, имѣніе и хорошія вещи. Имѣніе у меня покупаютъ, а я боюсь продешевить. Сама ничего въ дѣлахъ не понимаю и никому не довѣряю. Можете-ли вы дать мнѣ совѣтъ?

— И самый точный, сударыня. Позвольте мнѣ ваши руки.

Ливскій осматривалъ линіи рукъ, отмѣчалъ ихъ, а самъ думалъ:

„Что за великолѣпный характеръ для эксплуатаціи. Какъ бы мнѣ забрать ее въ руки?.. Неужели-же выпустить 30 тысячъ и такіе брилліанты?“

И вдругъ онъ круто повернулся къ дамѣ и сильно потрясъ ея руку.

— Въ чемъ дѣло? — изумилась она.

— Поздравляю васъ, отъ души поздравляю.

— Да съ чѣмъ?

— Вы страшно богаты, вы сами не понимаете, какъ вы богаты! На ваши деньги можно купить четверть міра!..

— Это на тридцать-то тысячъ?!

— А ваше имѣніе? Знаете-ли вы, что это за имѣніе?

— Пустошь.

— Но что скрыто въ нѣдрахъ этой пустоши? Вѣдь тамъ же кладъ!.

— Кладъ?!

— Золото, драгоценные камни!.. Много вѣковъ тому назадъ люди зарыли этотъ кладъ. И какъ глубоко! Я такъ ясно вижу всю картину. Счастливая, счастливая...

— Но что же мнѣ сдѣлать, чтобы достать этотъ кладъ?

— Не жалѣйте денегъ. Поручите это дѣло мнѣ. Я хорошо отмѣчу на планѣ мѣсто и найду вамъ вѣрныхъ людей. Себѣ я прошу десятую часть. И какъ я буду богатъ!..

— Кладъ, кладъ, — растерянно и радостно повторяла дама.

V.

Подъ гипнозомъ.

— Такъ какъ-же, — спросилъ Вячеславъ Ливскій растерявшуюся даму, — поручите-ли мнѣ ваше богатое дѣло?

— Я, право, не знаю... Мнѣ какъ-то не вѣрится.

Но Вячеславъ сталъ ее убѣждать такъ пламенно и краснорѣчиво, рисовалъ заманчивыя картины будущихъ благъ, и дама окончательно подпала подъ его вліяніе, согласилась поручить ему отысканіе клада въ своемъ имѣніи и, уходя, снабдила своей карточкой. Это карточка гласила:

„Марія Петровна Корсарова“.

Пріемъ закончился; Вячеславъ подсчиталъ свою дневную добычу и заперъ ее. Послѣ цѣлаго дня напряженій и разговоровъ, онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и голоднымъ, и съ большимъ удовольствіемъ думалъ объ обѣдѣ.

Въ столовой его ждалъ накрытый столъ и Юстина заботливо усадила его. Насытившись тонкими блюдами и винами, Вячеславъ направился въ спальню поваляться и покурить ароматическую сигару. Юстина сопровождала его, положила поудобнѣе подушки, прикрыла его пушистымъ пледомъ и опустилась на ков-

рикъ передъ кроватью, любуясь на свое сокровище.

— Я подремлю, а ты меня разбудишь, когда прїѣдетъ дама, которой я назначилъ сеансъ леченія.

О, эти дамы, посѣщавшія Вячеслава! Давно онѣ уже не давали покоя ревнивому сердцу Юстины, — особенно, когда онѣ имъ назначалъ отдѣльные сеансы.

Вячеславу пришлось отдохнуть не болѣе часа, — графиня Оливія Недлеръ прїѣхала „лечиться“, въ сопровожденіи своей компаньонки.

Со вздохомъ сожалѣнія Юстина разбудила возлюбленнаго. Вячеславъ освѣжилъ лицо одеколономъ съ водою, оправился передъ зеркаломъ и пошелъ въ пріемную. Онѣ велѣлъ пригласить въ свою восточную комнатку графиню Оливію Недлеръ.

— Какъ вы себя чувствуете, графиня? Помогаетъ ли вамъ мой магнетизмъ?

Графиня Оливія посмотрѣла на него покорно и ласково.

— Я съ каждымъ днемъ чувствую чудодѣйственный результатъ вашего леченія. Напримѣръ, эти два дня у меня совсѣмъ не болѣла голова. Я только ощущаю слабость и сонливость.

—И это современемъ пройдетъ. Не будемъ терять золотого времени, — у меня сегодня еще одна пациентка.

Графиня Оливія облокотилась на подушки.

Ливскій безъ труда въ нѣсколько минутъ взглядомъ и пассами повергъ ее въ гипнотическій сонъ.

— Ты спишь? — спросилъ онѣ, когда глаза ея стали стеклянными и неподвижными.

— Да, я сплю, — глухо, монотонно отвѣтила она.

— Я тобой былъ доволенъ, всѣ мои приказанія ты исполняла въ точности. Но теперь я хочу измѣнить направленіе твоихъ мыслей и чувствъ; это будетъ задача для тебя болѣе трудная; твое сердце никогда не знало любви въ мужчинѣ, а твое тѣло никогда не жаждала страстныхъ ласкъ... Но теперь все должно измѣниться. Ты должна будешь полюбить меня не

какъ врача, а какъ мужчину, нѣжно и страстно. Тебѣ
будетъ это трудно?

— Да, мнѣ будетъ очень трудно. Я никого никогда не любила и не хотѣла любить. Я жаждала только молитвы и мечтала, что Богъ услышитъ меня.

— О молитвѣ ты никогда больше не будешь вспоминать, — сурово приказалъ онъ. — А меня ты полюбишь, я тебѣ это приказываю. Но это чувство разовьется въ тебѣ постепенно, слышишь?

— Слышу.

Вячеславъ выдвинулъ ящичекъ и досталъ очевидно приготовленный заранѣе маленькій бумажный пакетикъ.

Когда онъ развернулъ, его содержимое оказалось бѣлымъ порошкомъ, съ виду похожимъ на мелкій сахаръ. Этотъ порошокъ онъ вылилъ въ стаканчикъ и развелъ водой.

Затѣмъ онъ снова подошелъ къ спавшей Оливіи.

— Пей, — приказалъ онъ.

Она задрожала всѣмъ тѣломъ и отшатнулась, лицо ея поблѣднѣло до синевы, жилки вздулись на вискахъ.

Ливскій положилъ руку на ея лобъ и впился въ ея глаза острымъ взглядомъ.

— Пей, я приказываю, — нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Графиня Оливія пріоткрыла губы и съ замѣтнымъ отвращеніемъ проглотила странный напитокъ.

Вячеславъ продолжалъ:

— Когда ты проснешься, ты будешь чувствовать легкое, нѣжное чувство ко мнѣ, оно все будетъ разрастаться въ твоей душѣ и наконецъ превратится въ пламенную страсть... Никакія преграды тебѣ не будутъ страшны и ты перешагнешь черезъ нихъ... Что касается твоихъ головныхъ болей, то постепенно онѣ у тебя будутъ проходить, но все-таки на сеансы ты будешь являться.

Вячеславъ умолкъ, какъ-бы что-то соображая, и затѣмъ снова обратился къ своей жертвѣ:

— Я знаю, что у тебя есть деньги, которыми ты

распоряжаешься безконтрольно. Въ слѣдующій разъ, когда ты пріѣдешь на сеансъ, я приказываю тебѣ привезти мнѣ 7,000 рублей. Слышишь?

— Слышу.

— И привезешь?

— Привезу.

— Когда я разбужу тебя, ты забудешь все, что я говорилъ тебѣ, и забудешь, что ты спала.

Послѣ этого предупрежденія Вячеславъ приказаніемъ и дуновеніемъ разбудилъ свою жертву. Графиня Оливія смотрѣла на него съ нѣжностью: неожиданно взяла обѣими руками руку Вячеслава и крѣпко пожала ее. И сказала съ непривычной для нея мягкостью:

— Благодарю васъ за вашъ трудъ и за ваши заботы обо мнѣ, monsieur Ливскій. Мнѣ сейчасъ совсѣмъ, совсѣмъ хорошо. Давно уже я не чувствовала такую легкость въ головѣ, какъ-будто тяжести нѣтъ на моихъ плечахъ.

Конфузясь, графиня Оливія передала Вячеславу Ливскому маленькій пакетъ, въ которомъ заключался гонораръ — 25-рублевая бумажка. На прощанье она еще разъ обѣими руками нѣжно пожала руку Вячеслава и подарила его такимъ взглядомъ, какого еще никогда не бросали гордые глаза Оливии.

Ей на смѣну явилась длинная, сухопарая Софья Егоровна. И для компаньонки у Вячеслава уже былъ запасенъ маленькій пакетъ,

— Тутъ три порошка, сударыня. Вы должны будете дать ихъ въ пищѣ поочереди вашему прекрасному учителю. Отъ каждаго пріема онъ будетъ дремать и во-время этой дремы вы возьмете его за руку и скажете ему, что онъ долженъ васъ любить, а вашу соперницу долженъ покинуть. Если этотъ порошокъ не поможетъ, я дамъ вамъ другое средство, болѣе сильное.

Софья Егоровна разсыпалась было въ благодарности, но Ливскій ее остановилъ.

— Благодарить не надо за то, что вы платите, сударыня. Привезли-ли вы мнѣ обѣщанную половину гонорара?

— Привезла, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтила Софья Егоровна.

Она разстегнула свою кофточку и достала скрытый на груди носовой платокъ. Изъ туго завязаннаго уголка она вытащила аккуратно сложенный пятисотенный билетъ.

— Это кровныя деньги, monsieur Ливскій, — сказала она, дрожащей рукой отдавая ему драгоценную бумажку.

Онъ корректно поклонился и бумажка потонула въ его денежномъ ящикѣ.

Проводивъ графиню Оливію и ея компаньонку, Вячеславъ Ливскій сталъ поджидать баронессу Ровень. Claudine не замедлила явиться. Со дня своей встрѣчи съ Вячеславомъ она совсѣмъ измѣнилась. Безнадежно опущенная головка ея гордо поднялась, глазки заблистали надеждой на побѣду. Нарядная, красивая, она впорхнула въ восточную комнатку, какъ къ себѣ домой.

— Ну, что? — беззаботно спросила она, протягивая руки своему союзнику.

— Да какъ вамъ сказать, баронесса... Много мнѣ пришлось поработать надъ вашимъ дѣломъ и теперь я знаю его вдоль и поперекъ. Когда человѣкъ хочетъ итти противъ судьбы, онъ долженъ ломать судьбу. Способны-ли вы на это?

— Я на все способна, — со злобной рѣшимостью заявила Claudine.

— Тогда мнѣ остается только говорить, а вамъ... слушать и дѣлать.

Прежде всего мнѣ необходимо устроить такъ, чтобы князь Михаилъ Сергѣевичъ Батуринъ вернулся сюда изъ заграницы. Пока онъ за морями, я могу только видѣть его, знать, что онъ дѣлаетъ и чувствуетъ, но измѣнить его судьбу и душу я не могу. Мнѣ необходимо личное общеніе съ нимъ, мнѣ необходимо, чтобы онъ былъ въ Петербургѣ.

Claudine растерянно покачала головкой.

— Вѣдь это и мое самое пламенное желаніе, чтобы онъ былъ здѣсь, но что можно подѣлать? Вѣдь нельзя насильно притащить его сюда.

— Если вы будете дѣлать все то, что я вамъ скажу, какъ-бы странно оно вамъ не показалось, я ручаюсь вамъ, что князь Михаилъ вернется въ Петербургъ.

— Я уже сказала вамъ, что готова на все.

— И вы не должны задавать мнѣ ненужныхъ вопросовъ: зачѣмъ и почему? Вы должны слѣпо слѣдовать моимъ совѣтамъ. А для того, чтобы вы могли дѣлать это съ увѣренностью и безъ предубѣжденія, — я выпущу сегодня передъ вами коготки моего могущества. Попрошу васъ присѣсть вотъ сюда, на тахту. Я погашу электричество, но не бойтесь, въ освѣщеніи пламени камина вы будете различать всѣ предметы.

Claudine расположилась на тахтѣ, а Ливскій потушилъ электричество, подошелъ къ камину и, произнося какія-то непонятныя ей заклинанія, что-то бросалъ на горящія уголья.

— Теперь подите сюда, баронесса, не бойтесь.

Claudine бойко подошла и опустилась передъ каминомъ. Ливскій всталъ сзади нея и положилъ одну руку на ея тѣмя, другую на затылокъ. Глаза его, острые и блестящіе, не отрывались отъ нея.

— Смотрите все время на этотъ синій огонекъ и думайте о томъ, что вы хотите видѣть князя Михаила тамъ, гдѣ онъ сейчасъ находится.

Claudine повиновалась. Нѣсколько минутъ она ничего не видала, кромѣ синяго огонька, но вотъ передъ глазами ея образовался кругъ и въ этомъ кругу вырисовалась комната, незнакомая баронессѣ и по виду напоминавшая дорогой отель. У письменнаго стола сидѣлъ Батуриный и писалъ какое-то длинное письмо. На немъ былъ статскій костюмъ, который особенно къ нему шелъ.

Вотъ онъ закончилъ письмо, перечелъ его, уложилъ въ конвертъ и наклеилъ марки. Потомъ онъ облокотился на столъ и глубоко задумался. Вся эта картинка предстала передъ баронессой, какъ художественная движущаяся миниатюра.

— О, вы дѣйствительно волшебникъ,—прошептала Claudine.

— Тише... Хотите знать, о чемъ и о комъ онъ думаетъ?

— О, конечно!

— Смотрите пристально и думайте.

— Миниатюра расплылась и взамѣнъ ея стала вырисовываться другая.

Маленькая уютная столовая съ миниатюрной ме-

белью изъ свѣтлаго дуба. Столъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью. У единственнаго прибора сидитъ молодая дѣвушка. Тяжелыя каштановыя косы лежатъ на ея головкѣ. Небольшіе каріе глазки свѣтятся добротою и жизнью. Она отставила свою тарелку и читаетъ письмо, улыбка свѣтится на ея румяныхъ устахъ. За ея стуломъ сѣдая старушка,—маленькая, сморщенная, съ добродушнымъ русскимъ лицомъ.

Что-то знакомое въ миловидныхъ чертахъ этой дѣвушки... Claudine пристально всматривается и вдругъ громко вскрикиваетъ:

— Демидова!

Отъ ея порывистаго движенія расплывается миниатюра.

— Вотъ и узнали свою соперницу,—съ улыбкой говорить Вячеславъ Ливскій.

— Демидова, Демидова, — повторяетъ Claudine. — О, я этого никогда не могла предположить!.. Да, надо дѣйствовать, пока не поздно. Теперь я окончательно убѣдилась въ вашей необычайной волшебной силѣ. Приказывайте, я буду повиноваться слѣпо и безпрекословно.

Вячеславъ стоялъ передъ взволнованной баронессой спокойно, скрестивъ руки на груди.

— Прежде всего я требую, баронесса, чтобы вы увлекли и влюбили въ себя старшаго брата, князя Бориса Батурина.

— Его брата?—пораженная, она отступила.

— Вы кажется уже начинаете съ недовѣрія и вопросовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, меня удивило немного, но я буду вамъ повиноваться и надѣюсь, что скоро, очень скоро исполню вашу волю.

— И потомъ вы направьте его ко мнѣ.

— О, это еще легче.

— Вѣрьте, баронесса, что этотъ шагъ, нѣсколько странный, необходимъ для нашей цѣли, и чѣмъ скорѣе вы достигнете любви князя Бориса, тѣмъ эта цѣль ближе. Но вамъ придется быть и коварной, и злой.

— О, этого я не боюсь.

Союзъ былъ закрѣпленъ и союзники разстались.

Соперницы.

Княгиня Татьяна Ивановна Батурина и Ксенія Николаевна Демидова уютно расположились въ роскошномъ будуарѣ княгини за послѣобѣденнымъ кофе. Гордая аристократка совершенно растаяла передъ этой умной, милой дѣвушкой и ласковая улыбка не сходила съ ея красивыхъ устъ.

Бесѣда шла интимная.

— Какъ я благодарна моему дорогому мальчику, что онъ посовѣтовалъ мнѣ подружиться съ вами. Вмѣстѣ съ вами, за общей работой, я какъ-то легче переношу разлуку со своимъ любимцемъ.

Живые глазки Демидовой укоризненно взглянули на княгиню.

— Я очень симпатизирую вашему младшему сыну, княгиня, но все-таки нахожу, что вы не совсѣмъ справедливы къ старшему. Если-бы у меня были дѣти, я не могла бы любить одного больше, другого меньше,— для меня всѣ они были-бы одинаково дороги, одинаково нужны.

— Что я могу сдѣлать со своимъ сердцемъ, дорогая Ксенія Николаевна? Въ этой своей маленькой тайнѣ я никому не признавалась до сихъ поръ, но съ вами мнѣ хочется быть откровенной. О, если-бы вы знали, какъ тяжело скрывать все, и не имѣть чело-вѣка, съ которымъ могла-бы подѣлиться душевнымъ настроеніемъ.

Княгиня печально вздохнула. Ксенія Николаевна смотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, княгиня. Вѣдь вы же замужемъ?!

— Да, я замужемъ. Такъ что-же изъ этого?

— Но развѣ мужъ не лучшій вашъ другъ, развѣ вы ему не можете довѣрить свои душевныя тайны, свои тревоги?

— Ему?

Ироническая улыбка пробѣжала по губамъ княгини.

— О, вы вѣроятно плохо знаете князя. Онъ очень скептически смотреть на душевныя тревоги. Мы съ

нимъ скорѣе хорошіе знакомые, чѣмъ искренніе друзья. Мы вѣжливы, любезны, стараемся угождать другъ другу и понятно никогда не ссоримся. Князь всегда гордился моей блестящей красотой, моимъ умомъ и безупречной репутаціей. Но... но тонкой душевной близости между нами никогда не существовало. Въ такой близости у князя нѣтъ потребности.

— Но вѣдь это очень тяжело, — тихо сказала Ксенія.

— Да, не легко, но все-таки жить можно. Такъ же относится князь и къ своимъ дѣтямъ. Онъ любитъ ихъ, гордится ими и ничего для нихъ не жалѣетъ, но душевной близости между отцомъ и дѣтьми нѣтъ. Вотъ и Миша унаслѣдовалъ эту черту отъ отца. Ужъ какъ я его люблю, а никогда онъ не пришелъ, не подѣлился со мной радостями и горестями. Этой близости такъ жаждало мое сердце.

— И вы, княгиня, которая сами испытываете тяжесть такого отчужденія, какъ можете вы такъ относиться къ своему старшему сыну? Я мало знаю князя Бориса, но каждый его взглядъ, каждая фраза, которую онъ произноситъ, дали мнѣ возможность составить нѣкоторую его характеристику. Мнѣ кажется, что у него тонкая, нѣжная душа, она страдаетъ отъ малѣйшаго грубаго прикосновенія, и также страдаетъ отъ невниманія. И притомъ это даже опасно, княгиня.

— Что опасно, дитя мое?

— Я боюсь быть слишкомъ откровенной, княгиня.

— Я вамъ дала всѣ права на эту откровенность.

— Опасно относиться такъ неровно къ своимъ дѣтямъ.

— Почему опасно?

— Господь, который все видитъ и все знаетъ, можетъ за это покарать.

Эти слова были произнесены тихо задушевно и откликнулись въ сердцѣ княгини непріятнымъ предчувствіемъ. Даже легкая нервная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Наступило короткое молчаніе и Ксенія перемѣнила тему разговора.

— Такъ вамъ нравится мой пріютъ, княгиня?

Ласковая улыбка снова заиграла на губахъ аристократки.

— Дитя мое, въ этомъ пріютѣ такъ и чувствуется ваша любящая, нѣжная рука. Несмотря на бѣдность и недостатки, несмотря на сиротливое одиночество всѣхъ этихъ старушекъ и дѣтей, все-таки замѣтно, что маленькая искорка счастья дана и имъ. Но теперь ихъ положеніе измѣнится къ лучшему. Я такъ богата... мнѣ страшно подумать, какъ я богата. Вѣдь,—знаете нашъ годовой доходъ исчисляется милліонами, наше семейство второе по богатству въ Россіи. Мы не можемъ истратить даже части нашихъ доходовъ и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ наше богатство растетъ. Оно въ имѣніяхъ, домахъ, фабрикахъ, заводахъ и капиталѣ. Я вамъ говорю все это не для того, дорогая, чтобы хвастаться своимъ богатствомъ.

— О, княгиня!

— Я вамъ это говорю для того, чтобы вы не сочли мою помощь благодареніемъ. Для меня это пустякъ, сущій пустякъ, такъ же какъ для васъ подать нищему копейку.

— Да я и не думала отказываться отъ помощи моимъ бѣднымъ, я даже не имѣю на это права. Напротивъ, я съ благодарностью принимаю для своихъ бѣдныхъ всякое, даже самое малое даяніе.

И вдругъ Ксенія засмѣялась.

— Чему вы, дѣточка?

— Я вспомнила, какъ вашъ любимый сынъ послалъ моимъ старушкамъ какао и бисквиты, а моимъ дѣтишкамъ — конфеты и игрушки изъ лучшихъ магазиновъ. Правда, бѣдняжки были очень рады баловству, но все-таки я сдѣлала выговоръ князю Михаилу. Я посовѣтовала въ слѣдующій разъ прислать лучше коленкоръ и фланель на бѣлье.

Теперь и княгиня смѣялась добрымъ шутливымъ смѣхомъ.

— Мой милый, дорогой мальчикъ!..

Въ эту минуту на порогъ будуара показалась любимая камеристка княгини.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство,—

вась спрашиваетъ баронесса Ровень. Можете-ли вы ее принять?

Княгиня нѣсколько мгновений раздумывала и произнесла съ видимой неохотой:

— Попросите Вы ничего не будете имѣть противъ этого визита, дитя мое?

— Нѣтъ.

Это „нѣтъ“ было произнесено такимъ глухимъ, словно сдавленнымъ голосомъ.

Княгиня быстро повернулась къ гостѣ. Щеки Ксеніи были залиты яркимъ румянцемъ, нижняя губа ея дрожала и казалось, будто она сдерживаетъ слезы.

— Какъ жаль, дорогая, что я раньше не знала, какъ вамъ непріятенъ этотъ визитъ. Давно-ли вы знаете баронессу и что произошло у васъ съ нею?

— Я баронессы не знаю и никогда ее не видѣла. Вы не поняли моего волненія, княгиня. Я одичала, и всякая новая свѣтская встрѣча смущаетъ меня.

Княгиня бросила ей недовѣрчивый взглядъ, но отвѣтить не успѣла, ибо на порогъ уже показалась изящная фигурка Claudine.

Однимъ взглядомъ Ксенія Николаевна осмотрѣла ее съ головы до ногъ. Молодая дѣвушка, художникъ въ душѣ не могла не признать изящнаго вкуса князя Михаила. Правда, много было дѣланнаго въ этомъ очарованіи, но все-таки очарованіе было.

Наружно молодая дѣвушка совершенно успокоилась, но сердечко ея попрежнему сильно колотилось въ груди.

— Princesse, — зашебетала Claudine, какъ я счастлива, что застала васъ дома. Положимъ, это не такъ трудно, но я вдвойнѣ счастлива потому, что вы удостоили меня пріемомъ.

— Рада васъ видѣть, милая баронесса. Прежде всего позвольте васъ познакомить съ моимъ другомъ, Ксеніей Николаевной Демидовой.

Claudine сейчасъ только обратила вниманіе на стоявшую въ тѣни стройную фигуру. Услыхавъ ненавистную ей послѣ вчерашняго гаданья фамилію, баронесса вздрогнула. Но она великолѣпно умѣла скрывать свои чувства и настроенія, хотя дружба Демидовой съ

княгиней поразила ее. Само очарованіе, съ улыбкой,— Claudine протянула руку Ксеніи.

Молодая дѣвушка отвѣтила ей твердымъ мужскимъ пожатіемъ.

— Mademoiselle Демидова, вѣроятно, забыла меня, но у меня память на лица великолѣпная.

— Ваши черты мнѣ также знакомы, но я не помню, гдѣ именно мы встрѣчались.

— Чашечку чая или кофе?—предложила княгиня.

— Чаю, конечно чаю, — аффектированно заявила Claudine, граціозно опускаясь на маленькій пухъ. — Я каталась послѣ обѣда... Такой холодъ,—я совсѣмъ замерзла.

— Ну, вотъ и одогрѣетесь.

Горячій чай не замедлилъ появиться.

— Я знакома съ вами давно, княгиня, но не имѣла понятія о вашей дружбѣ съ mademoiselle Демидовой. Вотъ вашъ сбѣжавшій за границу, сынъ часто говорилъ о своей дружбѣ съ Ксеніей Николаевной.

Claudine думала, что Демидова смутится и вспыхнетъ, но молодая дѣвушка спокойно смотрѣла ей прямо въ глаза.

— Вѣдь мы были друзьями дѣтства съ княземъ Мишей; я выросла на глазахъ княгини—его матери, а наши отцы были товарищами, дружба моя съ княземъ Михаиломъ сохранилась, и до этихъ дней я повѣренная всѣхъ его тайнъ и проказъ.

— Всѣхъ-ли?—вся вспыхнувъ, вызывающе спросила Claudine.

Ксенія спокойно выдержала ее взглядъ.

— Да, всѣхъ. Но не въ этомъ дѣло, баронесса, а я никакъ не могу вспомнить, гдѣ мы съ вами встрѣчались.

— Зато я помню. Первый разъ я видѣла васъ, когда мы съ княгиней Сецкой осматривали пріюты, между прочимъ и вашъ. Съ того дня отлично запомнила ваши черты. Второй разъ — я видѣла васъ въ церкви, когда вы собирали, кто что дастъ, для вашихъ бѣдныхъ и съ кружкой обходили церковь. Наконецъ, третій разъ, когда на благотворительномъ спектаклѣ въ пользу вашего пріюта вы продавали программы.

— Этотъ послѣдній разъ я теперь припоминаю,

мнѣ вѣдь такъ рѣдко приходится бывать на спектакляхъ или вечерахъ.

Разговоръ оборвался и уже не клеился. Изрѣдка сыпались отрывистыя фразы. И вдругъ Claudine небрежно спросила:

— А вашъ старшій сынъ, князь Борисъ, дома, княгиня? Кажется, онъ у васъ домохозяинъ въ противоположность младшему.

— О, да, Борисъ безусловно дома. Онъ почти всегда дома и углубленъ, или въ чтеніе какихъ-то таинственныхъ книгъ, или въ спиритическіе опыты.

— Жаль, онъ такой способный и могъ-бы свои способности направить на что-нибудь нужное и полезное... А нельзя-ли пригласить его сюда, княгиня?

— Не къ чему, баронесса. Прежде всего онъ будетъ огорченъ, что его оторвали отъ занятій, а потомъ онъ такой нелюдимый, онъ не скажетъ ни одного слова.

— Я берусь его разшевелить и думаю, что сумѣю заставить его нарушить молчаніе и произнести цѣлую рѣчь.

— Если у васъ теперь маленькое капризное желаніе подрисовать моего медвѣдя, то не лучше-ли вамъ, баронесса, прослѣдовать къ нему.

Claudine покраснѣла.

— Къ нему?

— Почему вы такъ изумились, баронесса? У Бори своя маленькая квартирка, но его комнаты отдѣлены отъ моихъ однимъ лишь коридоромъ. У него часто бываютъ барышни и дамы спиритки.

Claudine встала.

— Въ такомъ случаѣ и я рискну отправиться на половину князя Бориса.

— Сейчасъ я позвоню и васъ проводитъ моя камеристка.

— Вы позволите мнѣ еще вернуться къ вамъ?

— О, конечно, баронесса.

Claudine ушла въ сопровожденіи камеристки.

— Я не знаю почему, — сказала княгиня, — у меня какое-то чувство антипатіи къ этой прекрасной, изящной особѣ. А какое впечатлѣніе она произвела на васъ, милое дитя?

— На меня? Не знаю почему, но я ее боюсь, княгиня.

Княгиня съ удивленіемъ посмотрѣла на Ксенію.

— Боятесь?—переспросила она.

— Да, боюсь. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что эта женщина причинитъ мнѣ горе.

VII.

Соблазнительница.

У князя Бориса Батурина, была въ домѣ-особнякѣ его отца своя собственная небольшая квартира, соединявшаяся коридоромъ съ комнатами матери. Одна изъ нихъ, самая большая, была предназначена для спиритическихъ сеансовъ. Тутъ стояли столы и столики для верченья

Другая — кабинетъ князя Бориса, а третья его спальня. Рядомъ со спальней находилась еще большая уборная, отдѣлявшая кабинетъ отъ спальни.

Князь Борисъ сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола, погруженный въ чтеніе, когда рѣзкій звонокъ далъ ему знать, что кто-то собирается его навѣстить. Но князь Борисъ продолжалъ свое чтеніе.

— Баронесса Ровень,—доложилъ личный камердинеръ князя.

Борисъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Баронесса Ровень? — переспросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство.

Борисъ еще нѣсколько мгновений раздумывалъ, что могло привести къ нему эту свѣтскую чаровницу.

— Приси, — сказалъ онъ, наконецъ, и поднялся навстрѣчу неожиданной гостьѣ.

Claudine уже стояла на порогѣ его кабинета. Въ голубоватомъ туалетѣ, отгнѣнявшемъ ея красоту блондинки, съ бѣлымъ мѣхомъ, наброшеннымъ, на плечи, съ плѣнительной улыбкой на розовыхъ губкахъ, съ блестящими изумрудными глазами, она показалась князю Борису сошедшей съ полотна картинкой Греза.

— Ха, ха, ха... — раздался серебристый смѣхъ — Какое у васъ удивленное лицо, милый князь! Нежданный гость. Только вы не удивляйтесь. Я здѣсь съ разрѣшенія вашей татаи. Она тамъ сидитъ съ Деми-

довой и ведетъ скучную бесѣду, и вотъ я рѣшила сдѣлать маленькую экскурсію въ вашу спиритическую страшную квартиру. Меня даже камеристка вашей татап до дверей проводила.

— Очень радъ, баронесса, эта такая честь, — смушенно и совсѣмъ теряясь заговорилъ онъ. — Только у меня здѣсь такъ неудобно. Тутъ для свѣтской дамы...

— А ваши спиритки? — со смѣхомъ перебила она.

Онъ невольно улыбнулся.

— Ну, спиритки, это совсѣмъ другое дѣло.

— И я не прочь была-бы сдѣлаться спириткой, если это званіе всюду даетъ доступъ.

Завязалась легкая бесѣда. Больше, конечно, болтала Claudine, но искусная оживленная болтовня растормошила даже такого молчаливаго собесѣдника.

Не забывала Claudine пускать въ ходъ и всѣ чары своего утонченнаго кокетства. Улыбки, взгляды, красивые повороты тѣла, такъ и сыпались множествомъ искръ на скромнаго, всегда чуждавшагося женщинъ князя Бориса.

— А что эта за книга? — достаточно овладѣвъ его вниманіемъ подбѣжала къ нему Claudine и, словно стараясь разсмотрѣть книгу, перегнулась черезъ его плечо.

Молодой человекъ вспыхнулъ.

Атласная ручка касалась его руки. Ароматъ тонкихъ духовъ слегка опьянялъ.

И вотъ Claudine шаловливо заглянула ему въ лицо и капризнымъ тономъ балованнаго ребенка попросила:

— Милый князь, мнѣ сейчасъ надо ѣхать домой, а мнѣ не хочется ѣхать одной. Можетъ-быть, вы проводите меня?

— Я... конечно... я съ большимъ удовольствіемъ, баронесса.

— Ну, вотъ, милый, милый, милый!

Claudine захлопала въ ладоши.

— Только теперь мы должны сдѣлаться маленькими заговорщиками; вы согласны?

— Быть вмѣстѣ съ вами заговорщикомъ? Согласенъ, баронесса.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ пойду къ вашей татап, посижу съ ней минуты 2—3, затѣмъ распрощаюсь и выйду на улицу. А вы сейчасъ же спуститесь внизъ и сядьте въ мой экипажъ. Хорошо?

— Отлично, баронесса.

— Значить, по рукамъ?

Онъ засмѣялся.

— По рукамъ, баронесса.

Князь Борисъ накинулъ шинель, взялъ фуражку и вышелъ на улицу. У подъѣзда стоялъ экипажъ баронессы Ровень, въ которомъ онъ и помѣстился въ ожиданіи.

Claudine впорхнула опять въ будуаръ княгини, повертѣлась тамъ минуты двѣ и распрощалась.

Вскорѣ она уже мчалась въ экипажъ рядомъ съ княземъ Борисомъ.

— Какой чудный, морозный воздухъ!—говорила она, прижимаясь къ нему. Если у васъ найдется свободная минутка, — проѣдемтесь немного по набережной.

— Съ большимъ удовольствіемъ, баронесса.

И, вотъ они мчатся по набережной. Оба молчатъ, только баронесса все тѣснѣе къ нему прижимается и изумрудные глазки ея устремляются на него,

— Вотъ мы и молчимъ, — наконецъ, разсмѣялась она. — Вы меня заразили своимъ молчаніемъ. Почему вы всегда молчите, милый князь?

— Не, знаю, баронесса.

— И я этого не знаю. А знаете, что я знаю?

— Нѣтъ, баронесса.

— Я знаю, что вы своимъ молчаніемъ и холодностью приводите меня въ сумасшедшее настроеніе. Если я у васъ попрошу одну вещь, которая покажется вамъ очень странной, вы мнѣ не откажете?

— Если я только могу, баронесса.

— Ахъ, Боже мой, какой вы скучный. Ну, посмотрите мнѣ прямо въ глаза.

Онъ поднялъ свои опущенныя рѣсницы и на Claudine взглянули большіе невинные глаза не отъ міра сего. И невольно онъ подумалъ:

„Какая она хорошенькая“.

А Claudine наклонилась къ нему совсѣмъ близко и, дразня улыбкой, говорила:

— О, какіе у васъ красивые и интересные глаза! И зачѣмъ это вы ихъ всегда прячете? Ну, посмотрите на меня еще разъ. Вотъ такъ. Такъ не откажете мнѣ въ моей сумасшедшей просьбѣ?

— Не откажу, баронесса.

— Ловлю васъ на словѣ. Мнѣ очень хочется ѣсть. Ёдемъ въ рестораны!

— А?..

— Никакихъ „а“... Ёдемъ, и все тутъ! Ну, рѣшайте-же скорѣй.

Маленькая ручка въ перчаткѣ схватила руку князя Бориса.

— Куда-же прикажите?

— Bravo, bravo, bravo! Опять побѣда за мной! Никандръ,—крикнула она кучеру,—поѣзжай къ ресторану Контанъ.

Кучеръ не выражая удивленія, повернулъ по направленію къ ресторану. Очевидно, онъ привыкъ къ такимъ поѣздкамъ барыни.

Claudine и въ ресторанѣ вела себя непринужденно. Швейцаръ и служащіе знали ее.

— Мой кабинетъ свободенъ?—улыбаясь, спросила она.

— Какъ же, баронесса, пожалуйста!

Спутника ея никто не зналъ, и на него поглядывали съ изумленіемъ.

— Видно, что вы въ ресторанахъ не бываете; брата вашего всѣ тутъ знаютъ,—бросила князю Борису Claudine, проходя по коридору въ кабинетъ.

Они вошли въ самый маленькій угловой кабинетъ.

— Видите,—указала ему со смѣхомъ Claudine стеклянную дверь,—отсюда всегда можно бѣжать, если явится экстренная надобность.

Потомъ она повернулась къ татарину-лакею и приказала:

— Подайте намъ холодную закуску, какъ я люблю, и бутылку шампанскаго. Только поскорѣе.

— Въ одну минуту, баронесса!

Въ ожиданіи закуски и шампанскаго, она снимала шляпу, перчатки и кокетливо болтала милый вздоръ.

Наконецъ, закуска и шампанское были поданы.

— Вы насъ не безпокойте,—бросила баронесса вслѣдъ лакею. И, какъ-бы желая оправдаться добавила:

— Они любятъ суетиться, подглядывать, подслушивать. Впрочемъ, не стоитъ о нихъ больше и вспоминать, а давайте-ка выпьемъ за нашу новую дружбу.

Она стала наливать шампанское, когда бокалы были полны, вдругъ вспомнила:

— Какъ неосторожно я сдѣлала, что оставила свою шубу въ передней. Пожалуйста, князь, принесите ее сами, чтобы лакеи не напутали.

И пока онъ ходилъ исполнять ея порученіе, она вытащила изъ ридикюльчика маленькое бѣлое зернышко, полученное ею отъ „ученика мага“. Въ одно мгновенье это зернышко очутилось въ бокалѣ предназначенномъ князю Борису.

„Пусть только выпьетъ этотъ бокалъ до дна! „Маленькій бѣленькій шарикъ, растворившійся въ его винѣ, зажжетъ въ его крови страсть и никакое хладнокровіе ему не поможетъ“

Когда князь Борисъ вернулся, улыбаясь Claudine протянула ему бокалъ.

— До дна, милый князь, за нашу новую дружбу. Они чокнулись.

Claudine подсѣла къ робкому кавалеру и стала угощать его. Ёли оба, конечно, мало.

— А мнѣ казалось, что я такая голодная,—засмѣялась Claudine, пересаживаясь на диванъ.—Вижу, что и вамъ ѣсть не хочется. Садитесь возлѣ меня и побесѣдуемъ.

Князь Борисъ повиновался, и Claudine зашебетала.

— Неужели вамъ не скучно такъ жить, всегда одному, безъ товарищей, веселыхъ женщинъ?

— Я очень занятъ, баронесса, мнѣ не скучно.

Она, будто нечаянно, обѣими ручками завладѣла его рукой. Онъ вздрогнулъ и она это замѣтила, конечно.

— А я-бы не могла такъ жить. Я не считаю себя ни глупой, ни пустой, но люблю жизнь. Ахъ, какъ я люблю жизнь! Я люблю кабинетъ ресторана, залитый огнями и полный веселья, блестящихъ гостей. Головы всѣхъ уже отуманены винными парами. Пестрый хоръ цыганъ поетъ свои полудикія пѣсни. Слышенъ смѣхъ,

звонъ бокаловъ. Веселье царить. Ну, развѣ это не жизнь?

Ея головка, словно утомленная, опустилась на плечо Бориса, слегка откинулась, изумрудные глазки не отрывались отъ его лица. О, она замѣчала, какъ тяжело и порывисто вздымается его грудь, какъ трепещутъ его ноздри, какъ крѣпко сжаты его губы. Вся его фигура и взглядъ его говорили соблазнительницѣ, что молодая страсть охватила это юное, неиспорченное жизнью существо, и что оно напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы бороться и Claudine заговорила полушопотомъ, прижимаясь къ нему:

— А развѣ непріятно сидѣть вотъ такъ, какъ мы сейчасъ, вдвоемъ, въ тишинѣ. Издалека доносятся тихіе звуки веселой музыки. И мы отрѣзаны отъ всего міра. Шампанское кружить намъ головы. И пусть кружить. Давайте пить, еще пить, пока жизнь не покажется намъ легкой, веселой и безшабашной.

Claudine подбѣжала къ столу и наполнила бокалы. Одинъ она выпила залпомъ, другой протянула князю. Молодой человѣкъ съ жадностью проглотилъ игристую влагу, но холодное вино не успокоило страсть, охватившую его, конечно, нѣтъ. А Claudine опять наполнила свой бокалъ, отпила нѣсколько глотковъ розовыми губками протянула князю свой начатый бокалъ.

— Пусть мои думы и желанія не будутъ тайной для васъ, допейте этотъ бокалъ и вы узнаете чего я хочу.

И вдругъ... ея гибкія руки словно внезапнымъ порывомъ обвили въокругъ его шеи, а уста потянулись къ его устамъ.

Борьбы уже не было. Молодой человѣкъ наклонился и его губы прильнули къ ея устамъ. О, что это былъ за поцѣлуй.. — долгій, сладостный и опьяняющій.

— Теперь ты мой! ... — прошептала соблазнительница.

Она была права; теперь этотъ человѣкъ былъ внѣ собственной власти. Онъ принадлежалъ баронессѣ всѣмъ своимъ существомъ.

Когда, поздно ночью, князь Борисъ вернулся домой и легъ, — заснуть онъ не могъ. Въ его чистой,

неиспорченной душѣ пробуждались тяжелые угрызенія совѣсти. Что онъ сдѣлалъ? Какое безуміе! Какая подлость!

— Да, подлость, но сладостная подлость!

А онъ еще считалъ себя такимъ холоднымъ! Но вѣдь до сегодня онъ не зналъ, что кровь его можетъ загорѣться такой безумной страстью и что высшія наслажденія этой страсти ему доступны. Дивныя воспоминанія, и теперь приводившія его въ трепеть, заглушили голосъ совѣсти.

VIII.

Измѣнникъ.

Дни проходили за днями, а о Вячеславѣ Ливскомъ Дмитрій Александровичъ Орловъ не имѣлъ извѣстій. Подобраннѣй среди снѣжнаго сугроба ученикъ словно канулъ въ воду.

Челядь втихомолку посмѣивалась: „Не выдержалъ, моль, строгаго ученія“. А всепрощающее сердце Дмитрія Александровича незамѣтно тосковало объ исчезнувшемъ. Утромъ просыпаясь и вечеромъ засыпая, Орловъ вспоминалъ бѣглеца.

И бѣглець-ли Ливскій? Можетъ быть, съ нимъ случилось несчастіе, можетъ быть, онъ уже не значится въ спискѣ живыхъ?

И вотъ однажды, когда Дмитрій Александровичъ раздумывалъ о бѣглецѣ, — ему доложили, что его желаетъ видѣть Андрей Ивановичъ Соболевъ.

Андрей Ивановичъ Соболевъ принадлежалъ къ числу „братьевъ“ и пользовался большой дружеской симпатіей Орлова. Конечно, онъ попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Андрей Ивановичъ не замедлилъ появиться. Это былъ сѣдой, маленькій, симпатичный старичокъ съ добрымъ, но строгимъ выраженіемъ лица.

Братья облобызались.

— Я очень радъ васъ видѣть, дорогой братъ Андрей, но вашъ неожиданный визитъ можно приписать чему-нибудь не совсѣмъ обыкновенному.

— Вы угадали, братъ Дмитрій, — сказалъ старичокъ, и улыбка погасла на его устахъ и брови какъ-то особенно строго нахмурились.

— Я думаю, что это будетъ что-нибудь очень непріятное.

— Да, очень непріятное. Вы позволите доложить?

— Я прошу.

— Дѣло касается вашего вывшаго *protégé* Вячеслава Ливскаго.

— А!..

Лицо Орлова оживилось.

Старичокъ откашлялся и медленно заговорилъ:

— До меня дошли очень нехорошіе слухи. Вы сдѣлали большую ошибку, братъ Дмитрій, что посвятили въ нѣкоторыя знанія эту неуравновѣшенную натуру.

— Неужели онъ злоупотребляетъ знаніями?

Эта фраза, какъ стонъ, сорвалась съ устъ Дмитрія.

— И какъ еще.

— Вы знаете все?

— Все—нѣтъ, но многое.

— Такъ расскажите же, — можетъ быть, можно еще спасти его и направить на путь добра?

— Сомнѣваюсь. Оставивъ вашъ домъ Вячеславъ Ливскій, вѣроятно заскучавшій въ мирной обстановкѣ, направился въ одинъ изъ модныхъ ресторановъ. И вы знаете хорошо, братъ мой, что когда зло начинаетъ пробуждаться въ душѣ, духи зла это моментально чувствуютъ и слетаются, ожидая добычи. Они толкаютъ на „случай“, они нашептываютъ дурное и мы безсознательно его воспринимаемъ.

— Да, я это знаю,—съ тоской отвѣтилъ Орловъ.

— И вотъ случай столкнулъ Вячеслава Ливскаго съ женщиной, которую онъ любилъ когда-то и которая была злымъ геніемъ его юности. Онъ встрѣтился съ Юстиной Пецынской.

— Это ужасно!

— Вы понимаете съ этой минуты психологію вашего бывшего ученика. Старое скверное, которое вы сумѣли придавить новымъ, хорошимъ, съ силой рванулось со дна его души, прорвало это хорошее и всколыхнулось могучей властной волной.

— И онъ пошелъ къ ней?

— Сразу онъ не могъ къ ней пойти, потому что она не была свободна. Она жила въ одной квартирѣ съ очень порядочнымъ слабохарактернымъ человѣкомъ, который любилъ ее больше жизни и отдавалъ все, что могъ. Но у бѣдняги оставалось еще одно послѣднее имѣніе, и Юстина Пецынская рѣшила, что слѣдуетъ забрать прежде всего имѣніе, а потомъ уже покинуть влюбленнаго.

— Боже, Боже, какъ нехороша жизнь!..

— Тутъ еще на сцену выступилъ прежній сотоварищъ Ливскаго—Стефанъ Чипчирацкій.

— И тогда, конечно, все погибло?

— Да. Стефанъ Чипчирацкій сумѣлъ ловко заставить простодушнаго человѣка продать послѣднее имѣніе, а Юстина Пецынская сумѣла выманить деньги, врученныя отъ продажи имѣнія. Тогда деньги были даны Вячеславу на „дѣло“ и тройка соединилась.

— На какое дѣло? — съ трепетомъ спросилъ Орловъ.

— На ужасное дѣло эксплуатаціи тѣхъ высокихъ знаній, которыя ему удалось заполучить подъ вашимъ крылышкомъ.

Орловъ ничего не сказалъ, онъ только съ отчаяніемъ закрылъ лицо руками.

— И „дѣло“ пошло отлично,—безпощадно продолжалъ старичокъ.—Вячеславъ Ливскій публиковался хиромантомъ, предугадывающимъ будущее, и цѣлителемъ, для котораго нѣтъ болѣзней. Онъ нанялъ великолѣпную квартиру, чудно меблировавъ ее на деньги, выманенныя у злосчастнаго человѣка.

— Позвольте, братъ, прежде чѣмъ вы продолжите, скажите,—откуда вы почерпнули всѣ эти подробности? Не ввели-ли васъ въ заблужденіе?

— Нѣтъ, я узналъ ихъ отъ того несчастнаго, котораго они обобрали и покинули съ смертельнымъ отчаяніемъ въ душѣ. Насколько у меня хватаетъ силъ, я стараюсь, но не знаю, удастся ли мнѣ спасти несчастнаго.

— Продолжайте, братъ, вы правы.

— И „дѣло“ Вячеслава Ливскаго пошло отлично. Салонъ его каждый день былъ полонъ посѣтителемъ. Изучивъ у васъ тайны хиромантіи, онъ поражаетъ своихъ кліентовъ предсказаніями, и тогда уже эти клі-

енты всецѣло впадаютъ подъ его вліяніе. Для болѣ твердыхъ и нужныхъ ему пускается гипнотизмъ. За большія деньги онъ продаетъ чудесные порошки. Одни — для того, чтобы внушать намѣченной жертвѣ чувства и идеи, другіе для того, чтобы отправлять враговъ его кліентовъ на тотъ свѣтъ.

— Господь мой, и Ты допускаешь его дѣлаться убійцей!..

— Затѣмъ онъ составилъ рядъ лекцій изъ обрывковъ своихъ знаній и преподаетъ свое ужасное искусство своимъ ученикамъ. Съ каждымъ днемъ размножается число желающихъ стать его послѣдователями. И къ нему стекается рядъ людей всѣхъ званій и состояній, — исключая бѣдныхъ, разумѣется. Капиталы его растутъ, а съ ними растетъ его алчность. Духи зла умножаются вокругъ него, и онъ долженъ погибнуть въ ихъ власти. О, братъ мой, сколько зла вы причинили, желая сдѣлать добро одному.

Дмитрій Александровичъ медленно поднялъ опущенную голову, въ глазахъ его сверкали слезы.

— Не судите меня слишкомъ строго, братъ Андрей. Въ ужасную для Вячеслава Ливскаго минуту я встрѣтился съ нимъ впервые. Отчаявшись въ жизни, онъ покушался на самоубійство и погибалъ одинъ въ снѣжномъ сугробѣ. Одна тончайшая нить соединяла его съ жизнью. О, если-бъ вы видѣли, братъ Андрей, какъ жалокъ онъ былъ въ тѣ минуты! Судя по тонкимъ чертамъ его лица, по холенымъ рукамъ, по остаткамъ его рваной одежды, я долженъ былъ видѣть въ немъ интеллигента. И онъ лежалъ передо мной, замерзшій, посинѣвшій, такой худой, что можно было сосчитать каждую его косточку, со впалыми щеками, прикрытый лохмотьями.

— И, конечно, ваше доброе сердце дрогнуло?..

— Да, мое сердце дрогнуло. Я взялъ его, привезъ къ себѣ, вернулъ къ жизни. И онъ смотрѣлъ на меня такими глазами, глазами избитой собаки, которую потомъ приласкали. Едва только даръ слова возвратился къ нему, онъ пожелалъ исповѣдывать предо мною свою жизнь. И я видѣлъ, что онъ не лжетъ, что говоритъ безъ прикрасъ, не щадитъ себя. Въ ту минуту онъ и былъ искрененъ. Если-бы вы могли слышать всю эту жалобную повѣсть, и у васъ дрогнуло бы

сердце. Этотъ несчастный матери своей не зналъ, суровый же отецъ, совершивъ преступленіе, покинулъ его ребенкомъ, но успѣлъ зарочить въ его душу сѣмена порока.

— Сѣмена пустили корни, которыхъ не вырвать никогда.

— О, братъ мой, и разбойникъ раскаялся и попалъ въ царство небесное. Но я не буду васъ утруждать рассказомъ о дальнѣйшихъ страданіяхъ Вячеслава Ливскаго: такъ или иначе я сдѣлалъ грубую ошибку, и я долженъ эту ошибку исправить. Знаете-ли вы адресъ Вячеслава Ливскаго, братъ мой?

— Я принесъ его вамъ. Вотъ онъ.

— Сейчасъ-же я поѣду къ нему и постараюсь, если и не вернуть его на путь настоящаго добра, то по крайней мѣрѣ, сдѣлать его безвреднымъ для людей.

— Дай Богъ вамъ успѣха, но...

— Но вы въ него не вѣрите?

— Не вѣрю.

— А я все-таки попытаюсь. Подождите здѣсь моего возвращенія, дорогой братъ.

И, не прощаясь съ гостемъ, Дмитрій Александровичъ торопливо одѣлся и вышелъ на улицу. У подъѣзда его ждала пролетка. Онъ быстро вскочилъ въ нее и приказалъ везти на Пушкинскую.

Съ бьющимся сердцемъ онъ поднимался по лѣстницѣ Вячеслава Ливскаго и входилъ въ его пріемную. Станный видъ лакея сразу-же поразилъ его. Онъ понималъ, что видитъ передъ собою человѣка подъ вліяніемъ гипноза. О, какъ охраняетъ свои грѣховныя тайны его бывший ученикъ!

Орловъ купилъ первый попавшійся ему билетъ и сталъ ждать очереди. Съ грустнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ онъ на эту пеструю толпу, собравшуюся погадать. Всѣмъ извѣстно, что женщины въ большинствѣ легкомысленны и мало образованы, но среди присутствующихъ было много и мужчинъ, мундиры и значки которыхъ говорили о ихъ положеніи и образованіи. Неужели и они не надѣялись на свои собственныя силы и прибѣгали къ таинственнымъ грѣховнымъ средствамъ?!

И вотъ пришелъ конецъ тягостному ожиданію

Орлова. Онъ собралъ всю свою огромную силу воли, спокойно вступилъ въ открывшееся въ стѣнѣ отверстіе и переступилъ порогъ восточной комнаты. Крикъ изумленія и страха встрѣтилъ его.

— Вы надѣялись больше никогда не встрѣтиться со мною, Вячеславъ Ливскій?

Этотъ спокойный и ласковый, хотя строгій голосъ сильнѣе подѣйствовалъ на Вячеслава Ливскаго, чѣмъ выстрѣлъ изъ пушки или громовой ударъ. Не вѣря своимъ глазамъ, дрожащій и блѣдный, онъ не находилъ ни словъ, ни голоса для отвѣта.

IX.

Ученикъ и учитель.

— Здравствуйте... Забыли человека, съ которымъ проводили еще недавно цѣлые часы, котораго называли своимъ спасителемъ...

Эти слова, обращенныя къ Вячеславу Ливскому Дмитріемъ Александровичемъ Орловымъ, звучали суровой укоризной. Вячеславъ приросъ къ мѣсту и руки его не поднимались, чтобы коснуться протянутой ему руки.

Чуть замѣтная улыбка грустной ироніи скользила по губамъ Орлова; онъ положилъ купленный имъ билетъ на столъ. Одинъ видъ этого билета залилъ щеки Вячеслава яркой краской.

— А теперь я хочу воспользоваться купленнымъ мною временемъ для вашей-же пользы. Вы понимаете, конечно, что не хиромантія и чудодѣйственное леченіе привели меня въ вашъ домъ. Сядемъ.

Орловъ почти насильно усадилъ рядомъ съ собою на тахту своего бывшего ученика.

— Физически вы поправились, но какая перемѣна въ выраженіи вашего лица! А глаза, — они словно совсѣмъ чужіе. Нѣтъ, въ этомъ чуждомъ мнѣ человекѣ я не могу узнать своего друга, своего ученика.

Наступило продолжительное молчаніе. И вотъ

Дмитрій Александровичъ ласково взялъ руку Вячеслава.

— Вячеславъ, другъ мой, я пробудилъ васъ снова для жизни. Только благодаря нечаянной встрѣчѣ со мною вы можете теперь любоваться свѣтлымъ Божьимъ міромъ, этимъ небомъ, всѣми этими предметами роскоши, которые васъ окружаютъ, только благодаря мнѣ вы теперь живете. Я больше хотѣлъ сдѣлать, но мнѣ это не удалось. Я хотѣлъ просвѣтить вашъ умъ и вашу душу, возвысить васъ и поставить васъ въ ряды немногихъ. Да, мнѣ это не удалось, но все-таки вы почерпнули отъ меня немало знаній и въ нихъ-то я въ правѣ требовать отчета.

Дмитрій Александровичъ еще крѣпче сжалъ руку Вячеслава.

— Да, требовать! Я не хочу и не позволю вамъ отдавать злу и преступленіямъ эти знанія. Мнѣ извѣстны всѣ ваши болѣе чѣмъ скверные поступки.

Вячеславъ вздрогнулъ.

— Да, извѣстны... Понимаете-ли вы, какъ больно и какъ горько было мнѣ узнать горькую истину. Но вѣдь были-же дни, когда ваша душа была мягкимъ воскомъ въ моихъ рукахъ. Слова добра, слова высшей любви, вѣдь могли-же тогда проникнуть въ вашу душу. Не ошибался-же я тогда, когда вашъ взглядъ казался мнѣ чистымъ и искреннимъ. Какъ-бы хорошо вы не умѣли притворяться, но это не было притворствомъ. Скажите-же, почему вы могли забыть все хорошее и такъ легко вернулись къ прошлому, которое сами-же проклинали и которое привело васъ къ гибели?!

Вячеславъ молчалъ, стараясь отвратить взглядъ отъ чистаго свѣтлаго взора своего бывшего учителя.

— И я надѣюсь снова вернуть васъ къ добру. Вотъ это ваше молчаніе, вотъ это смущеніе дають мнѣ надежду. Но не бойтесь, говорите. Говорите, потому что передъ вами другъ, желающій вамъ только добра, спасенія и счастья. Почему вы покинули меня, почему вы вернулись къ старому?

— Послѣ той страшной ночи, ночи искушеній, которую я пережилъ,—заговорилъ Вячеславъ,—какъ то разомъ пропало мое терпѣніе, мнѣ показался душнымъ и тѣснымъ вашъ домъ, а ваша доброта унижитель-

нымъ подаваніемъ. И я уже не вѣрилъ въ свои силы, и меня тянуло прочь изъ вашего дома, хоть часть, хоть два, подышать другимъ воздухомъ. Можетъ быть, это былъ приговоръ судьбы, но въ тотъ-же часъ я встрѣтился съ людьми, игравшими важную роль въ моемъ прошломъ. Тогда это прошлое нахлынуло властной волной и я ей отдался съ наслажденіемъ. Я далеко ушелъ отъ васъ, отъ вашихъ идей, отъ вашего свѣта, но мнѣ мой мракъ дороже. Я не хочу васъ обманывать.

Чѣмъ больше говорилъ Вячеславъ, тѣмъ страстнѣе и убѣдительнѣе была его рѣчь. Съ глубокимъ ужасомъ внималъ его Дмитрій Александровичъ. Кажется, этотъ несчастный погибъ...

— Другъ мой,—пересиливая себя, снова ласково заговорилъ Орловъ, — не давайте такъ сразу рѣшительнаго отвѣта. Подумайте хорошенько. Если васъ стѣсняетъ зависимость, я дамъ вамъ скромную независимость... Подумайте, что васъ ждетъ въ будущемъ. Вспомните всѣ тѣ клятвы, что вы мнѣ давали... Вспомните предупрежденія братьевъ, когда васъ вели къ „испытаніямъ“... Страшная участь ждетъ преступившаго свои клятвы, а еще болѣе страшная того, кто воспользуется своими высокими знаніями для зла... Вы на этомъ пути, Вячеславъ Ливскій...

Вячеславъ поблѣднѣлъ. Не подошлютъ-ли эти братья къ нему тайныхъ убійцъ или отравителей? Во всякомъ случаѣ надо быть осторожнымъ. При его „общественной дѣятельности“ не такъ-то трудно на него напасть.

— Что-же это за кара? — все-таки спросилъ онъ. Орловъ покачалъ головой.

— Я не знаю. Высшія силы выбираютъ и посылаютъ ее. Я сужу на основаніи примѣровъ, и ихъ немало... Одни, поступившіе такъ, какъ вы хотите поступить, кончали самоубійствомъ; другіе—плахой, третьи — сумасшествіемъ. Такъ кончала ихъ плоть, а безсмертныя души томятся и до сей поры, и будутъ вѣчно страдать...

Вячеславъ Ливскій повеселѣлъ. Хорошо еще, что братья грозятъ невидимыми силами, а сами расправляются съ нимъ не будутъ.

— Я ужъ былъ на краю могилы, самоубійство мнѣ не новость.

Въ его тонѣ уже не было смущенія и робости, — напротивъ, звучали ноты присущей Ливскому наглости.

— Вы хотите правды, — продолжалъ онъ, эта правда не изъ пріятныхъ. Къ вамъ я не вернусь ни въ какомъ случаѣ. Подачекъ вашихъ мнѣ не нужно, — уже довольно я краснѣлъ передъ собою за ваши „благодѣянія“. Довольно этихъ позолоченыхъ, но горчайшихъ пилюль. А жить мнѣ все-таки надо чѣмъ-нибудь. Средствъ у меня нѣтъ, работать, какъ плебей, я не умѣю, не такъ воспитанъ и не для того родился. Я работаю такъ, какъ могу. Вы дали мнѣ нѣкоторыя знанія, — благодарю васъ за нихъ. Вы спасли мою жизнь, — за это я вамъ даже не благодаренъ. Не нужно мнѣ такого спасенія. Итакъ простимся, чтобы больше не встрѣчаться. Пусть каждый изъ насъ идетъ своей дорогой и не мѣшаетъ другому. По крайней мѣрѣ я васъ прошу не мѣшать мнѣ. И прямо заявляю, что измѣнять свою жизнь не намѣренъ. Будьте еще мнѣ благодарны, что о вашемъ таинственномъ и странномъ „братствѣ“ я не доношу полиціи. Теперь прощайте, прошу васъ больше меня не задерживать, меня ждутъ пациенты.

Дмитрій Александровичъ далъ Вячеславу Ливскому высказаться до конца. Да здѣсь говорить о добрѣ лишнее. Жалость и невольное презрѣніе отражались въ прекрасныхъ глазахъ Орлова. Онъ всталъ.

— Прощайте, вы правы, намъ больше не о чемъ говорить. Только все-таки считаю долгомъ предупредить васъ, что буду бороться противъ зла, которое вы сѣете. И еще не забывайте: жатва не будетъ отрадная.

Дмитрій Александровичъ повернулся къ дверямъ.

— Не туда! — рѣзко остановилъ его расходившійся Вячеславъ Ливскій. — Вотъ выходъ...

Но когда скрылась высокая, стройная фигура его бывшего учителя, Вячеславъ опустился на стулъ, обезсиленный, дрожащій, поблѣднѣвшій. Нѣсколько минутъ прошло, пока онъ оправился и взялъ себя въ руки.

„Пріемъ“ продолжался.

И вотъ въ одну изъ очередей впорхнула Claudine. Ея лицо сіяло торжествомъ.

— Вижу, что дѣла хороши.

— Великолѣпны! Старшій Батуринъ въ моихъ рукахъ. Онъ влюбленъ въ меня и охваченъ безумной страстью. Что дѣлать мнѣ дальше?

— Не забывайте отъ времени до времени угощать его моими крупинками. Я не сомнѣвался въ вашемъ успѣхѣ. Теперь же вамъ придется приготовить себя къ смѣлому, рискованному поступку.

— Я на все готова.

— Вѣрю, баронесса. Но то, о чемъ я говорю, несказанно трудно. Позвольте задать вамъ два — три вопроса.

— Пожалуйста.

— Скажите, вы очень дорожите своимъ супругомъ?

Claudine пожала плечами.

— Онъ хорошій человѣкъ и любитъ меня, я не могу не цѣнить его ко мнѣ чудеснаго отношенія. Но вѣдь вы знаете, что я-то люблю другого.

— А если вамъ придется выбирать: съ одной стороны, крупный скандалъ вашему мужу и тогда князь Михайлъ—безусловно вашъ. Съ другой — скандалъ этотъ минетъ вашего супруга, но князь Михайлъ пролетитъ мимо.

— О, конечно, выбора не можетъ быть! Чтобы овладѣть, человѣкомъ, котораго я люблю, я согласна утопить своего супруга!

— Тогда мнѣ и опасаться нечего. Впрочемъ, еще одинъ вопросъ, послѣдній.

— Пожалуйста.

— А если для обладанія княземъ Михаиломъ вамъ придется принести въ жертву жизнь его старшаго брата?

Claudine колебалась одно мгновеніе.

— А это безусловно необходимо для моей цѣли?

— Безусловно.

— Тогда пусть гибнетъ жизнь старшаго брата, лишь бы я владѣла младшимъ.

— Bravo! Вотъ женщина, съ которой можно завоевать полміра! Итакъ, приготовьтесь душевно, чтобы быть сильной. Сроку вамъ три дня, вы обду-

маете детали какъ лучше выполнить мое приказаніе. Слышите, какъ я говорю: приказаніе... Васъ это не коробить?

— Нисколько.

— Опять браво! Браво безъ конца. Итакъ, вы обдумаете всѣ детали.

— Понимаю... но... какія детали?

— Сейчасъ скажу. Черезъ три дня у васъ будетъ назначено любовное свиданіе князю Батурину. Это свиданіе должно быть такъ устроено, чтобы въ минуту полной страсти васъ засталъ-бы и накрылъ вашъ супругъ.

Claudine отступила.

— Меня? Мой мужъ съ княземъ Борисомъ? Но вѣдь тогда я навѣрно буду отрѣзана отъ князя Михаила.

— Напротивъ, это вѣрный шагъ къ нему, а безъ этого я не сумѣю васъ сблизить. Говорю вамъ, что мнѣ приходится ломать судьбу. Кажется, вы уже убѣдились, что я не шарлатанъ, что я владѣю непонятной силой и волшебными средствами.

— Да, убѣдилась.

— Но вы, кажется, забыли мое условіе, повиноваться мнѣ безпрекословно. Только въ такомъ случаѣ я обѣщаль вамъ полную побѣду. Еще есть время, — вы можете отказаться.

— Никогда! Я сдѣлаю все что вы приказываете, хотя сознаюсь, — мнѣ это и трудно, и непонятно. Впрочемъ, въ васъ такъ много чудеснаго и непонятнаго.

Claudine ушла взволнованная. Вячеславъ Ливскій съ довольной улыбкой потеръ свои руки.

— Ключеть!

До конца пріема оставалось полчаса и онъ принялъ еще одну кліентку. Это была дама, которую онъ убѣдилъ искать кладъ въ ея имѣніи. Глупая женщина согласилась на тайныя раскопки и рѣшила выдать Ливскому изъ своихъ 30-ти тысячъ пять. Сегодня она принесла эти деньги.

Наконецъ „магъ“ остался одинъ. Однако, онъ усталъ; „работа“ не дается легко. Онъ подошелъ къ шкафику и досталъ бутылку. Прямо изъ горлышка онъ выпилъ нѣсколько глотковъ. Потомъ онъ заперъ

дверь на ключъ, опустился на тахту и закурилъ гашишъ.

Вскорѣ глаза его полузакрылись и чудныя видѣнія наполнили комнату. Ему грезился гротъ, въ который забросили его „испытанія“ и грезились ласки красавицы-искусительницы. Къ чему ему была Юстина Пецынская?

Х.

Сестра Анна.

Маленькая, чистенькая комнатка въ домѣ на Петербургской сторонѣ. Скупые лучи петербургскаго солнца заглядываютъ въ единственное оконце украшенное бѣленькой подкрахмаленной кисейной занавѣсью.

У стѣны небольшая узенькая кровать съ бѣлоснѣжными наволоками на подушкахъ и пикейнымъ одѣяломъ. Въ углу кіотъ съ образами, и свѣтится неугасимая лампадка.

У окна—столъ, накрытый чистой скатертью, и два стула. Противъ кровати у стѣны комодикъ и шкафъ. Вотъ и вся обстановка, бѣдной комнаты. Впрочемъ еще новенькая швейная машинка и какой-то ворохъ, прикрытый кускомъ полотна.

Щелкнулъ ключъ, и на порогъ комнатки появилась маленькая женская фигурка. Это была та сестра Анна, которая на пріемахъ Орлова стояла за буфетомъ и кормила бѣдняковъ. Она принесла съ собой еще бѣлый свертокъ и сейчасъ-же развернула его. Тамъ были куски холста и коленкора.

Снявъ простенькое пальто и маленькую шапочку, она осталась въ своемъ обычномъ сѣромъ платьицѣ съ бѣлымъ передникомъ. Развернула коленкоръ, вынула изъ комода выкройки и большіе ножницы, и стала кроить бѣлье.

Лучи солнца ласково освѣщали русую головку и блѣдное лицо. Хрупкая, прозрачная, съ горько сжатыми тонкими губками, съ большими блѣдно-голубыми

глазами, глядѣвшими безнадежно и тускло,—она казалась олицетвореніемъ женской печали.

Вотъ она накроила цѣлый ворохъ бѣлья и присоединила его къ уже заготовленному. Работа кипѣла въ ея тонкихъ пальчикахъ.

Окончивъ кройку, она подставила стулъ къ столу и стала готовить швейную машину. Вскорѣ монотонно и быстро застучала машина.

Проходили часы, а сестра Анна, все работала, не поднимая головки, словно въ трудѣ хотѣла потушить ту печаль, которую такъ ясно отражали ея скорбныя черты.

— Тукъ-тукъ-тукъ. Можно войти? — слышался стукъ и старческій женскій голосъ.

— Войдите, Дарья Романовна.

Дверь пріотворилась, и вошла высокая полная старуха съ добродушнымъ простымъ лицомъ. Густыя, сѣдые косы обвивали ея крупную голову. Темный бумазейный капотъ висѣлъ широкими складками.

— Кушать пора, Анюта. Пойдемте въ мою комнату. Не охота мнѣ чадить въ вашей каморкѣ.

— А развѣ пора, Дарья Романовна? На дворѣ еще свѣтло.

— Давно пора, Анюта. Обѣдъ перестоялся. День свѣтлый, ясный,—я и не хотѣла мѣшать работать.

Анна покорно поднялась, прикрыла свою работу и послѣдовала за Дарьей Романовной.

Пройдя черезъ узкій коридоръ со множествомъ дверей направо и налево, и тускло-освѣщенной маленькой керосиновой лампочкой, — она вошла въ большую комнату. Деревянная перегородка скрывала кровать. По другую сторону перегородки былъ накрытъ столъ на два прибора.

Женщины молча и наскоро пообѣдали, и только за чаепитіемъ завязался разговоръ.

— Воля ваша, Анюта, а я ни за что не позволю вамъ больше работать сегодня.

— Я-бы хотѣла докончить.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Сидите тутъ, какъ въ темницѣ, а я — стража.

Старуха добродушно разсмѣялась.

— Вотъ лучше расскажите, какъ у васъ тамъ? — Какъ здоровье Дмитрія Александровича?

При упоминаніи этого имени блѣдныя щеки Анны порозовѣли, а глаза засіяли восторгомъ.

— Дмитрій Александровичъ здоровъ, какъ всегда, какъ всегда трудится. Сколько его благословляютъ!..

— А вы, Анюта, больше, чѣмъ другіе.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ много онъ сдѣлалъ для меня!.. Онъ спасъ мою жизнь и наполнилъ ее. Больше того, онъ спасъ мою погибавшую въ отчаяньи душу.

Дарья Романовна внимательно посмотрѣла на свою жилицу.

— Я вижу, что вы совсѣмъ не такая спокойная, какую кажетесь. Вы тоже умѣете волноваться.

Анна опустила голову.

— Теперь это рѣдко со мною случается, но прежде и я умѣла волноваться. О, какъ умѣла...

Старуха ласково положила свою руку на худенькое плечико Анны.

— Вы уже второй годъ моя жилица, Анюта. Вы должны-бы были хорошо меня знать... и немножко полюбить. Я одинокій человѣкъ, старый, живу своимъ трудомъ. Я много перенесла въ жизни горя, очень много. У меня тоже была своя молодость и свое счастье, и все это... ушло... навсегда ушло отъ меня. Я привыкла къ одинокой трудовой жизни, привыкла къ мысли, что чужая всѣмъ въ этомъ обширномъ Божьемъ мірѣ. Много жильцовъ перебывало въ моихъ комнатахъ, ко всѣмъ я относилась тепло и старательно, но... но — одни уходили, приходили другіе и міръ все-таки оставался чужимъ для меня.

Старушка вздохнула и продолжала.

— Но, вотъ, наконецъ, судьба послала мнѣ васъ. Второй годъ я вижу васъ изо дня въ день. Молодая, симпатичная, всегда печальная и кроткая... Я васъ очень полюбила, Анюта, какъ любила когда-то свою родную дочь, уже переселившуюся въ лучшій міръ.

Анна ласково прижалась головой къ плечу старухи.

— Я васъ тоже полюбила, дорогая Дарья Романовна.

— Знаю, что полюбили. Тѣмъ болѣе меня огорчаетъ ваша замкнутость, ваше вѣчное молчаніе. У васъ была трагедія въ жизни, была — я не сомнѣваюсь.

Я хорошо вижу, что непосильная тяжесть гнетет вашу молодую душу. Почему-же вы не подѣлитесь никогда со мною вашимъ горемъ, вѣдь вамъ было-бы легче. Или вы мнѣ не довѣряете ?

Анна еще тѣснѣе прижалась къ старухѣ.

— Дарья Романовна, я не хотѣла навязывать свое горе. Но, если вы интересуетесь моимъ прошлымъ, я въ двухъ словахъ расскажу его, и вамъ будетъ понятнѣе моя грусть.

— Расскажите, дѣточка.

— Я родилась въ большомъ университетскомъ городѣ. Рано осталась круглой сиротой, но родители оставили мнѣ отличное состояніе и прекрасную опеку. Опекунша замѣнила мнѣ мать, дала мнѣ хорошее образованіе и воспитала меня на религіи и на самыхъ чистыхъ идеальныхъ воззрѣніяхъ. На мое несчастіе опекунша моя умерла, едва я достигла совершеннолѣтія, и я сдѣлалась вполнѣ самостоятельной. Я стала увлекаться высшимъ образованіемъ, и въ кругу учащейся молодежи встрѣтила того, кто составилъ несчастіе всей моей жизни.

Кроткіе глаза Анны на мгновенье вспыхнули недобримъ огонькомъ.

Это былъ молодой, красивый студентъ полякъ. Онъ хорошо умѣлъ говорить о добрѣ и высокихъ идеяхъ. Мнѣ казалось, что душа моя нашла откликъ въ его душѣ. Мы видѣлись все чаще и чаще и, наконецъ, я поняла, что полюбила его. Казалось и онъ полюбилъ меня.

— Только „казалось“?

— Безусловно только казалось. Правда, мѣсяца два мы жили хорошо и ни одно облачко ни затемняло нашего счастья. А я любила его безгранично и вѣрила ему.

Анна вздохнула.

— Но вотъ начали появляться сначала облака, а потомъ и тучи на небѣ нашего счастья, разразившіяся, наконецъ, страшной грозой. У мужа моего стали появляться какія то неотложныя дѣла, и онъ все чаще и чаще уходилъ изъ дому. И постоянно ему нужны были деньги. Я давала ему сначала небольшими суммами, а потомъ эти суммы стали удваиваться и утраиваться. Наконецъ, онъ попросилъ дать ему полную довѣрен-

ность. Я не колебалась ни одной минуты, я такъ вѣрила ему. Но едва только подписанная довѣренность очутилась въ его рукахъ, какъ онъ навсегда покинулъ меня, ничего не объясняя и не оправдываясь. Онъ только оставилъ мнѣ короткую записку.

„Прощай, Анна. Мы съ тобой не встрѣтимся больше никогда, пути наши расходятся. Желаю тебѣ счастья“.

— Это ужасно,—прошептала Дарья Романовна.

— Я не стану рассказывать вамъ о тѣхъ мукахъ, которыя вынесла я, любившая его, я только прибавлю, что подъ сердцемъ я носила его дитя, и что онъ оставилъ меня безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ широко воспользовался моею довѣренностью и забралъ все что у меня было.

— Негодай!

— Мое положеніе и отчаяніе отняли у меня послѣднюю энергію. Скоро я узнала болѣзнь и нищету. Свою разбитую жизнь я-бы ему простила охотно, но, поступивъ такъ жестоко, онъ сдѣлался убійцей нашего ребенка. Хрупкое и нѣжное родилось оно, дитя печали, а нищета и голодъ свели его въ могилу. Для меня это былъ большой ударъ, послѣдній и, конечно, я рѣшила, что жить не стоитъ. Вспоминать объ этихъ тяжелыхъ дняхъ мнѣ слишкомъ больно, да вы, чуткая и добрая, поймете безъ словъ. Скажу вамъ только, что въ самые роковые для меня дни судьба столкнула меня, какъ и многихъ другихъ несчастныхъ, со свѣтлою личностью, съ Дмитріемъ Александровичемъ Орловымъ.

Опять блѣдныя щеки Анны порозовѣли и глаза ея засіяли.

— Ему, только ему одному, я обязана тѣмъ, что живу сейчасъ, и живу не безъ пользы для другихъ. Онъ научилъ меня любить всѣхъ людей и всѣмъ прощать. Но только одному человѣку все-таки я не могу простить. Это—моему бывшему мужу. Если когда нибудь мнѣ представится случай отомстить за смерть малютки, я это сдѣлаю даже на перекоръ волѣ Дмитрія Александровича.

Нѣкоторое время обѣ женщины молчали, одна—подавленная воспоминаніями, другая,—только-что слы

шанной трагедіей жизни. Наконецъ, Дарья Романовна рѣшилась спросить:

— И вы совсѣмъ не знаете, гдѣ онъ и что съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который такъ жестоко поступилъ съ вами?

— Тогда еще я слышала, что онъ покинулъ меня ради какой-то прежней своей привязанности. Я слышала еще, что у себя, на родинѣ, онъ велъ дурную жизнь и пользовался скверной репутаціей. Съ тѣхъ поръ онъ словно въ воду канулъ.

— Но почему вы не хлопчете, чтобы вамъ выдали паспортъ, а живете втихомолку, отчасти скрываясь отъ полиціи, отчасти пользуясь покровительствомъ.

— Мнѣ ненавистно это имя. Никому я его не сообщила и не сообщу. Даже Дмитрій Александровичъ, которому я открыла всю свою душу, не слышалъ противнаго мнѣ имени.

XI.

Скандалъ.

Восемь часовъ вечера. Въ будуарѣ и спальнѣ Claudine идутъ дѣятельныя приготовленія.

Въ будуарѣ таинственно свѣтитъ розовый фонарь. На столикѣ заготовленъ десертъ: фрукты, вино сандвичи, бисквиты. Въ спальнѣ, наоборотъ, все залито электричествомъ и небесно-голубая комната такъ и сіяетъ серебряными лиліями, зеркалами и хрусталемъ. Посеребренная кровать утопаетъ въ волнахъ кружевъ, а голубое одѣяло наброшено на подушки.

Сама Claudine въ роскошномъ, полупрозрачномъ пеньюарѣ, цвѣта сольферинъ. Малѣйшее ея движеніе, то обнажаетъ прелестную руку, то мраморное плечико, то изящный затылокъ, то элегантно обутую ножку.

Claudine осмотрѣла обѣ комнаты. Все въ порядкѣ. Тогда она вернулась въ будуаръ и полулегла на кушетку. Почему-то Софья Егоровна, компаньонка графини Недлеръ, сегодня присутствовала у нея въ будуарѣ.

— Все готово и одна изъ рѣшительныхъ ночей

въ моей жизни наступаетъ, дорогая Софья Егоровна, — трепещущимъ голосомъ сказала Claudine.

Софья Егоровна улыбнулась.

— Я не боюсь за васъ, баронесса, и вѣрю въ ваше счастье. Разъ нашъ волшебникъ Вячеславъ Ливскій принимаетъ въ вашей судьбѣ участіе, — за васъ и нельзя бояться, вы обезпечены.

Claudine тоже улыбнулась, но все-таки почувствовала, что невольная дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу. Нѣсколько мгновений она молчала, откинувъ головку, но вотъ порывисто приподнялась и взяла со столика бѣлый запечатанный конвертъ. Она внимательно осмотрѣла его, словно видѣла его впервые и медленно прочитала адресъ, написанный крупнымъ, измѣненнымъ почеркомъ:

„Англійскій клубъ. Барону Оскару Оскаровичу Ровень, въ собственныя руки. Экстренно.“

— Кажется, письмо написано достаточно ясно...

— Чего яснѣе! — подхватила Софья Егоровна. — Я помню его наизусть. И коротко, и ясно. „Въ то время, какъ вы, уважаемый баронъ, мирно проводите время съ товарищами, въ вашемъ домѣ творится нѣчто ужасное. Поѣзжайте немедленно, пройдите черезъ черный ходъ и прямо въ спальню вашей жены. Имѣйте въ виду, что вамъ придется выломать дверь. Вашъ доброжелатель“. Все. Видите, какъ я запомнила...

Снова дрожь пробѣжала по тѣлу баронессы. Она посмотрѣла на часы.

— Черезъ полчаса князь будетъ здѣсь. Какъ только онъ придетъ, вы поѣдете въ Англійскій клубъ и передадите швейцару, потомъ сами сейчасъ же уѣзжайте.

— А если письма не передадутъ?

— Что дѣлать! Придется отложить трагедію до другого раза. Но не думаю, — тамъ хорошіе служащіе и письма не пропадаютъ... Ну, а какъ ваши душевныя дѣла, Софья Егоровна?

— Ничего, жду. Одинъ разъ уже напоила своего дружка волшебнымъ питьемъ. Послѣ этого его не видѣла. Завтра придетъ на урокъ къ Глашенькѣ, — еще вкачу. Мнѣ и денегъ не жаль. Я знаю, что буду

торжествовать. Эхъ, всѣмъ намъ принесетъ панъ Ливскій и счастье, и благополучіе.

— А графиня какъ?

— О, отлично. Голова вотъ уже четыре дня какъ не болитъ, этого вѣдь еще не бывало. И молится теперь, къ удивленію, очень мало; пожалуй, скоро и всѣмъ перестанетъ молиться. Можетъ, это у нея отъ болѣзни было, мольба-то.

— Что же она дѣлаетъ весь день?

— Гуляетъ, ѣстъ и лечится. И аппетитъ-то теперь у ней чудесный, и цвѣтъ лица поправился. Словно помолодѣла. Волшебникъ этотъ господинъ Ливскій. Зато она и благодарна ему. О немъ у насъ только и разговоры.

Claudine снова посмотрѣла на часы.

— Пора... Черезъ пять минутъ князь Борисъ будетъ здѣсь.

Но не прошло и минуты, какъ доложили о прибытіи князя Батурина.

Просите, -- нервно приказала Claudine и, оставшись снова наединѣ съ Софьей Егоровной, поспѣшно проговорила:

— Идите, дорогая. Я по телефону васъ извѣщу, чѣмъ разыгралась исторія, если буду... жива...

Софья Егоровна поцѣловала баронессу и поспѣшила скрыться. Claudine приняла на своей кушеткѣ небрежную, соблазнительную позу.

И вотъ дверь будуара пріотворилась и на порогѣ въ робкомъ смущеніи остановился влюбленный князь Борисъ.

— Можно?

— Конечно. Васъ ждутъ вѣдь, — отвѣтилъ изъ таинственного полумрака томный, ласковый голосъ.

Князь вошелъ.

— Притворите дверь.

Онъ повиновался. Затѣмъ быстро подошелъ къ кушеткѣ, по дорогѣ чуть столика не обронилъ, и опустился на колѣни передъ своей богиней. Съ какой пламенной жадностью онъ покрывалъ поцѣлуями протянутыя ему ручки.

— Дорогой, милый, — ласково и томно шепталъ голосъ, одинъ звукъ котораго волновалъ его душу.

— Моя богиня, моя душа, моя жизнь!

И самая нѣжная, самая страстная слова такъ и лились изъ его устъ, никогда прежде ихъ не произносившихъ.

Но глаза Claudine слѣдили за часовой стрѣлкой, а головка соображала, черезъ сколько минутъ доѣдетъ Софья Егоровна до Англійскаго клуба. Пора дѣйствовать, эти кислые нѣжности вѣдь могутъ длиться безъ конца.

Claudine быстро поднялась.

— Довольно пока. Еще нацѣлуемся... Наливай бокальчикъ и выпьемъ за наше здоровье и за любовь...

Пока онъ наливалъ вино, она уже взяла свой бокаль, а тотъ, съ волшебной горошинкой на днѣ, оставила князю.

— Могу я предложить тебѣ фрукты или...

— О, Claudine, неужели мы будемъ еще терять эти минуты блаженства на прозаическую ѣду?

— Какъ хочешь! Какъ хозяйка, я должна была тебѣ предложить, — засмѣялась она. — Чего же ты хочешь, скажи?

Онъ вспыхнулъ.

— Я любви твоей хочу, Claudine.

Она лукаво прищурилась

— Любви? Только любви?

— Любви и страсти. Я хочу твоихъ ласкъ, я жажду безумья.

Голосъ его прерывался, онъ весь дрожалъ.

„А великолѣпная вещь эта крупинки Ливскаго“, — подумала Claudine.

— Хорошо, — сказала она, — сегодня я какъ-то особенно люблю тебя и каждое желаніе твое для меня почти священо.

Она скрылась за дверью спальни. Тамъ она свой пеньюаръ замѣнила другимъ, бѣлымъ и прозрачнымъ, какъ мечта, залитымъ серебряными лиліями, распустила роскошные волосы и въ красивой позѣ полулегла на свою голубую постель. Яркіе снопы электричества освѣщали каждый изгибъ ея стройнаго тѣла и картина получалась эффектная и соблазнительная.

— Борисъ! — звонко позвала она.

Онъ вошелъ и замеръ на порогѣ. Восхищенный,

онъ не могъ шевельнуться, не отрываль отъ нея своихъ глазъ.

— Глупенькій, запри же скорѣй дверь на ключъ. Поверни его въ замкъ два раза. Вотъ такъ... Теперь иди ко мнѣ, ближе...

Князь бросился къ ней... Голова его кружилась...

— Claudine, я люблю тебя!

— Любишь? Правда ли, что ты любишь меня?

— Больше всего... Больше жизни, больше счастья, больше чести...

Чуткое ухо баронессы уловило стукъ порывисто раскрывшейся двери въ сосѣдней комнатѣ.

— Поцѣлуй меня... Крѣпче...

Она обвилась обнаженными руками вокругъ шеи Батурина и въ тоже время въ напряженіи прислушивалась... Увы, онъ былъ далекъ отъ всего міра и, конечно, не видѣлъ и не слышалъ ничего въ этотъ мигъ. Она царила.

Шаги, звонъ шпоръ, заглушенные ковромъ... Чья-то рука порывисто схватилась за ручку двери... Дыханіе перехватилося въ горлѣ Claudine.

И вотъ бѣшенный голосъ за дверью, въ которомъ она едва различаетъ голосъ своего мужа.

— Отоприте! Сію минуту отоприте, или я выломаю дверь.

Молчаніе служитъ отвѣтомъ грозному окрику мужа... Князь молчитъ, потому что, упоенный любовью, онъ не слышитъ... Claudine молчитъ, потому что ей надо молчать, и не выпускаетъ жертву изъ своихъ объятій.

И вотъ два-три удара, и дверь съ трескомъ распахнулась.

Оскорбленный мужъ на порогѣ и изъ груди его вырывается стонъ... стонъ смертельно раненаго звѣря.

И если стукъ не пробудилъ охваченнаго страстью юношу, то этотъ стонъ заставилъ его очнуться.

Князь Батуринъ поднялъ голову и картина, которую онъ увидалъ, разомъ вернула его къ дѣйствительности...

— Князь Батуринъ,—весь блѣдный, задыхающимъ

ся голосомъ проговорилъ баронъ Ровень,—я бы могъ, какъ собаку, уложить васъ на мѣстѣ, но это не сняло бы позора съ моей головы...

Онъ сдѣлалъ два-три шага впередъ и очутился лицомъ къ лицу со своимъ соперникомъ.

— Князь Батуринъ, вы поступили, какъ подлецъ, и вотъ вамъ должная награда.

Громкая пощечина прозвучала въ наступившей вслѣдъ за этими словами тишинѣ...

Князь Батуринъ рванулся къ барону, но Claudine уже стояла между ними.

— Не надо крови! Не надо!..

— Мы должны драться,—глухо проговорилъ князь Батуринъ.—Завтра утромъ я пришлю вамъ секундантовъ... Я не хотѣлъ оскорбить вашей чести, я люблю вашу жену и хочу жениться на ней.

— Это вы должны были заявить прежде, чѣмъ переступить порогъ ея спальни.

— Вы правы. Баронесса, пойдите со мной, я провожу васъ къ моимъ родителямъ, какъ будущую жену мою,—если я останусь живъ.

— Не могу! Я вѣрю въ порядочность барона, и до развода остаюсь подъ его защитой.

XII.

Супруги.

— Вы остаетесь подъ его защитой?! — словно не вѣря своимъ ушамъ, повторилъ послѣднія слова Claudine князь Батуринъ.

И тѣ глаза, которые сейчасъ только ласкали его нѣгой и страстью,—теперь смотрѣли холодно, почти враждебно. Но сердце князя попрежнему любило эту женщину и кровь его попрежнему пылала въ жилахъ.

— Еще разъ прошу васъ, баронесса, заклинаю нашею любовью, пойдите со мной къ моимъ родителямъ; каждый часъ, проведенный вами подъ этой кровлей, принесетъ мнѣ безконечныя страданія.

Баронъ уже сдѣлалъ порывистое движеніе, но Claudine снова очутилась между ними.

— Довольно, князь. Мы и такъ жестоко оскорбили моего мужа. Когда состоится разводъ,—я покину его домъ, а пока... пока, повторяю, я подъ его защитой. Завтра вы пришлите своихъ секундантовъ, а теперь... Теперь прошу васъ покинуть этотъ домъ немедленно.

Поникнувъ головой, князь Батуринъ медленно вышелъ изъ комнаты. Claudine хладнокровно закрыла за нимъ дверь.

Супруги остались наединѣ.

Баронъ не смотрѣлъ на жену, онъ стоялъ молча, отвернувшись, и глубокое страданіе читалось въ чертахъ его лица.

Claudine, напротивъ, внимательно, хотя и изъ подлѣя, разсматривала огорченного супруга. Наконецъ, тихимъ голосомъ, стараясь придать ему задушевность, она произнесла:

— Оскаръ...

Онъ закрылъ лицо руками. Она замѣтила, что плечи его вздрагиваютъ отъ тихихъ рыданій. Какъ ласковый котенокъ, она подкралась къ нему и прильнула головкой къ его плечу.

— Оскаръ, мой дорогой Оскаръ, я знаю, что поступила подло, что недостойна даже прикасаться къ тебѣ... Прогони меня, убей, уничтожь мою подлую ненужную жизнь, но только не наказывай меня своей печалью, этими слезами, которыхъ я не стою. И еще, Оскаръ, выслушай меня. Поступокъ мой чудовищный, но сердце мое не такъ виновно.

Этотъ волшебный голосъ проникалъ въ самую глубину любящего, оскорбленного сердца. Claudine замѣтила, что впечатлѣніе, на которое она рассчитывала, достигнуто ею. Еще нѣжнѣе прижалась она къ мужу, еще ласковѣе и беспомощнѣе заговорила:

— Ты позволишь мнѣ оправдаться? Ты выслушаешь меня? Во имя того прошлаго, которое насъ связывало, во имя любви, которую я не умѣла высказать... Оскаръ, только этого одного я прошу у тебя...

И почти насильно она усадила его на кушетку, а сама сползла на коверъ и на колѣняхъ передъ нимъ заговорила со всѣмъ искусствомъ женщины, умѣющей притворяться.

— Да, я подлая, подлая, но все—таки я люблю тебя, одного тебя.

Онъ отшатнулся.

— Да, тебя, одного тебя... Повѣрь мнѣ, Оскаръ, теперь мнѣ не зачѣмъ притворяться, все равно все уже кончено. И возврата къ чудному прошлому нѣтъ, нѣтъ...

Рыдающія нотки слышались въ ея голосѣ. О, искусная притворщица! Но вотъ она какъ—будто сдержала себя и заговорила болѣе спокойно:

— Я встрѣчалась съ этимъ господиномъ у его матери, ты это знаешь. Уже давно онъ разставилъ свои сѣти, но я не обращала вниманія на его ухаживанія. Настойчивость его была безгранична.. Какъ-то разъ, подъ предлогомъ осмотрѣть спиритическія комнаты, онъ повелъ меня на свою половину. Довѣрчивая—я пошла. Ты слушаешь меня, Оскаръ.

— Дальше, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Тамъ, въ этихъ спиритическихъ комнатахъ никого не было. Охваченный страстью, которую столько времени ему приходилось сдерживать, князь бросился ко мнѣ и... насильно овладѣлъ мною... Что это было за ужасъ, Оскаръ!.. Я знаю, ты скажешь, что я должна была тотчасъ-же тебѣ признаться и молить тебя наказать безсовѣстнаго нахала. И я сама такъ думала, Оскаръ, но потомъ я побоялась, я побоялась разбить то счастье, которое было мнѣ дорого. Это—главная моя вина, Оскаръ...

Опять слезы послышались въ голосѣ Claudine.

„Что думаетъ теперь этотъ человѣкъ?“ — пронеслось въ ея головѣ.

А баронъ сидѣлъ неподвижно, закрывъ лицо руками, такъ что она не могла слѣдить за выраженіемъ его лица. Но онъ слушалъ ее и пока этого было довольно. Значить, онъ хотѣлъ ей вѣрить. Она продолжала:

— И вотъ страшная борьба началась въ моей душѣ. Сказать—и тѣмъ избавить себя отъ ненавистнаго любовника, но потерять любимаго мужа... Или не говорить и тогда—сохранить семейное счастье, но оставаться во власти ненавистнаго безумно-влюбленнаго уroda. Вѣдь онъ уродъ. Развѣ можно его любить?

Медленно опустились руки барона и измученное блѣдное лицо предстало передъ взоромъ его супруги.

— Оскаръ, — нѣжно прошептала она, — выгоняя меня изъ дому, можешь-ли ты простить мнѣ невольную измѣну и не проклинать меня? Ты молчишь, Оскаръ! Я понимаю, тебѣ противно глядѣть на меня, слушать мой голосъ. Такъ я уйду, Оскаръ. Прощай, мой дорогой... Мы, можетъ, не увидимся больше никогда... Да, навѣрно не увидимся...

Claudine всхлипнула. Быстро наклонившись, она поцѣловала руку своего супруга, затѣмъ поднялась и, поникнувъ головкой, рѣшительно пошла къ дверямъ.

И вотъ баронъ съ внезапнымъ порывомъ бросился за нею и, грубо схвативъ ее за руку, отшвырнулъ на коверъ. Со стономъ она упала.

— Ты никуда не пойдешь! — закричалъ онъ внѣ себя отъ бѣшенства. — Никуда! Подлая тварь, носящая имя моей жены! Я запру тебя и ты сгниешь тутъ въ четырехъ стѣнахъ. Слышишь, ты тутъ сгниешь!

Какъ маленькій прибитый звѣрекъ, лежала она на коврѣ.

— Ругай меня, Оскаръ, бей, но все-таки я счастлива, что ты позволяешь умереть вблизи тебя, что ты не гонишь меня. Но смиренная передъ тобой, я буду грозной и беспощадной къ тому, подлому, который разрушилъ мое счастье. Я требую, слышишь, я требую, чтобы ты послалъ ему секундентовъ и пристрѣлилъ его, какъ собаку. Только тогда я вздохну свободно. Я вѣрю въ справедливость, — такая тля не можетъ принести тебѣ вреда.

Она вскочила и порывисто схватила его за руку.

— Ты будешь драться съ нимъ, Оскаръ, я этого хочу, ты будешь драться!

Ея порывъ отчасти успокоилъ его.

— Да, я буду драться съ нимъ, онъ не увернется отъ дуэли, не спасется отъ моей пули. Если завтра онъ не пришлетъ секундентовъ, то я дамъ ему новую пощечину, публичную. Я буду бить его до тѣхъ поръ, пока не приведу къ барьеру. Тамъ мы разсчитаемся. Я мѣткій, лучшій стрѣлокъ, тамъ — мое поле..

Claudine снова горячо поцѣловала его руку.

— Благодарю тебя, Оскаръ...

Нѣкоторое время супруги молчали. Баронъ что-то обдумывалъ, а Claudine рыдала. Вдругъ онъ насмѣшливо засмѣялся.

— Вы, вѣроятно, сударыня, ждете и не дождетесь, когда я уйду. Послѣ сладко проведенныхъ часовъ вамъ хочется не менѣе сладко поспать и отдохнуть. Не такъ-ли?

Вмѣсто отвѣта Claudine вздохнула и повернулась къ столу, на которомъ стояло вино. Она налила рюмку вина своему супругу и незамѣтно опустила въ него чудодѣйственный шарикъ, такой-же, какимъ она угощала князя Бориса Батурина. О, отчего не знала она Ливскаго въ то время, когда надо было побѣдить Михаила Батурина. Тогда бы онъ не уѣхалъ за границу, а лежалъ-бы теперь у ея ногъ! Эта мысль невольно промелькнула въ головѣ Claudine. Затѣмъ она подошла къ мужу, поднесла бокалъ къ самымъ его губамъ и повелительно произнесла:

— Пей! Это тебя успокоитъ.

И онъ выпилъ.

Когда послѣдняя капля потонула въ его горлѣ, Claudine успокоилась. Теперь онъ въ ея власти. Кокетливыя искорки замелькали въ ея глазахъ.

— Да, я столько перенесла за эти часы, что мнѣ дѣйствительно надо немного успокоиться. Конечно, Оскаръ, ты теперь совсѣмъ не жалѣешь меня... А все-таки... въ память прошлаго... раздѣнь свою бѣдную дѣвочку и уложи ее въ постельку.

Она безпечно растегнула свой халатикъ... Онъ соскользнулъ къ ея ногамъ, и баронъ могъ любоваться прелестными обнаженными плечами своей жены.

Что это, несмотря на волненіе, на страшный ударъ, онъ, какъ влюбленный мальчишка, теряетъ свое хладнокровіе. Эти бѣлыя нѣжныя плечи волнуютъ всю его кровь, но онъ еще борется съ охватившей его слабостью.

Конечно, Claudine замѣчаетъ эту борьбу. Изнѣженнымъ движеніемъ, опустившись на подушки, она зоветъ его къ себѣ...

— Оскаръ... Оскаръ...

— Чего ты хочешь? Неужели хватить у тебя стыда изъ однихъ объятій перейти въ другія? Неужели?

— Молчи, Оскаръ, не вспоминай... Я люблю тебя и счастлива, что снова я твоя... Оскаръ, Оскаръ...

Больше баронъ не пытается бороться, онъ от-

дается во власть охватившей его почти стихийной страсти.

Ночь медленно ползетъ, длинная, зимняя, сѣверная ночь. На смѣну ей близится блѣдный, хмурый, питерскій день.

Claudine спитъ спокойно и безмятежно, но даже дрема бѣжитъ съ глазъ ея супруга. Неподвижный, печальный сидитъ онъ и, не отрывая глазъ, смотреть на прелестное коварное созданіе.

Сердце его уже оправдало ее, простило, повѣрило ея лжи.

Вся злоба теперь направлена къ другому, случайному сопернику, къ князю Борису Батурину. О, тому прощенья, не будетъ!..

Низкій человѣкъ... Онъ заманилъ безпечную женщину и насильно овладѣлъ ею. И эта женщина—его любимая жена, баронесса Ровень!..

Скорѣй-бы проходила ночь и разсвѣтъ смѣнился бы утромъ! Скорѣй бы постучались въ его дверь посланцы соперника. О, онъ не позволить имъ даже заикнуться о примиреніи.

Скорѣй-бы наступилъ роковой часъ, часъ расплаты для низкаго развратника! Какъ твердо и безпощадно направить баронъ свою руку въ подлое сердце.

И только тогда улыбка снова заиграетъ на его устахъ, когда бездыханное тѣло случайнаго соперника склонится къ его ногамъ.

Да, только тогда грудь барона снова вздохнетъ спокойно и...

Claudine проснулась и, окинувъ взглядомъ комнату и своего супруга, сразу вспомнила все происшедшее наканунѣ и смекнула, приблизительно о чемъ могъ думать ея супругъ. Она поспѣшила притвориться спящей и, словно во снѣ, тихо заговорила.

— Оскаръ... дорогой Оскаръ... я люблю тебя... Не покидай меня... Убей подлаго... ненавистнаго... Мой Оскаръ.

Баронъ въ невольномъ порывѣ взялъ руку мнимоспавшей и поцѣловалъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, бѣдняжка не лгала, бредъ блистательно подтверждаетъ ея исповѣдь.

— О, дорогая, ты будешь отомщена... И тогда наши ласки уже не будутъ отравлены ядомъ ревности

и невольной измѣны. Князь Батуринъ перестанетъ существовать.

XIII.

Торжество Софьи Егоровны.

Въ классной комнатѣ сидѣла воспитанница графини Оливіи Глашенъка и, уставившись въ тетрадку своими словно полинявшими глазками, старательно выводила буквы.

Софья Егоровна суежилась въ классной. Она тщательно вымыла губкой аспидную доску, вытерла, кажется, каждую пылинку въ комнатѣ, прибавила чернилъ, выточила карандаши. Между дѣломъ она тщательно поглядывала на часы. Наконецъ, стрѣлка остановилась на четырехъ—часъ прибытія въ этотъ день учителя. Но аккуратный всегда, онъ, какъ будто нарочно, сегодня запаздывалъ. Вотъ и пять минутъ лишнихъ прошло.

Софья Егоровна положительно уже не могла ждать. Она перебирая длинными ногами, направилась въ переднюю. Почти лицомъ къ лицу она столкнулась съ такъ страстно ожидаемымъ Горошкинымъ.

— Иванъ Петровичъ! Наконецъ-то!

По обыкновенію она протянула ему свои длинные руки и всегда еле касавшійся ихъ учитель, и притомъ не смотрѣвшій ей въ глаза, сегодня, напротивъ, крѣпко пожалъ ей руки и словно приласкалъ ее своими большими, бархатистыми глазами.

О, такая переѣна показалась особенно многозначительной Софьѣ Егоровнѣ и, восхищенная, она чуть до потолка не подпрыгнула. Да, надо дать ему обязательно сегодня вторую порцію порошка, купленного ею у Ливскаго.

Софья Егоровна проводила учителя въ классную и скромно сѣла на свое „менторское“ мѣсто, такъ какъ всегда присутствовала на урокахъ. Душа ея положительно замирала отъ восторга. Учитель велъ себя удивительно странно, какъ никогда. Онъ поглядывалъ отъ времени до времени на сухопарую компаньонку и глаза его, казалось, говорили ей:

„Нѣтъ, кажется, что мы увидѣли тебя сегодня впервые. У насъ совсѣмъ другое представленіе было составлено о тебѣ. Право, ты не дурна. Во всякомъ случаѣ очень симпатична и, знаешь, нравишься намъ съ каждымъ мгновеніемъ больше и больше.“

Наконецъ, Софья Егоровна вспомнила о порошкѣ и быстро вышла изъ классной, Все-таки она успѣла замѣтить, что учитель проводилъ ее глазами до дверей.

Въ ожиданіи ея возвращенія урокъ шелъ вяло и Глашенькѣ приходилось нѣсколько разъ переспрашивать учителя. Ея полинялые глазки расширились отъ удивленія и про себя Глашенька рѣшила, что у Ивана Петровича сегодня навѣрно что-нибудь болитъ.

Вотъ возвратилась Софья Егоровна. Она несла въ рукахъ маленькій подносъ, на которомъ красовались двѣ чашечки кофе со сливками. „Для примѣты“ въ одну чашку была опущена ложечка, а въ другую нѣтъ. Ту, которая была безъ ложечки, Софья Егоровна поставила на оконце для себя, а другую съ ложечкой предложила Горошкину.

— Очень вкусный кофе, Иванъ Петровичъ, сама варила. Сливочки свѣженькія, густыя. Скушайте за мое здоровье.

Снова бархатистые глаза Ивана Петровича будто приласкали сухопарую компаньонку.

— Благодарю васъ, Софья Егоровна, очень, очень благодарю.

Учитель сейчасъ-же приступилъ къ уничтоженію кофе. Дѣйствительно, онъ былъ сегодня какъ-то особенно вкусенъ.

Урокъ медленно приближался къ концу. Учитель былъ невнимателенъ и поглядывалъ на Софью Егоровну. Глашенька зѣвала во весь ротъ до слезъ. Софья Егоровна упражнялась въ кокетливыхъ ужимкахъ, воображая ихъ неотразимыми.

Наконецъ, урокъ закончился. Стемнѣло. Глашенька, выйдя изъ классной, побѣжала по коридору, словно сорвавшаяся съ цѣпи собаченка.

Софья Егоровна медленно провожала по этому коридору учителя въ переднюю. Въ полу-мракѣ коридора ея маленькіе глаза горѣли, какъ рысьи. Длинная сухая рука искала руку учителя.

Что это? Софья Егоровна положительно затрепала отъ блаженства. Прежде равнодушная рука учителя — теперь горячо и страстно отвѣтила на ея пожатіе. И вдругъ, уже у самой передней онъ заключилъ ее въ свои объятія, страстными поцѣлуями покрылъ ея лицо и руки, и, словно ошеломленный самъ своими поступками, опрометью бросился въ переднюю, поспѣшно одѣлся и вышелъ на улицу.

Софья Егоровна, пылающая и восхищенная, прислонилась къ стѣнѣ. Она положительно теряла силы отъ волненія. Еще-бы: въ первый разъ въ ея жизни мужчина, да еще молодой и красивый, прижалъ ее къ своей груди и осыпалъ поцѣлуями. О, чудодѣйственный панъ Ливскій!

Софья Егоровна явилась къ обѣду съ такимъ лицомъ, что невольно всѣ обращали на нее вниманіе. Не сошла-ли она съ ума? Она такъ громко хохотала и продѣлывала такія уморительныя гримасы, долженствующія изображать кошечку-чаровницу...

Послѣ обѣда графиня Оливія отвела Софью Егоровну въ сторону и спросила, что все это значить и не случилось-ли съ ней что-нибудь особенное.

— О, — захлебнулась Софья Егоровна, — и что случилось!.. Намъ скоро придется разстаться, дорогая графиня. Я люблю и... люблю!..

Больше ничего не могла добиться отъ компаньонки графиня. Софья Егоровна заявила, что хочетъ итти гулять.

Дѣйствительно, она одѣлась и вышла. Долго безцѣльно бродила она по улицамъ, перебирая своими длинными ногами. Или, быть можетъ, она желала успокоить свою пылавшую кровь?

Между тѣмъ, учитель Горошкинъ направился съ урока домой. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что съ нимъ творится. Софья Егоровна казалась ему привлекательной и обольстительной. Почему раньше это ему не казалось? Вѣроятно, потому, что онъ не вглядывался въ нее, какъ слѣдуетъ, весь поглощенный предназначенной ему съ дѣтства Олечкой.

Какія-то новыя чувства и ощущенія нахлынули въ его сердце, зажгли его кровь и, какъ ураганъ, сметали все старое, казалось, свившее прочное гнѣздо въ его душѣ.

Длинная прогулка по холоду немного охладила и отрезвила его. Вотъ онъ на отдаленной улицѣ Петербургской стороны передъ воротами стараго, деревяннаго домика. Съ какимъ отраднымъ чувствомъ онъ входилъ обыкновенно въ эти ворота, — тутъ ждалъ его счастливый отдыхъ послѣ трудового дня, тутъ ждала его забота близкихъ и вкусный обѣдъ.

Но сегодня... сегодня все ему казалось здѣсь противнымъ и непріятнымъ. И эта отдаленная, грязная улица, и эти ворота, и этотъ старенькій домикъ, уже предназначенный весною къ сносу. Съ отвращеніемъ поднимается онъ по грязной лѣсенкѣ въ свою квартиру и съ отвращеніемъ прикасается къ запыленной ручкѣ звонка. Невольно просится сравненіе съ блестящимъ домомъ графини Недлеръ.

Двери ему открыла Олечка.

— А! Ванюша, дорогой!

Она помогла ему снять пальто и даже галоши, щеткой вычистила его сюртучекъ и тогда уже прижалась свѣжими губками къ его губамъ.

— Какая она вульгарная и какъ слюняво цѣлуется, — подумалъ Горошкинъ.

Въ маленькой столовой столъ уже, конечно, былъ накрытъ. Ивана Петровича усадили и мать принесла его любимый горячій борщъ.

Съ какимъ-то пренебреженіемъ, словно въ первый разъ видѣлъ онъ эту комнату, оглядывалъ старомодную мебель и полинявшія портьеры. Даже чистота, которою онъ такъ гордился, его не радовала. А эти тарелки, — одна синяя, другая зеленая, третья подбитая, — фу, гадость какая!

А тамъ-то, тамъ! Роскошь, блескъ, изящество. Права была Софья Егоровна. Не тѣ теперь времена — въ шалашѣ и съ милой не будетъ рая.

Да, полно, „милая-ли“, эта Олечка? Критическимъ окомъ онъ окинулъ свою невѣсту. Плохо онъ раньше ее разсматривалъ! Скулы какія широкія, а глаза малюсенькіе, вкось разрѣзанные, совсѣмъ японка. А ходитъ-то какъ, словно нарочно все тѣло выворачиваетъ.

Иванъ Петровичъ отвернулся и принялся за борщъ. Хорошая вещь борщъ, особенно когда не поѣшь тонкихъ аристократическихъ блюдъ.

— Что это, Ванюша, да ты никакъ и этой тарелки не доѣлъ, а бывало вторую просишь.

— Не хочется, мама...

— Какой странный сегодня, неразговорчивый. Ужъ не было-ли непріятностей какихъ? — тревожно спросила Олечка.

— Не было, — такъ, усталъ просто, заработался.

Горошкинъ наскоро съѣлъ жаркое и направился въ свою рабочую комнату.

— А ватрушку, Ванюша? А чай?

— Въ комнату мнѣ принесите. Да заниматься мнѣ не мѣшайте, дѣла много.

Иванъ Петровичъ уѣлся къ письменному столу и принялся за чтеніе свѣжихъ вечернихъ газетъ, уже приготовленныхъ ему Олечкой. И показалось ему какъ-то душно, неуютно въ этой маленькой комнаткѣ, которую онъ такъ любилъ и въ которой провелъ столько счастливыхъ часовъ.

Вошла Олечка съ маленькимъ подносомъ въ рукахъ. Она принесла ему чай, варенье и ватрушку.

— Поставь, — хмуро бросилъ онъ ей, — да иди къ себѣ, не мѣшай мнѣ заниматься.

— Да ты здоровъ-ли, Ванюша? Тебѣ и вчера было какъ-то не по себѣ, а сегодня ты ужъ совсѣмъ биюкомъ глядишь. Что съ тобой?

Но онъ ничего не отвѣтилъ. Тогда Олечка взялась за свое самое дѣйствительное средство, — она взгромоздилась на колѣни своего Ванюши и обвила руками его шею.

— Ты любишь меня? — тихо спрашивала она, прижимаясь къ его груди.

Но женихъ не отвѣтилъ ей обычной лаской, напротивъ, онъ уклонился отъ ея объятій.

— Баба всегда останется бабой. Говорю тебѣ, занятъ.

Олечка положительно не вѣрила своимъ ушамъ.

— Да что съ тобой, Ванюша? Ты шутишь вѣрно?

— Нѣтъ, нѣтъ, не шучу, не до шутокъ мнѣ, когда нѣтъ ни одной минуты покоя. Уйди, я прошу тебя, уйди, не раздражай меня.

Слезы, вызванныя незаслуженной обидой, брызнули изъ глазъ молодой дѣвушки.

— Ну вотъ, этого еще не доставало. Перестань ре-
вѣть, или я брошу все и уйду изъ дома.

Но она не только переставала, напротивъ ея сле-
зы превратились въ громкія рыданія.

На порогъ показалась испуганная мать.

— Что здѣсь такое? Что случилось? Олечка, дѣ-
точка моя, о чемъ ты такъ плачешь? Ванюша! Да
объясни-же мнѣ, что у васъ тутъ такое? Кажется, мать
тебя спрашиваетъ.

Онъ нервно схватился за голову.

— Да ну васъ совсѣмъ, одолѣли! Каторга какая-
то. Цѣлый день по домамъ шляешься, работаешь какъ
собака, вернешься отдохнуть въ свою каморку, да и
тутъ покоя нѣтъ. Налетѣли какъ воронье. Ну васъ со-
всѣмъ.

Горошкинъ вскочилъ, бросился въ переднюю, на-
скоро одѣлся, и, несмотря на протесты матери, поки-
нулъ свой домъ. Старушка вслѣдъ ему только руками
развела. Но раздумывать не было времени, надо было
успокоить истерически рыдавшую дѣвушку.

Когда Олечка утихла немного, старушка рѣшилась
обратиться къ ней съ вопросомъ.

— Что у васъ тутъ случилось, дѣточка? Чѣмъ ты
его такъ разозлила, его, всегда тихаго и спокойнаго?
Ему уступать надо, онъ работаетъ, устаетъ.

— Да и раньше онъ работалъ и уставалъ, только
никогда ничего съ нимъ такого не было. Разлюбилъ
онъ меня, да и все тутъ. Другая, вѣрно, нашлась, луч-
ше меня. Ахъ, пропала теперь моя головушка, про-
пала...

И Олечка снова истерически зарыдала.

XIV.

Любовь подъ гипнозомъ.

Графиня Оливія Недлеръ полулежала въ восточ-
ной комнатѣ Вячеслава Ливскаго. Глаза ея были от-
крыты, но неподвижны, неподвижно было и лицо ея
покрыто смертельной блѣдностью, только посинѣвшія
губы шевелились, какъ чужія, когда она давала отвѣты.

Вячеславъ Ливскій стоялъ надъ нею, поднимая ру-

ки, и не отрывалъ отъ нея своихъ острыхъ глазъ съ расширившимися зрачками.

— Ты спишь? — задалъ онъ свой обычный вопросъ.

— Да, сплю.

— Такъ слушай внимательно все, что я тебѣ скажу и повинуйся мнѣ безприкословно. Ты будешь мнѣ повиноваться?

— Да, я буду, я всегда вѣдь тебѣ повинуюсь.

— Я тобою доволенъ. Теперь ты влюблена въ меня и будешь любить съ каждымъ днемъ сильнѣе. Ты понимаешь?

— Я буду любить тебя съ каждымъ днемъ сильнѣе, — опять повторила она своими посинѣвшими губами.

— Сегодня, когда ты придешь въ себя, ты отдашься мнѣ по первому моему желанію.

Тѣло ея содрогнулось и судороги искривили ротъ.

— Ты отдашься мнѣ по первому моему желанію, — покорно повторили ея губы.

— Я предложу тебѣ свою руку и ты примешь ее съ восторгомъ.

— Я приму съ восторгомъ твою руку.

— Ты поѣдешь къ своимъ родителямъ и будешь просить согласія на нашъ бракъ.

— Хорошо.

— Ты упросишь ихъ принять меня.

— Хорошо.

— Если-же никакія твои просьбы и мольбы, а даже слезы не могутъ склонить ихъ, ты придешь ко мнѣ просить совѣта. Ты сдѣлаешь все, какъ я тебѣ сказалъ?

— Да, я сдѣлаю все, какъ ты сказалъ.

— Хорошо. Теперь ровно черезъ 5 минутъ ты должна проснуться, забыть, что ты спала и приступить къ исполненію моего приказанія.

— Хорошо.

Вячеславъ опустилъ свои руки, отошелъ къ креслу, сѣлъ и хладнокровно закурилъ сигару.

Ровно черезъ 5 минутъ его жертва вздрогнула и посмотрѣла на него сознательно.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, графиня?

— Благодарю, отлично. Что-же вы так далеко отъ меня. Мнѣ скучно.

Если-бы кто-нибудь изъ знающихъ графиню Оливію въ настоящую минуту посмотрѣлъ на нее, вѣроятно, замерь-бы отъ удивленія. Это холодная, гордая, чопорная особа совершенно преобразилась. Кокетливая улыбка играла на ея губахъ, глаза томно шурились.

Словно нехотя, медленно поднялся Вячеславъ Ливскій и пересѣлъ на край тахты возлѣ графини Оливіи.

— Знаете, дорогой врачъ моего тѣла и моей души, что я думаю теперь?

— Гдѣ-же мнѣ знать, графиня?..

— Могу я сказать вамъ?

— Я васъ прошу, графиня.

— Но вы будете такъ удивлены, — такъ...

— Я никогда ничему не удивляюсь, графиня.

— Такъ сказать?

— Скажите.

Она полузакрыла глаза и нѣжно взяла его руку.

— Я люблю васъ, — прошептала она и вся вспыхнула.

— Подумаешь, какая Маргарита нашлась, — пронеслось въ его головѣ, но вслухъ онъ разсмѣялся и горькой насмѣшкой звучалъ этотъ смѣхъ.

— Вы смѣетесь?

— Да, я смѣюсь, смѣюсь, чтобы заглушить вашу насмѣшку. Вы любите меня?! Да развѣ можно болѣе жестоко смѣяться надъ человѣкомъ?.. Кто я и... кто вы?

— Такъ вы мнѣ не вѣрите?

— Еще-бы. Я... бѣдный человѣкъ, труженикъ, котораго, какъ и всякаго піонера, людишки готовы считать шарлатаномъ, можетъ быть, мошенникомъ. Вотъ кто я. А вы? Вы знатная, богатая, прекрасная женщина. Да развѣ можно хоть на минуту вообразить, что вы меня... любите? Нѣтъ, не смѣйтесь надо мною. А ужъ если смѣяться, такъ будемъ смѣяться вмѣстѣ!.. Ха, ха, ха...

— Перестаньте. Вы меня очень, очень огорчаете. Ну, перестаньте. Вячеславъ, милый...

Желаніе убѣдить его развѣяло ея стыдливость. Она склонилась къ его плечу. Первый разъ въ жизни. Да, первый разъ къ плечу мужчины!..

— Я люблю васъ и хочу, чтобы вы мнѣ вѣрили.

Хочу, Вячеславъ. Какъ доказать? Какъ увѣрить васъ?
Онъ пересталъ смѣяться и строго заглянулъ ей въ глаза.

— Доказать?.. Это трудно, ахъ, какъ трудно, для такой аристократки, какъ вы, это невысказуемо. Вы не рѣшились-бы.

— Для васъ я рѣшилась-бы на все...

— На все? Подумайте хорошенько.

Его взглядъ сдѣлался еще строже.

— Я говорю правду... На все... — подчеркнула она.

Вячеславъ Ливскій нахмурился.

— Такого разочарованнаго нищаго скептика можно увѣрить лишь чѣмъ—нибудь особеннымъ, чудовищнымъ. Малѣйшее колебаніе можетъ...

— Я понимаю,—перебила она,—требуйте...

Онъ выпрямился.

— Я требую, чтобы вы всю эту ночь провели у меня, въ моей спальнѣ, какъ моя жена...

— Милый,—отвѣтила она и прижалась къ нему въ порывѣ самопожертвованія.

— Остаетесь? — спросилъ Ливскій замирающимъ голосомъ, словно не довѣряя своему счастью.

О, если-бы Вячеславъ Ливскій, попалъ на сцену, — это было-бы величайшій актеръ! Его мягкій голосъ владѣлъ самыми тончайшими интонаціями. Его взглядъ съ быстротою молніи мѣнялся и умѣлъ выражать всѣ модуляціи отъ страшнѣйшей грозы до утонченной нѣжности.

— Останетесь?

— Конечно, да... да...

— Сегодня я кончилъ свою работу и для меня будетъ праздникъ... если вы не раздумаете... не обманете... Самый великій праздникъ въ моей жизни...

— Вы еще сомнѣваетесь?

— Я еще сомнѣваюсь...

Печальная и нѣжная улыбка мелькнула по губамъ графини Оливіи.

— Но „завтра“ вѣдь не далеко, а „завтра“... нѣтъ, даже сегодня ночью у меня будетъ полная увѣренность. А пока посидите немного... Разсмотрите вотъ эти картинки... Я велю приготовить маленькую закуску для моей богини и... все остальное.

Вячеславъ Ливскій вышелъ, положивъ на колѣни графини Оливіи коробку съ карточками... Она машинально открыла коробку и взяла первую карточку... Рука ея задрожала, кровь хлынула въ голову.

На карточкѣ обнаженная парочка забыла весь міръ въ любовномъ объятіи...

Вторая... еще откровеннѣе, еще рискованнѣе.

Но словно какая-то посторонняя сила толкала руку графини Оливіи... и съ жадностью, вся сгорая, она пересматривала эту циничную коллекцію.

Между тѣмъ Вячеславъ направился къ Юстинѣ... Онъ засталъ молодую женщину въ спальнѣ, которая сегодня должна была сыграть большую роль...

Юстина мѣтила гладью бѣлье своего возлюбленнаго Вячеслава.

Услыхавъ знакомые шаги, она бросила работу и радостно бросилась къ нему.

— Какъ ты сегодня заработался, мой любимый. Я тебѣ и ужинъ уже велѣла собрать... И сама не ужинала... Пойдемъ въ столовую.

Противъ обыкновенія послѣднихъ дней, Вячеславъ ласково потрепалъ Юстину за румяную щечку...

— Юстикъ мой... работаетъ для... Ты настоящая моя женка... И хотѣлось бы мнѣ съ тобой поужинать сегодня, дорогая, да нельзя... Сегодня у меня трудное и непріятное дѣло, но, если оно удастся, мы будемъ настолько богаты, что бросимъ всѣ эти докучныя дѣла и проживемъ въ свое удовольствіе.

У Юстины „сердечко екнуло“... Къ чему эта необычайная ласка и доброта послѣ суроваго тона всѣхъ послѣднихъ мѣсяцевъ?.. О, у Вячеслава это не страсть, — онъ вѣроятно приготовилъ ей горькую пилюлю и... золотить ее...

— Ты сердишься, Юстиночка ?

— Нѣтъ...

— Вотъ и хорошо. Ты у меня умница. Я особенно разсчитываю на тебя сегодня...

— Разсчитываешь на меня? Но что я могу тебѣ сдѣлать? Ты хозяинъ—и приказывай...

— Не хочу приказывать своей женкѣ, хочу просить ее.

— Въ чемъ дѣло?

Вячеславъ Ливскій привлекъ къ себѣ Юстину и поцѣловаль.

— Уступи мнѣ нашу спальню на сегодня...

Она сразу отстранилась.

— Нашу спальню? Зачѣмъ?

— Такъ нужно...

— Тебѣ одному?

— Нѣтъ...

— Женщинѣ! Другой женщинѣ!..

— Ты угадала, Юстиночка.

— Да ты съ ума сошелъ...

И предложеніе показалось ей особенно чудовищнымъ, она ему не повѣрила даже въ устахъ Вячеслава.

— Нѣтъ, ты шутишь.

Онъ нахмурился и перемѣнилъ тонъ.

— Я знаю, что съ такою дрянью, какъ ты, лаской и уговорами ничего не подѣлаешь. Развѣ ты въ состояніи понять и помочь. Обыкновенная баба, которой нужна физическая привязанность, физическое обладаніе мужчиной, а не духовное, не нравственное. Тебѣ любовникъ нуженъ, а не другъ. Но я сумѣю распорядиться и безъ тебя.

— Я не позволю, ни за что не позволю.

— Ты?! Тля?!

Вячеславъ Ливскій уже не сталъ больше спорить, времени у него было мало, вѣдь... Тамъ ждала графиня Оливія. Онъ сдержалъ свое бѣшенство.

— Такъ ты не хочешь?

— Нѣтъ!

Вячеславъ Ливскій разомъ схватилъ свою сожительницу за руки, бросилъ въ кресло и связалъ ей руки и ноги. Не обращая вниманія на ея крики, онъ хладнокровно вынулъ изъ кармана флаконъ, который и поднесъ къ самому носу Юстины. Черезъ нѣсколько мгновеній она уже глубоко спала.

Вячеславъ Ливскій открылъ дверь въ смежную со спальней комнату—уборную. Онъ хотѣлъ перенести туда спавшую Юстину, но не могъ ее поднять. Пришлось звать помощника.

— Стефанъ! — крикнулъ онъ. — Поди-ка сюда скорѣй.

Стефанъ не замедлилъ явиться.

— Помоги мнѣ поднять Юстину, и перенесемъ ее въ ту комнатку на кушетку.

— Что съ ней?—спросилъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ Стефанъ.

— Ничего... Капризничаетъ, мѣшаетъ глупой ревностью, я и усыпилъ ее магическимъ эфиромъ. Поспишь двадцать четыре часа и встанетъ еще болѣе здоровая, чѣмъ теперь. Я уговаривалъ ее лаской,— куда тамъ. Скандалить начала. Сама виновата. Да оно и къ лучшему—пусть поспитъ.

Стефанъ сильными руками одинъ бережно поднялъ Юстину и перенесъ ее въ уборную на кушетку.

— Пожалуйста сними съ нея корсетъ и платье, и прикрой одѣяломъ. Потомъ запрешь и передашь мнѣ ключъ.

— Чѣмъ-же она мѣшала тебѣ?

— Да такъ, бабьи глупости. Просилъ уступить мнѣ спальню на ночь.

— Влюбился?

— Какое!.. Старая дѣва одна, знатная и...

— И богатая?

— Ну, само-собой, разумѣется, очень богатая... Необходимо тутъ... кое-что...

— Обработать?

— Да... Скандалъ нуженъ... чтобы замужъ ее отдали за меня... Аристократы, знаешь, очень разборчивы на выборъ зятя!.. Да я думаю, братецъ не прочь, чтобы сестра дѣвой осталась,—ему перейдетъ ея доля... А доля львиная... Ну, вотъ...

— Да, но вѣдь ты женатъ...

— Такъ что-же... Вотъ пустяки. Обойдемъ и это.

XV.

Женихъ и невѣста.

Вячеславъ Ливскій направился къ ожидавшей его Оливіи, а Стефанъ сталъ добросовѣстно исполнять данное ему порученіе. Не утерпѣлъ только, раздѣвая Юстину, покрыть пламенными поцѣлуями ея блѣдное личико и мраморныя плечи.

— Боюсь я этого аспида, а то утащилъ бы въ свою комнату тебя, Юстина. Хоть я сильнѣе его и могъ-бы двумя пальцами его придушить,—все-таки боязно. Колдунъ онъ, ей-ей колдунъ. Такъ заколдуетъ, что и съ мѣста не встанешь. Экъ, его научили маги-то всякимъ чудесамъ. Чортъ его поberi!.. Боишься и подумать что-нибудь лишнее. Какіе глазищи-то стали, такъ насквозь и глядятъ. Каждую печенку-селезенку разсматриваетъ.

Юстина была закутана и уложена какъ слѣдуетъ. Стефанъ еще нѣсколько разъ поцѣловалъ ее на прощанье, вышелъ изъ комнатки и заперъ ее на ключъ. Да и пора была. Вячеславъ Ливскій пришелъ за ключемъ.

— Уложилъ? Заперъ?

— Все какъ приказано. Получи ключъ.

— Спасибо.

— Мнѣ гдѣ прикажешь ждать?

— Тебѣ? Сиди въ своей комнатѣ и не вздумай шляться. Мало-ли на что можешь пригодиться. За прислугой присматривай. Лакей то у меня надежный.

„Еще бы не надежный,—мысленно усмѣхнулся Стефанъ.— Опоилъ чѣмъ-то... Ходить словно во снѣ. Эхъ, колдунъ“...

А вслухъ онъ покорно произнесъ:

— Спокойной ночи. Желаю тебѣ благополучія и пріятныхъ сновидѣній съ твоей дамой, то бишь дѣвой. Я присмотрю. Предавайся сладострастію беззаботно.

Вячеславъ нахмурился. Чѣмъ гнуснѣе и мельче онъ поступалъ, тѣмъ болѣе разрасталась его гордость. Малѣйшая шутка его задѣвала. Онъ чувствовалъ и сознавалъ себя сверхъ-человѣкомъ передъ этими людьми.

— Убирайся, Стефанъ.

— Иду.

Теперь уже Вячеславъ пошелъ за графиней Оливіей въ восточную комнату.

Онъ былъ доволенъ дѣйствіемъ, произведеннымъ на холодную старую дѣву пикантными карточками. Лицо ея горѣло, глаза щурились, а руки дрожали и были холодны какъ ледъ.

Вячеславъ почтительно предложилъ руку графинѣ Оливіи и провелъ ее въ столовую.

Столъ былъ накрытъ и кокетливо убранъ заботливой рукой Юстины. Только за ея приборомъ теперь очутилась другая, а сама она глубоко спала страннымъ сномъ рядомъ со своей спальней, предназначенной на эту ночь другой.

— Мои любимые цвѣты, — томно сказала графиня Оливія, замѣтивъ незабудки на столѣ.

„Только тебѣ они къ лицу!“ — чуть не засмѣялся Ливскій.

— Я нарочно ихъ досталъ, я угадываю ваши вкусы.

Нѣжный взглядъ предназначался ему въ награду.

— Это не ужинъ, прошу извинить, это маленькая закуска; какъ одинокій мужчина, — я плохой хозяинъ. Ну, да... надѣюсь... все скоро будетъ иначе... когда...

Онъ умышленно не договорилъ.

— Когда что? — вспыхнула графиня Оливія.

— Все будете знать, — скоро состаритесь, — съ милымъ смѣхомъ поцѣловалъ онъ ея руку.

Ужинъ вдвоемъ, въ „его“ столовой, съ этими незабудками — казался графинѣ Оливіи восхитительнымъ. Она закусывала съ аппетитомъ и наслаждалась ухаживаніями тонкаго ловеласа.

— Надо выпить за „новое“ въ нашей жизни! — И Вячеславъ Ливскій позвонилъ лакею.

— Бутылку замороженнаго шампанскаго! — приказалъ онъ.

— Но я не пью, я ничего не пью.

— Сегодня вы будете пить.

— Хорошо.

Бутылка шампанскаго была принесена таинственнымъ Лепорелло съ мертвеннымъ взглядомъ и лицомъ.

— Откупорить, а наливать я буду самъ, приготовь тамъ на столикѣ два бокала.

Когда лакей удалился, откупоривъ бутылку, Вячеславъ подошелъ къ столику и, повернувшись спиной къ графинѣ Оливіи, сталъ наливать бокалы. Конечно, знаменитая крупинка была опущена въ бокалъ графини Оливіи. Но... къ удивленію и въ свой бокалъ Вячеславъ Ливскій опустилъ также крупинку. Видно не легко ему было, бѣднягѣ, ласкать старую дѣву.

— До дна, — предложилъ онъ бокалъ графинѣ Оливіи.

Они чокнулись и опустили свои бокалы.

— Теперь пойдемъ въ мою спальню, дорогая. Докажи, что ты дѣйствительно любишь меня.

Дрожа и волнуясь, охваченная трепетомъ страсти, графиня Оливія обь руку съ Вячеславомъ направилась въ его спальню.

.

Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда проснулась графиня Оливія. Она лежала одна въ роскошной спальнѣ. Что дѣлать?..

Правда, звонокъ стоялъ рядомъ, стоило только притронуться но... но было страшно и стыдно.

Графиня Оливія поднялась и стала одѣваться сама. Какъ это трудно человѣку непривычному!..

Полуодѣтая, она подошла къ зеркалу... и отшатнулась. Лицо ея было блѣдно и синева окружала глаза. Она казалась старше, чѣмъ вчера, лѣтъ на десять. Морщины и желтизна выступили.

За зеркаломъ засталъ ее внезапно вошедшій Вячеславъ.

— Встала? Птичка моя!

Онъ поцѣловалъ ее такъ нѣжно и дружески, что на сердцѣ у нея стало спокойнѣе. Одна его ласка, одинъ его взглядъ усыпляли неловкость, стыдъ, страхъ.

— Я-бы и не пришелъ тебя тревожить, спала бы себѣ и спала, да вотъ Софья Егоровна трезвонила по телефону, безпокоится, какъ бы родитель не пріѣхалъ.

— Они узнали, что я...

— Ничего не узнали, и не узнаютъ, если будешь благоразумна. Я сказалъ Софѣ Егоровнѣ, если спросятъ, сказать, что сейчасъ только выѣхала къ доктору. Что-же ты горничную не позвонила? Глупенькая,—стыдится. Ну, ничего, дай я самъ тебя одѣну, моя куколка. Теперь ты моя, моя...

Вячеславъ лучше всякой горничной помогъ графинѣ Оливіи одѣться и даже причесалъ ее недурно. Въ его богатой приключеніями жизни чему только не приходилось учиться! А съ женщинами обращаться онъ былъ мастеръ. Еще-бы!..

— Теперь я угощу тебя въ столовой кофеемъ, а потомъ мы поговоримъ серьезно. Дѣло теперь наше неотложное.

Лицо Вячеслава сіяло счастіемъ, когда онъ вель подѣ руку въ столовую графиню Оливію, а она искренно рѣзвилась, какъ ребенокъ.

За столомъ онъ все время повторялъ: „когда мы будемъ вмѣстѣ“.

— Теперь, дорогая, пойдемъ въ восточную комнату.

— А твой приѣмъ?

— Глупенькая, конечно, я отмѣнилъ его. Развѣ сегодня мнѣ до нихъ всѣхъ? Сегодня я принадлежу своему счастью.

Объ руку они пошли въ восточную комнату.

Вячеславъ усадилъ графиню Оливію и самъ сѣлъ у ея ногъ.

— Итакъ, ты моя.

— Твоя!

— Ты доказала, что любишь меня и теперь я вѣрю тебѣ, дорогая... Но послѣ того, что было между нами, ты понимаешь, что должна какъ можно скорѣе стать моею законною женою.

Графиня Оливія счастливо улыбнулась.

— Какой ты хорошій!

— Я гордился своимъ плебействомъ, но теперь ты сравнялась со мною своимъ героическимъ—иначе я не могу его назвать—поступкомъ; но теперь не забывай, что намъ предстоитъ еще тяжелая борьба съ твоими родителями. Знатные графы не пожелаютъ породниться съ плебеемъ. А братъ, твой наслѣдникъ не, очень-то будетъ доволенъ лишиться своихъ правъ. Конечно, лично я не возьму ни одного гроша у тебя, но... у насъ могутъ быть дѣти въ будущемъ. И будутъ. Я вѣрю, что судьба не лишитъ меня этого счастья.

— Но ты не знаешь моего брата. Онъ не такой, онъ самъ богатъ и гордый! Ему моихъ денегъ не надо.

— Ты идеалистка, ты жизни и людей не знаешь, ты у меня особенная, потому я и полюбилъ тебя. Люди, самые гордые и самые богатые, все-таки обожаютъ деньги. Вотъ развѣ твой братъ составляетъ исключеніе? Но я не очень-то вѣрю въ „исключенія“. Итакъ, борьба тебѣ предстоитъ.

— Я вѣдь самостоятельна. Я сумѣю поступить и наперекоръ волѣ роднымъ.

— Браво!

— Но не думаю, чтобы они стали препятствовать.

Они всегда настаивали на моемъ замужествѣ и будутъ рады моему счастью.

— Не будемъ спорить. Суть въ томъ, что я прошу твоей руки. Ты согласна?

— Да.

— Теперь я прошу тебя ѣхать къ роднымъ заявить о нашемъ рѣшеніи и прошу тебя поскорѣе назначить день свадьбы. Твои друзья и родственники, надѣюсь, не откажутся на ней присутствовать, а у меня кромѣ тебя никого нѣтъ въ этомъ большомъ мірѣ. Сейчасъ пріѣхала Софья Егоровна за тобой, я слышалъ звонокъ. До свиданья, дорогая..

Женихъ и невѣста нѣжно расцѣловались и онъ проводилъ графиню Оливію въ переднюю. Тамъ дѣйствительно ждала уже Софья Егоровна.

Проводивъ невѣсту—графиню, Вячеславъ досталъ изъ кармана ключъ и пошелъ освобождать Юстину изъ уборной.

Она все еще глубоко спала, блѣдная и безжизненная, въ той позѣ, въ какой оставилъ ее Стефанъ.

Вячеславу Ливскому стало жаль ее,—такой безпомощной и несчастной лежала передъ нимъ эта женщина, для которой онъ составлялъ весь міръ.

Онъ досталъ два пузырька. Въ рюмочку изъ одного онъ накапалъ десять капель и разбавилъ ихъ водой. Потомъ осторожно раскрылъ ротъ Юстинѣ и влилъ въ него жидкость, она машинально ее проглотила. Изъ другого флакона онъ вылилъ жидкость себѣ на ладонь и смочилъ виски Юстинѣ. Послѣ этого она вскорѣ стала дышать глубже и замѣтнѣе, порозовѣла и, наконецъ, открыла глаза.

— Юстиночка, это я. Какъ ты себя чувствуешь?

Жизненность и память возвращались къ ней съ каждымъ мгновеніемъ.

— Что сдѣлалъ ты со мной, безсовѣстный?

— Успокойся, Юстиночка. Я тебя очень люблю и мы будемъ счастливы, только ты не должна мѣшать моимъ комбинаціямъ. Женщина, которая занимала твое мѣсто въ нашей спальнѣ эту ночь, стара и некрасива, за то она знатная графиня и богата. Мнѣ нужны ея деньги для моей Юстиночки и ты, плутовка, не смѣешь ревновать къ старой галошѣ.

— Я погорячилась, Вячеславъ, но... я такъ люблю тебя!..

— Что-жъ, Юстиночка, будешь ты мнѣ помогать въ этомъ романѣ? Надо быть благоразумной. Тогда я буду любить тебя и какъ женщину, и какъ друга... и мы будемъ тѣсно связаны общими тайнами. Въ противномъ случаѣ мы, конечно, разстанемся врагами.

— Разстанемся? Съ тобой? О, Вячеславъ!..

— Будь умница и мы всегда будемъ вмѣстѣ.

— Хорошо, Вячеславъ, я буду твоей помощницей даже въ романахъ, но, если ты влюбишься, я... убью ту женщину.

— Отлично. На этомъ и покончимъ, дорогая. А на моей старой шкурѣ мнѣ все-таки придется жениться...

— Жениться?..

— Ну, да. Чего ты ахнула?

— Но вѣдь ты женатъ, Вячеславъ.

Онъ нахмурился.

— Вѣдь это опять не твое дѣло.

XVI.

Отвергли.

Старый графъ Оттонъ Недлеръ, отецъ графини Оливіи, жилъ въ собственномъ домѣ на Сергіевской вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, графомъ Вильгельмомъ.

Старикъ велъ жизнь правильную: рано вставалъ, гулялъ, ложился спать рано. Вѣроятно, потому онъ такъ хорошо сохранилъ и нѣкоторую стройность фигуры и цвѣтъ лица.

Напротивъ, сынъ его Вильгельмъ жилъ какъ настоящий молодой холостякъ. Хотя ему перевалило уже за тридцать, но о женитьбѣ ему не смѣли даже намекать.

Онъ сильно кутилъ, любилъ какъ слѣдуетъ выпить, всѣ ночи проводилъ въ модныхъ ресторанахъ и зналъ всѣхъ блестящихъ кокотовъ Петербурга.

Зная расточительность сына, старый графъ не выдѣлялъ ему самостоятельныхъ денегъ, какъ своей дочери Оливіи, а аккуратно выдавалъ ему ежемѣ-

сячно жалованье въ двѣ тысячи рублей. Конечно, эта сумма быстро таяла въ рукахъ графа Вильгельма, и изъ долговъ онъ не выльзаль.

— Не знаю, какъ мнѣ тебя обезпечить отъ краха въ случаѣ моей смерти,—чуть не каждый день съ безпокойствомъ повторялъ отецъ сыну.

— Да что думать объ этомъ, папа, — безопасно отвѣчалъ сынъ, — я думаю, что вы очень и очень переживете меня. Вотъ подойдите къ зеркалу, видите, какой вы розовый, гладенькій, только что съдой, а я... желтизна, синяки, морщинки подъ глазами.

— Еще-бы ты опять не спалъ всю ночь. Проведи-ка ты 3 дня, какъ я провожу каждый день, и ты увидишь, какъ ты поправишься.

— Что дѣлать! Не для меня такая жизнь, папа, не для меня...

Вотъ и сегодня, — отецъ уже вернулся съ прогулки, а сынъ еще почивалъ, благо воскресенье и въ полкъ не надо было итти.

Старый графъ распорядился, чтобы накрывали завтракъ, и пошелъ будить сына.

Пришлось таки графу Вильгельму оторваться отъ объятій морфея, и черезъ часъ онъ уже сидѣлъ въ столовой въ голландскомъ вкусѣ и завтракалъ съ отцомъ.

— Погода отличная, морозно, но за то сверху ничего не сыплется. Послѣ завтрака велю подать сани и поѣдемъ къ Оливіи. Это подозрительное леченіе занимаетъ у нея ужасно много времени, вчера я опять ея не видѣлъ.

Какъ разъ, когда онъ говорилъ эти слова, дверь распахнулась и появилась графиня Оливія.

— Легка на поминѣ.

— Здравствуйте, папа.

Она поцѣловала его руку.

Отецъ внимательно посмотрѣлъ на свою дочь.

— Что съ тобой, Оливія? На тебѣ лица нѣтъ, — ужаснулся онъ.

Оливія не отвѣтила на его вопросъ, а прямо приступила къ дѣлу.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, папа, съ вами и съ Вильгельмомъ.

— Случилось что-нибудь?

— Да, случилось,—коротко бросила она.—Только здѣсь, въ столовой, я бы не хотѣла говорить. Пройдемте въ вашъ кабинетъ, папа.

Старый графъ пожалъ плечами и поднялся. Слѣдомъ за нимъ поднялся и графъ Вильгельмъ.

— Ты никогда не была столь таинственной, — шутя сказалъ братъ, обнимая сестру.

— Ну-съ, я сѣлъ, — заявилъ графъ-отецъ, войдя въ кабинетъ и опускаясь на свое кресло. — Итакъ, за сѣданіе торжественное?

— Я-бы просила-вась не шутить, господа. Дѣло, о которомъ я хочу говорить, слишкомъ серьезно для меня.

— Я слушаю тебя внимательно и серьезно, Оливія.

Она стояла, прислонясь къ стѣнѣ, опустивъ глаза, готовая съ рѣшимостью защищать права своего счастья.

— Папа, Вильгельмъ, — я выхожу замужъ. Надѣюсь, вы оба порадуетесь моему счастью.

— Ты? Замужъ? — спросилъ братъ, и въ голосъ его звучало насмѣшливое удивленіе.

— Ты выходишь замужъ? — серьезно переспросилъ отецъ.

— Да, и рѣшеніе мое безповоротно.

— Интересно знать, кто этотъ счастливецъ, побѣдившій непобѣдимое?— вскользь бросилъ графъ Вильгельмъ.

— Когда и гдѣ ты успѣла познакомиться и сближиться съ человѣкомъ, котораго намѣтила себѣ въ мужа? Конечно, если онъ можетъ составить твое счастье—я очень радъ. Надѣюсь, что этотъ человѣкъ нашего общества, незапятнанной репутаціи и не слишкомъ бѣдный, чтобы быть заподозрѣннымъ въ покушеніи на твое состояніе. И не слишкомъ молодой тоже, — вѣдь ты, Оливія, знаешь свои годы. Два-три мѣсяца счастья не заплатятъ тебѣ за разбитую жизнь.

— Относительно лѣтъ онъ вполне подходитъ къ вашимъ желаніямъ, папа. Это человѣкъ не первой молодости. Состоянія у него нѣтъ, но онъ зарабатываетъ всегда такъ много, что не нуждается въ моихъ

деньгахъ. Что-же касается его происхожденія, папа, то, кажется, онъ стариннаго польскаго рода.

Съ каждой новой фразой графини Оливіи все рѣзче хмурился лобъ ея отца.

— Его профессія? — отрывисто спросилъ онъ.

— Онъ лечить.

— Докторъ медицины?

— У него нѣтъ диплома, но онъ творить чудеса.

И потомъ онъ первый хиромантъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

— Хи-ро-мантъ? — протянулъ графъ Вильгельмъ и засвисталъ.

Графиня Оливія поморщилась.

— Ты прибрѣлъ скверныя манеры въ конюшняхъ твоего полка.

— Ну, конечно, гдѣ намъ тягаться въ изяществѣ съ творителемъ чудесъ и хиромантомъ. Нечего сказать, хорошаго родственника отыскала сестрица. Еще-бы, искала вѣдь долго.

— Перестань, Вильгельмъ, — строго остановилъ его отецъ. — Дѣло настолько серьезно, что шуткамъ не мѣсто.

— Да, дѣло очень серьезно, я люблю его больше жизни.

— Мнѣ не хочется вѣрить своимъ ушамъ, Оливія! Ты никогда не была безстыдной и развязной. Я не понимаю, что съ тобой сдѣлалось!

— Я уже не дѣвочка, папа, и не могу позволить даже отцу говорить мнѣ подобныя дерзости.

Старый графъ сдержался.

— Не будемъ пререкаться, Оливія, теперь, когда вопросъ идетъ о счастіи всей твоей жизни, вѣрнѣе о твоёмъ несчастьи. Вѣдь твой отецъ живъ, и сколько-бы тебѣ ни было лѣтъ, онъ все-таки твой отецъ и долженъ охранять тебя.

— Отъ счастья не охраняютъ.

— Подожди, Оливія, скажи: гдѣ и когда ты съ нимъ познакомилась?

— Я прослышала о его славѣ, — вѣдь эта слава гремитъ въ Петербургѣ, въ Россіи и Европѣ. Только вы, который сидите въ своемъ муравейникѣ, не слышите и не знаете ничего, я прослышала о его чудесной славѣ и, конечно, хотѣла излечить свой му-

чительный недугъ—головныя боли. И я поѣхала къ нему.

— Не посовѣтовавшись со своимъ отцомъ?

— Я не ребенокъ и тутъ ничего нѣтъ необычайнаго—поѣхать лечиться отъ головныхъ болей. Когда я рѣшилась выйти замужъ, я пришла же къ вамъ за совѣтомъ.

— Ты не за совѣтомъ пришла,—ты категорически объявила намъ свое рѣшеніе. Но не будемъ забѣгать впередъ. Какъ-же случилось, что ты полюбила этого „врача“?

— Я не знаю. Онъ умный, интересный, красивый; онъ выдающійся человѣкъ. И потомъ... въ немъ какая-то особенная привлекательность. Такъ и манить къ нему. Хочется смотрѣть на него и не отрываться, говорить съ нимъ, не умолкая, или слушать его безконечно.

— Ты влюблена! Да, да, ты влюблена, ты попала въ руки ловкаго афериста, глупая старая дѣва.

Оливія вспыхнула и рѣзко повернулась къ брату.

— А ты такъ говоришь потому, что тебѣ досадно. Еще-бы, съ выходомъ моимъ замужъ ты потеряешь надежду на наслѣдство послѣ меня.

Это грубо и низко, Оливія. Я не намѣренъ больше присутствовать при вашемъ разговорѣ.

Вильгельмъ круто повернулся и пошелъ къ двери.

— Остановись, Вильгельмъ,—тономъ приказанія сказалъ ему отецъ.—Я не узнаю сегодня своихъ благовоспитанныхъ, выдержанныхъ дѣтей. Вѣдь столько лѣтъ вы были друзьями, неужели какой-то прохождецъ можетъ васъ поссорить.

— Отецъ...

— Молчи, Оливія... Я никогда не вмѣшивался въ твою жизнь, пока она была благоразумна, и самъ далъ тебѣ независимое состояніе, кромѣ того, которое оставила тебѣ мать. Тогда ты была, молода и если не особенно красива, то все-таки изящна. Тогда ты могла выйти замужъ за честнаго человѣка нашего круга. И женихи были, но ты отвергала ихъ. Тебя увлекалъ мистицизмъ, религія. Ты даже романовъ не желала читать, они оскорбляли твою чистоту. Влюбляющіяся подруги тебѣ были противны. Меня огорчало такое твое отвращеніе къ замужеству, но съ годами я при-

мирился. Я видѣлъ въ своей дочери честную дѣвственницу, рѣшившую посвятить свою жизнь молитвѣ. Могъ-ли я ожидать...

Голосъ его прервался.

— Что и мнѣ захочется счастья?..

— Молчи, Оливія... Несчастья своего ты захотѣла... Гдѣ твое благоразуміе, скромность, стыдливость? Этотъ кудесникъ всю тебя перевернулъ въ такой короткій срокъ. Но одумайся, я прошу тебя, я, твой старый отецъ. Возьми себя въ руки. Ты знаешь свои годы, ты видишь себя въ зеркалѣ. Наконецъ, ты знаешь „странную“ профессію твоего избранника. Онъ бѣденъ,—ты богата. Онъ польскій бродяга,—ты знатная графиня... Дѣло такъ просто и ясно. Послушайся-же, дорогая Оливія, своего стараго отца, который говоритъ тебѣ все это только изъ любви къ тебѣ, желая охранить твою жизнь и честь отъ шарлатана.

Она стояла подавленная, опутивъ голову. Нѣсколько мгновеній она молчала, наконецъ, словно движимая какой-то силой, она, заливаясь слезами, бросилась къ ногамъ своего отца.

— Я люблю его, люблю. Пожалѣй меня. Всю жизнь я не знала счастья, только страдала и молилась. Мнѣ также хочется жить. Пожалѣй меня, папа.

Тронутый старый графъ прижалъ ее къ своей груди, и она рыдала у этой родной груди. Никогда еще холодная, гордая дочь не обращалась къ отцу съ такой порывистой лаской.

— Папа, папа!..

— Семейная картина,—сквозь зубы процѣдилъ обозленный графъ Вильгельмъ и отошелъ къ окну, повернувшись спиной.

— И все-таки, дорогая моя,—мягко заговорилъ старый графъ, разглаживая рукой волосы своей дочери,—все-таки, ради твоего счастья, я не могу согласиться на твой бракъ съ проходимцемъ.

Графиня Оливія вскочила съ бѣшенствомъ и слезы разомъ высохли на ея глазахъ!

— Ты не можешь согласиться?

— Не могу.

— Такъ и не соглашайся! Я совершеннолѣтняя и независимая, я поступлю такъ, какъ хочу.

— Она рѣзко повернулась.

— Стой, Оливія... Два слова! — остановилъ ее отецъ.

— Что еще?..

— Я даю тебѣ недѣлю, чтобы одуматься... Не пожелаешь, я приму мѣры. Я выхлопочу, чтобы выслали твоего проходимца... Я запрю тебя въ сумасшедшій домъ, но я не допущу этой свадьбы. Всю эту недѣлю я буду слѣдить за тобой. Теперь можешь итти.

И она пошла...

Отецъ и сынъ долго молчали.

— Что ты скажешь на всю эту музыку, папа?..

— Да ничего!.. Что я могу сказать? Мошенникъ опуталъ немолодую, богатую дѣвушку и хочетъ обобрать ее на законномъ основаніи. Я не допущу этого.

— Тогда ты напрасно отпустилъ Оливію... Онъ доберется до нея.

— Но и мы не будемъ дремать. Вызови Софью Егоровну. Я дамъ ей порученіе слѣдить за Оливіей и сообщать о каждомъ ея подозрительномъ шагѣ.

XVII.

Новые планы.

Софья Егоровна Бекетова, компаньонка графини Оливіи, стояла передъ графомъ Недлеръ, отцомъ Оливіи, и передъ ея братомъ.

Длинные руки Софьи Егоровны были сложены на животъ, глаза смиренно опущены, толстыя губы сжаты. Вся ея поза выказывала почтительное вниманіе къ этимъ двумъ отпрыскамъ графскаго рода.

— Хорошо ли вы меня поняли, Софья Егоровна? — спросилъ графъ, закончивъ свою длинную, внушительную рѣчь.

— Великолѣпно, ваше сіятельство говорили такъ убѣдительно и такъ ясно.

— И вы беретесь исполнить мое порученіе?

— Ваше сіятельство... конечно.

— Оно вѣдь очень сложно и требуетъ массу времени и вниманія,

— Вовсе нѣтъ, ваше сіятельство. Вѣдь мое время

все равно посвящено графинѣ, я буду наблюдать за нею такъ же, какъ и наблюдала все это время, только о каждомъ шагѣ графини Оливіи я буду сообщать вашему сіятельству.

— Какъ же въ такомъ случаѣ вы допустили ея посѣщенія и знакомство съ этимъ шарлатаномъ?

— Я не была предупреждена. Графиня Оливія до этого всегда вела себя безукоризненно и не подавала повода къ подозрѣніямъ. Когда графиня говорила мнѣ что ѣдетъ къ доктору, я всегда была спокойна. Иногда я сама ѣздила съ нею и мнѣ приходилось ждать въ пріемной. Шарлатанъ живетъ великолѣпно и среди его пациентовъ масса интеллигенціи и даже аристократовъ. Я всегда была спокойна за графиню Оливію.

— Да, вы правы, подозрѣвать мою дочь было-бы, казалось, нелѣпо. Вѣдь она казалась монахиней по поведенію. Никогда даже въ молодости она не обращала вниманія на мужчинъ и... вдругъ... Скажите, вы видѣли когда-нибудь въ лицо этого негодяя? Что онъ собою представляетъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не видала, — солгала Софья Егоровна.

— Жаль. Ну, а теперь я прощусь съ вами, намъ нельзя терять время, имъ можетъ воспользоваться Оливія, и тогда... плохо будетъ. До свиданья, Софья Егоровна.

Софья Егоровна до самыхъ дверей, пятясь, все присѣдала. Въ передней она сохраняла свое смиренное лицо, но на извозчикѣ расхохоталась.

— Ну, и надуетъ-же мы васъ, совсѣмъ по-графски!

Спѣшно вернулась Софья Егоровна къ графинѣ Оливіи. Та уже стояла въ шляпѣ и собиралась къ Вячеславу Ливскому.

— Ну, что? — бросила она мимолетный вопросъ своей компаньонкѣ.

Софья Егоровна подпрыгнула и захохотала.

— Абгемахтъ! Меня вытребовали для строгаго внушенія слѣдить за вами, графиня Оливія, и передавать ваше малѣйшее движеніе родителямъ. Я, конечно, пообѣщала. На меня надѣются, какъ на каменную гору, и потому теперь ваша свобода—обезпечена.

— Кстати, сейчасъ она мнѣ нужна, болѣе чѣмъ

когда-либо. Пожалуйста, опять надѣньте нашу шляпу и ѣдьте.

— Опять? Куда-же?

— Ну, конечно-же, къ нему, къ моему жениху, къ моему повелителю, къ Вячеславу Ливскому!

И вотъ черезъ полчаса, блѣдная, разстроенная, графиня Оливія стояла передъ своимъ нареченнымъ.

— Ну, что? Конечно, моя правда и родители не согласились?

— Болѣе того — они положительно запретили мнѣ даже думать о тебѣ.

Вячеславъ Ливскій усмѣхнулся.

— Ну, а дальше? Сказали-ли они тебѣ, что-либо болѣе умное?

Она растерянно развела руками.

— Они грозятъ мнѣ, — не знаю, насколько ихъ угрозы могутъ мнѣ быть опасны.

— И чѣмъ грозятъ они?

— О, всякими ужасами! Прежде всего они, надѣясь на Софью Егоровну, приказали ей докладывать о каждомъ моемъ шагѣ.

— Ну, это еще не страшно, — засмѣялся онъ.

— Мнѣ дана недѣля сроку, чтобы одуматься. Если же это не случится, то примутъ мѣры. Напримѣръ, запрутъ меня въ сумасшедшій домъ и будутъ хлопотать, чтобы тебя выслали.

Вячеславъ Ливскій измѣнился въ лицѣ. Послѣдняя угроза родителей Оливіи ударила его не въ бровь, а въ глазъ. Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ и напряженно думалъ. Графиня Оливія не отрывала отъ него глазъ. И вотъ лицо его просвѣтлѣло, — очевидно, онъ додумался до выхода.

— Итакъ, ты сказала, что намъ дана недѣля на размышленіе, — вотъ эту-то недѣлю мы используемъ. Вѣрь мнѣ и слушайся меня, и наше счастье съ нами.

— Что же ты придумалъ?

— Я никогда не говорю впередъ о своихъ планахъ, дорогая, ибо, несмотря на все мое знаніе и силу я все-таки суевѣренъ. Но ты мнѣ вѣрь, моя хорошая, моя милая ..

Онъ смотрѣлъ ей упорно въ лицо и, ласково обнявъ ее, незамѣтно подвигалъ къ кушеткѣ.

Теперь взгляды Ливскаго съ особенной быстротой

усыплялъ графиню Оливію. Едва ея голова коснулась подушекъ кушетки, какъ она уже спала мертвеннымъ гипнотическимъ сномъ.

— Ты спишь?

— Сплю.

— Такъ слушай меня и повинуйся мнѣ.

— Я буду слушать и повиноваться.

— Когда проснешься, ты поѣдешь домой, будешь скучать обо мнѣ и будешь ждать моихъ приказаній. По первому зову моему ты явишься сюда и будешь повиноваться моимъ приказаніямъ. Ты поняла?

— Поняла.

— Своихъ родныхъ ты введешь въ заблужденіе, скажешь имъ, что покорила своей участи. И потомъ, вотъ еще. Мнѣ нужны деньги, много денегъ. На обратномъ пути ты заѣдешь въ банкъ, Софью Егоровну заставишь подождать въ экипажѣ. Въ банкѣ ты сдѣлаешь распоряженіе, чтобы мнѣ на квартиру принесли 10,000 рублей, распишешься, а потомъ забудешь, что посылала мнѣ эти деньги. Ты поняла?

— Поняла.

— И исполнишь все?

— И все исполню.

— Тогда теперь ты можешь проснуться.

И, когда Вячеславъ увидѣлъ, что глаза Оливіи смотрятъ сознательно, онъ продолжилъ прерванный ея сномъ разговоръ.

— Итакъ, не бойся, моя милая, моя дорогая, — наше счастье впереди и жизнь принадлежитъ намъ.

— Благодарю тебя, — и она нѣжно его поцѣловала. — А теперь, мнѣ пора домой. По дорогѣ еще надо заѣхать по одному важному дѣлу въ банкъ. А потомъ я приѣду домой, буду мечтать о тебѣ, мой любимый, и буду съ трепетомъ ждать, когда ты позовешь меня.

Женихъ и невѣста нѣжно простились. Уже у самыхъ дверей она вдругъ сразу повернулась, словно вспомнивъ что-то.

— Знаешь, я тебѣ хотѣла предложить: я разыграю со своими родителями комедію, притворюсь, что образумилась и что готова отказаться отъ тебя. Какъ ты находишь эту мысль? Не правда-ли, удачна?

Вячеславъ Ливскій еще разъ прижалъ ее къ своей груди.

— Она прекрасна, какъ все то, что выходитъ изъ этой умной дорогой головки.

Когда закрылась дверь за невестой, женихъ вздохнулъ свободнѣе и прошелъ въ свою восточную комнату. Онъ немедленно позвонилъ и вошедшему лакею приказалъ позвать Стефана Чипчирацкаго.

Бывшій панъ Любодарскій не замедлилъ явиться передъ грозныя очи своего начальника и друга. Этотъ безшабашный человѣкъ, циничный и наглый, не боявшійся совѣсти и любившій преступленія, — подъ острымъ взглядомъ Вячеслава становился робкимъ и покорнымъ. Только за-глаза онъ умѣлъ показывать кулаки.

— Садись, Стефанъ, — заговорилъ Ливскій холоднымъ дѣловымъ тономъ, — мнѣ нужна большая услуга, и она, конечно, не останется неоплаченной.

— Приказывай, Вячеславъ, — коротко и покорно, отвѣтилъ Чипчирацкій.

— Я долженъ жениться.

— Превосходно. Черти особенно порадуются твоему браку.

— Я-бы тебя попросилъ твои шутки оставить до другого болѣе удобнаго случая.

Стефанъ Чипчирацкій мигомъ съежился.

— Итакъ, я долженъ жениться, — продолжалъ Вячеславъ. — Женитьба моя необходима всѣмъ намъ, въ цѣляхъ скораго умноженія нашихъ богатствъ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало?

— Ты глупъ, Стефанъ. Ты знаешь лучше, чѣмъ кто-либо другой, что я уже женатъ.

— Вѣроятно, твоя Анна уже гдѣ-нибудь издохла подъ заборомъ, и ты вдовецъ.

— Да, вѣроятно, только этого я не могу доказать И въ паспортѣ моемъ благополучно значится, что я женатъ. А между тѣмъ, повторяю, жениться я долженъ и какъ можно скорѣе, черезъ 3—4 дня. И ты мнѣ поможешь въ этомъ трудномъ непріятномъ дѣлѣ.

— Я къ твоимъ услугамъ, Вячеславъ. Какую роль ты мнѣ назначишь въ этомъ дѣлѣ?

— Очень простую, но для тебя необыкновенную. Ты сыграешь роль патера.

— Что!?

— Патера или священника. Понимай, какъ знаешь. Графиня Оливія лютеранка и въ качествѣ патера ты обвѣнчаешь насъ.

Стефанъ былъ настолько пораженъ, что вмѣсто отвѣта промышаль себѣ что-то подъ нось.

— Тебѣ придется немножко поработать, милый Стефанъ. Графиня была очень богомольна и, вѣроятно, знаетъ наизусть всѣ церковные обряды. Ты знаешь нѣмецкій языкъ, выучишь всѣ слова. Гримомъ твоимъ займусь лично я, и дѣльце будетъ обдѣлано,

Стефанъ вздохнулъ.

— Что-жъ, будь по твоему. Сегодня же примусь за зубрежку. Всякія штуки я въ своей жизни откалывалъ, а вѣнчать людей не приходилось. Да, не легкая задача. Зарѣзать кого-нибудь было бы гораздо легче.

— Но это не все. Тебѣ придется войти въ стачку съ какимъ-нибудь мелкимъ церковнымъ служителемъ для того, чтобы завести себѣ свою собственную церковную книгу. Ты только посмотришь, какъ ведутся записи, а ужъ именъ мы наставимъ сколько намъ вздумается. Иди, Стефанъ, принимайся за работу, а ко мнѣ пришли Юстину.

Стефанъ почесалъ затылокъ и вышелъ.

— Итакъ, я женюсь,—шутливо обнявъ Юстину, заявилъ ей Вячеславъ Ливскій.— Можешь поздравить меня съ обрученіемъ.

— На этой старой богатой графинѣ?

— Да, на ней, моя коханочка. Скоро мы будемъ очень, очень богаты. Ты будешь мнѣ помогать въ этой свадьбѣ Юстиночка. Скажу тебѣ сразу, чтобы тебя порадовать,—вѣдь эта свадьба будетъ не настоящая, а фальшивая.

— Какъ фальшивая?

— Да, такъ,—ужъ начнемъ съ того, что Стефанъ сыграетъ роль священника?

— Стефанъ? Священника?

— Да, моя птичка. А ты спрячь свою ревность въ карманъ, да она, я думаю, сама спрячется при видѣ графини Оливіи, и разыграешь роль моей двоюродной сестрицы. Втроемъ мы окончательно околпа-

чимъ нашу знатную графиню. Я еще тебя научу, какъ съ ней говорить и какъ держаться. Ты будешь дѣлать намеки на мое таинственное и знатное происхожденіе.

Теперь, когда Вячеславъ велъ себя такъ дружески и повѣрялъ Юстинѣ свои маленькія тайны,—молодая женщина чувствовала, что способна итти на компромиссы. А комедія съ фиктивнымъ бракомъ, гдѣ она разыграетъ знатную родственницу, и Стефанъ священника,—смѣшила и восхищала ее. Она захлопала въ ладоши.

Стефанъ... Это будетъ превесело!

XVIII.

Передъ дуэлью.

Баронъ Оскаръ Оскаровичъ Ровень ждалъ секундантовъ; къ 10 часамъ они прибыли. Лакей передалъ барону ихъ карточки: два славныхъ русскихъ имени, однополчанъ князя Батурина.

Баронъ принялъ ихъ въ кабинетъ офиціально вѣжливо. Одинъ изъ нихъ, рослый, красивый графъ Г., все время молчалъ, предоставляя говорить своему маленькому, юркому товарищу,—отъ времени до времени поддакивая ему.

— Мы къ вамъ, баронъ, по порученію нашего однополчанина князя Бориса Сергѣевича Батурина. Не будемъ касаться обстоятельствъ въ виду ихъ исключительно семейнаго характера, побудившихъ васъ оскорбить князя Батурина. Онъ глубоко сознаетъ свою вину передъ вами и готовъ у васъ просить извиненія.

Легкимъ движеніемъ руки баронъ Ровень остановилъ говорившаго.

— Не унижайте князя Батурина, не унижайте вашего полка. Никакихъ извиненій я принять не могу и не приму.

Молодой секундантъ вспыхнулъ.

Вы не поняли меня, баронъ. Князь Батуринъ приносить вамъ извиненіе въ оскорбленіи вашей чести. Онъ готовъ покрыть его, онъ проситъ развода и согласенъ жениться на вашей супругѣ. Что-же ка-

сается этой пощечины, — она может быть смыта только кровью одного изъ васъ.

— За тотъ позоръ, на который вы намекаете, онъ получилъ пощечину. Онъ поступилъ недостойно, какъ воръ, онъ забрался въ чужой домъ и укралъ самое дорогое: честь и счастье хозяина. Это вы, его однополчане, должны были поставить ему на видъ. Что касается моихъ отношеній съ баронессой, — это семейная наша тайна и мы сами разберемся. Моя жена остается подъ моей кровлей, но крови обольстителя требуетъ она сама. Она ненавидитъ человѣка, который силой овладѣлъ ею, и угрозами, что донесетъ мнѣ, держалъ ее въ своихъ объятіяхъ насильно; говорю это вамъ для того, чтобы вамъ, господа, было ясно, что о примиреніи не можетъ быть и рѣчи.

Наступило молчаніе. Секунданты, очевидно, были смущены неожиданной и бравированной откровенностью барона. А ему, ему хотѣлось-бы кричать на площади, что жена его — невинная, несчастная жертва, что она любила и любить только своего мужа, что она жаждетъ крови обольстителя.

— Итакъ, дуэль принята, баронъ?

— Принята, графъ.

— О деталяхъ мы...

— Вы поговорите съ моими секундантами. Они будутъ у васъ, если позволите, къ 6 часамъ.

— Мы будемъ ждать ихъ, баронъ.

Секунданты встали. Баронъ вѣжливо простился съ ними и проводилъ ихъ до дверей.

— Объ одномъ я прошу васъ: не медлите. Чѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше.

Проводивъ секундантовъ, баронъ направился въ комнаты жены. Claudine уже встала, облачилась въ халатъ, выпила какао и теперь лѣниво валялась на кушеткѣ. Проведенная ночь оставила слѣды, — личико было блѣдно и синіе круги оттѣняли глаза.

Баронъ ласково поцѣловалъ довѣрчиво протянутую ему ручку.

— Моя бѣдняжка! Сейчасъ я долженъ проститься съ тобой, надо ѣхать разыскивать секундантовъ, къ 6 часамъ я обѣщалъ послать ихъ къ секундантамъ князя Батурина.

Глазки Claudine сверкнули зловѣщимъ торжествомъ.

— Негодяй!.. Я буду отомщена!

— Ты будешь отомщена и не бойся, птичка, для насъ еще настанутъ сладкіе, счастливые дни. Мы вознаградимъ себя за сдержанность этихъ лѣтъ. Ты видишь, нѣтъ худа безъ добра!.. До сихъ поръ мы не знали, насколько сильно любимъ другъ друга. Этотъ ужасный случай открылъ намъ глаза. До свиданья, дорогая.

Claudine проводила супруга нѣжнымъ взглядомъ и до тѣхъ поръ лежала на кушеткѣ, пока камеристка не доложила ей, что супругъ ея покинулъ домъ. Тогда она быстро вскочила.

— Annete,—обратилась она къ камеристкѣ,—сидись къ письменному столу и бери перо въ руки. Теперь пиши, что я продиктую тебѣ.

Камеристка повиновалась и Claudine начала:

„Мой другъ, будь мужественъ. Сегодня въ 6 часовъ вечера мы увидимся и я все объясню тебѣ. Приходи ровно въ 6 на Пушкинскую (№ былъ обозначенъ) въ квартиру-особнякъ знаменитаго кудесника, о которомъ я уже говорила тебѣ. Буду ждать тебя.

„Твоя Claudine“.

— Теперь надписывай конвертъ:

„Его сіятельству, князю Борису Сергѣевичу Батурина“.

— Теперь запечатай и снеси. Дождешься отвѣта.

Камеристка тотчасъ-же исполнила порученіе и часа черезъ полтора самый пламенный отвѣтъ былъ въ рукахъ Claudine.

Въ шесть часовъ, когда баронъ ждалъ въ ресторанѣ своихъ секундантовъ, баронесса уже звонила къ Вячеславу Ливскому, а тамъ уже находился въ любовномъ нетерпѣніи князь Борисъ Сергѣевичъ Батуринъ.

Въ пріемной Ливскаго онъ встрѣтилъ ее, какъ встрѣчаютъ солнце, и закидалъ тысячами вопросовъ.

Она успокоила его нѣжными фразами и объяснила, что попросила его придти, чтобы съ помощью чаръ Вячеслава Ливскаго охранить его отъ пули ея мужа.

— Сейчасъ я поговорю сама съ Вячеславомъ Ливскимъ, чтобы предупредить его. Немного терпѣнія, подожди меня тутъ, я позову и тебя къ нему.

Claudine скрылась за таинственной дверью, а князь Батуринъ въ нетерпѣніи прогуливался по пріемной.

— Я привела князя Батурина,—съ торжествомъ заявила баронесса Ровень Ливскому.

— Вы — маленькій геній! Сейчасъ я поговорю какъ надо съ княземъ Батуринымъ. Можетъ быть, и не придется прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ. Во всякомъ случаѣ вы должны присутствовать при нашей бесѣдѣ; въ случаѣ я обращусь къ вамъ съ просьбой, вы исполните ее немедленно, какой-бы странной она вамъ ни казалась.

— Итакъ, я приведу сейчасъ къ вамъ князя.

Claudine опять юркнула въ уборную и жестомъ подозвала князя Бориса.

Когда парочка вошла въ восточный кабинетъ, Вячеславъ Ливскій съ изысканной вѣжливостью, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ интимности привѣтствовалъ князя Батурина.

Князь Борисъ съ удивленіемъ разсматривалъ фантастическую комнату и ея хозяина.

— Я вижу,—васъ поражаетъ эта, какъ вамъ кажется, театральная обстановка и то, что я держу себя, какъ старый вашъ знакомый. Да, отчасти вы правы, вѣдь я для васъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Между тѣмъ, вы для меня дѣйствительно старый знакомый. Я знаю всю вашу жизнь — и прошлую, и настоящую, и будущую.

Слова Ливскаго показались князю Батурину плодомъ хвастливаго шарлатанства. Правда, онъ вѣрилъ въ спиритизмъ, но на самыхъ необыденныхъ сеансахъ все-таки никто не брался быть всевѣдущимъ. Ливскій замѣтилъ, что первое впечатлѣніе не было благопріятно для него, но это необеспокоило его. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ князь Батуринъ посмотритъ на него иными глазами.

— Теперь прошу васъ сѣсть, князь, и позвольте мнѣ вашу руку.

Завладѣвъ рукой князя, Вячеславъ заговорилъ увѣренно:

— Ваше прошлое... о, въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Отецъ и мать у васъ живы, въ семьѣ, кромѣ васъ, есть еще младшій братъ. Состояніе ваше

огромное,—ваша семья вторая по богатству во всей необъятной Россіи. Вы человѣкъ добрый, честный, мистикъ и спиритъ, но человѣкъ слабой воли, нелюдямый, скромный. Въ настоящемъ всѣ ваши прежніе интересы отступили куда-то въ глубину души и въ ней царить любовь къ прекрасной женщинѣ. Эта любовь принесетъ вамъ много счастья, но на пути ея не только розы, но и терніи. Очень, очень недавно у васъ была крупная непріятность... Подождите, что это такое? Я вижу кровь на вашей рукѣ, вы будете убійцей, вы убьете вашего соперника.

Князь Батуринь, блѣдный, напряженно слушалъ Ливскаго, но при послѣднихъ словахъ его онъ саркастически улыбнулся.

— До сихъ поръ вы говорили только правду, но теперь—вы ошиблись. Я не могу убить своего соперника, потому что я не буду съ нимъ драться.

— Не будете драться? — невольно вскричала Claudine.

Ливскій остановилъ ее однимъ движеніемъ руки.

— Да, не буду драться,—горячо заговорилъ князь Борисъ.—Правда, баронъ оскорбилъ меня, но развѣ онъ не въ правѣ былъ такъ поступить? Я, какъ воръ, прокрался въ его домъ, похитилъ его счастье, его честь. Я слишкомъ христіанинъ, чтобы, отнимая у человѣка все,—желать еще отнять у него жизнь. Этого не будетъ никогда.

— Но вѣдь ваши секунданты сегодня были у барона, моего мужа!—снова не утерпѣла Claudine.

Князь Батуринь пожалъ плечами.

— Все-таки были!.. А какъ я ихъ просилъ оставить меня въ покоѣ! Они пугаютъ меня тѣмъ, что отнимутъ у меня мундиръ. На что мнѣ онъ? Онъ только тяготитъ меня и я разстанусь съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ. Не убивать-же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, человѣка изъ-за мундира.

Снова вмѣшалась Claudine:

— А если баронъ потребуетъ, чтобы я...

Но Вячеславъ Ливскій не далъ ей закончить фразы, онъ шумно поднялся.

— Я вполне согласенъ съ княземъ Батуринымъ,—нѣтъ ничего хуже убійства, какими-бы принципами оно ни прикрывалось.

Князь Борисъ съ искреннимъ порывомъ пожалъ руку Ливскаго.

— Благодарю васъ. За весь день слышу сегодня первое трезвое, благородное слово.

Ливскій быстро перемѣнилъ разговоръ.

— Ахъ, да, баронесса, я справился въ книгахъ, и вотъ вамъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, который вы задали мнѣ въ субботу.

Claudine съ недоумѣніемъ смотрѣла на него, — никакого вопроса она не задавала ему въ субботу. Что это съ нимъ?

Ливскій досталъ какую-то карточку, что-то быстро написалъ карандашомъ и протянулъ ее баронессѣ.

Она прочла:

„Заставьте князя сѣсть на диванъ, сядьте рядомъ съ нимъ, заговорите о любви, отвлеките его вниманіе. Потомъ попросите пить, я подамъ два бокала: изъ зеленого пейте вы, изъ красного заставьте выпить его“.

Claudine смяла бумажку и дѣланно засмѣялась.

— Ахъ, это! Что-жъ, отвѣтъ удачный. Онъ сулитъ намъ счастье, — повернулась она къ князю.

Онъ ей ласково и любовно улыбнулся.

— Дорогой, я не скрываю своей любви къ тебѣ отъ monsieur Ливскаго, — онъ знаетъ всѣ мои тайны. Такъ посидимъ съ тобою на этой удобной тахтѣ и поговоримъ, отведемъ душу. Когда-то опять придется намъ встрѣтиться!

Она усадила князя Бориса на тахту, сѣла рядомъ съ нимъ, взяла его руку и стала, какъ кошечка, къ нему ласкаться.

— Вы можете на насъ не смотрѣть, monsieur Ливскій. А вотъ не дадите-ли вы мнѣ выпить чегонибудь, — отъ волненія у меня пересохло горло и меня мучитъ жажда.

— О, баронесса, я вамъ дамъ рюмочку такого чуднаго вина, — отъ вашей жажды не останется и слѣда.

Ливскій подошелъ къ шкафику, досталъ запыленную бутылку и на подносикѣ два бокала, красный и зеленый. Въ красный бокалъ онъ незамѣтно всыпалъ какой-то порошокъ и тогда уже наполнилъ оба виномъ.

— О, — вскричала Claudine, — какіе прелестные

бокалы!.. Одинъ—цвѣтъ надежды, другой—цвѣтъ пламенной любви. Я буду пить надежду, а ты, Борисъ, пей любовь.

Она схватила зеленый бокалъ и осушила его до дна. Видя, что князь Борисъ колеблется, она его подбодрила:

— Пей-же, за мое здоровье.

И князь Батуриный выпилъ вино изъ красного бокала, до дна.

XIX.

Новая жертва черного мага.

Какъ только князь Батуриный выпилъ вино изъ красного бокала—онъ почувствовалъ, какъ что-то ударило ему въ голову. Съ удивленіемъ онъ перевелъ свой взглядъ на Вячеслава Ливскаго.

— Крѣпкое вино?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Очень крѣпкое, это одинъ изъ подарковъ моихъ предковъ.

— О, monsieur Вячеславъ,—сказала Claudine тономъ капризнаго ребенка,—у насъ такъ мало времени побыть вмѣстѣ, а вы тутъ мѣшаете съ виномъ вашихъ предковъ.

— Pardon, madame.

Съ этими словами Ливскій отошелъ къ окну, такъ чтобы быть въ состояніи наблюдать затылокъ князя Батурина.

Claudine еще ближе подслѣла къ князю Борису и снова стала ласкаться къ нему какъ кошечка.

— Теперь онъ не видитъ насъ и не слышитъ, и я могу говорить тебѣ, что я тебя люблю. А ты? Любишь-ли ты меня?

Но къ удивленію баронессы, вмѣсто нѣжнаго отвѣта князя Бориса послышался вкрадчивый голосъ Вячеслава Ливскаго.

— Вы можете оставить вашу роль, баронесса,—вѣдь все равно князь Батуриный уже не слышитъ васъ.

Claudine быстро подняла опущенную голову и легкій крикъ сорвался съ ея устъ.

Корпусомъ князь Борисъ прислонился къ подуш-

камъ тахты. Голова его закинулась. Лицо его было мертвенно блѣдное и нервныя конвульсіи пробѣгали по лицу. Глаза поблескивали, словно стеклянные, изъ-за полуопущенныхъ дрожащихъ вѣкъ.

— Что съ нимъ?

Вячеславъ Ливскій улыбнулся.

— Ничего особеннаго, баронесса, совѣтую вамъ успокоиться. Новинуюсь чудесному вину, моему взгляду и моей мысли, князь Батуриный заснулъ.

Она со страхомъ глядѣла на князя Бориса.

— Но развѣ это сонъ? Это какое-то странное болѣзненное состояніе.

— Да, это не простой сонъ, но объяснять вамъ я ничего не буду, баронесса. Вы общали мнѣ всегда вѣрить, когда-бы я не сказалъ „я такъ хочу“. Вы видѣли, какъ онъ малодушенъ, вашъ князь, онъ ни за что не согласился-бы драться на дуэли. А безъ дуэли весь нашъ планъ пошелъ-бы вверхъ ногами. Мнѣ пришлось прибѣгнуть къ крайнему средству и вы увидите, какъ оно дѣйствительно.

Высказавъ свои соображенія ошеломленной баронессѣ, Вячеславъ Ливскій повернулся къ спавшему.

— Ты спишь?

И трепетавшія блѣдныя губы полуоткрылись, а голосъ произнесъ, какъ заученный урокъ:

— Да, сплю.

Окончательно ошеломленная Claudine соскочила съ кушетки и пересѣла на кресло. Вячеславъ Ливскій продолжалъ свой допросъ:

— Сейчасъ я твой хозяинъ, ты это знаешь?

Словно облачко тоски пробѣжало по блѣдному лицу Бориса.

— Да, знаю.

— Я буду тебѣ приказывать, а ты мнѣ будешь повиноваться.

— Ты будешь мнѣ приказывать, а я буду тебѣ повиноваться.

— Я хочу, чтобы завтра ты дрался на дуэли.

Черты лица князя Бориса совершенно исказились, а голова мотнула отрицательно.

— Я этого хочу, понимаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я умоляю избавить меня, я не могу, это выше моихъ силъ.

Лобъ Вячеслава Ливскаго нахмурился, а брови сдвинулись. Онъ схватилъ князя Батурина за обѣ руки и сталъ читать какія-то непонятныя баронессѣ слова нараспѣвъ.

— Теперь я опять тебѣ повторяю, ты будешь драться на дуэли.

Фигура князя съежилась, а губы приняли дѣтское плаксивое выраженіе.

— Я буду завтра драться на дуэли.

— Вотъ такъ-то лучше. Итакъ, завтра ты дерешься на дуэли. Какъ только я разбуду тебя, ты почувствуешь въ душѣ непреодолимое желаніе къ борьбѣ. Ты отправишься къ секундантамъ и будешь благодарить ихъ за тотъ вызовъ, который они сдѣлали. Ты извинишься за свой утренній отказъ и объяснишь его философскимъ направленіемъ твоего ума. Всю ночь ты будешь готовиться къ предстоящей дуэли. Ты напишешь прощальное письмо матери, гдѣ будешь слегка укорять ее за то, что она предпочитала тебѣ своего младшаго сына. Второе письмо ты напишешь баронессѣ Ровенъ. Ты слушаешь меня?

Князь Борисъ отвѣтилъ утвердительно легкимъ кивкомъ головы.

— Въ письмѣ къ баронессѣ Ровенъ ты будешь жаловаться, что люди не поняли вашей братской любви и благодаря этому, тебѣ приходится становиться на край могилы. Все письмо будетъ написано въ теплыхъ, дружескихъ, но корректныхъ тонахъ. Ты понялъ?

— Да, я понялъ.

— Третье письмо ты напишешь брату своему, князю Михаилу Сергѣевичу Батурину. Ты будешь сообщать ему о дуэли и о своемъ желаніи увидѣть его хоть на одну минуту. Еще одно письмо, послѣднее, ты напишешь отцу своему. Его ты будешь просить, въ случаѣ печальнаго исхода дуэли, немедленно телеграфировать твоему младшему брату Михаилу. Ты исполнишь все, какъ я приказалъ?

— Да, я исполню.

Вячеславъ Ливскій внимательно посмотрѣлъ на князя Батурина и повернулся къ дрожавшей отъ страха Claudine.

— Фи, баронесса, а еще мните себя героиней! Видь спящаго чловѣка васъ такъ перепугаль.

— Разбудите его, — прошептала она.

— Не могу, баронесса. Еслибъ я не далъ ему вина, — тогда конечно. Но теперь пусть онъ поспитъ полчаса.

— А черезъ полчаса вы его разбудите?

— Безъ сомнѣнія, — шутливо засмѣялся Ливскій.

— Вы еще можете шутить, а это такъ ужасно. Я не могу видѣть это мертвенное лицо съ мѣняющимися гримасами. Вы страшный чловѣкъ, monsieur Ливскій.

— Да, — спохватился Ливскій, — я забылъ ему приказать еще одну вещь. Пойдите.

Онъ снова подошелъ къ своей новой жертвѣ.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Когда ты проснешься, кромѣ того, что я тебѣ приказалъ, ты долженъ еще попросить у меня талисманъ „на счастье“. Я дамъ тебѣ ладонку. И съ той минуты, какъ ты ее надѣнешь, ты будешь увѣренъ въ своей побѣдѣ надъ врагомъ. Эта увѣренность тебя не покинетъ и ты спокойно станешь подъ пулю врага. Теперь ты будешь спать обыкновеннымъ сномъ.

Ливскій отвернулся отъ князя и обратился къ баронессѣ.

— Ну, всѣ наши дѣла съ княземъ улажены. Да перестаньте вы, наконецъ, трусить!.. Чѣмъ васъ занять эти полчаса? Я боюсь, что они покажутся вамъ вѣчностью.

— О, нѣтъ. Хорошо-бы было, чтобы я пришла въ себя за это время.

— Это такъ легко сдѣлать. Я дамъ вамъ сейчасъ рюмочку вина.

Она содрогнулась и посмотрѣла на него съ испугомъ.

— Вина? Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я справлюсь и такъ, — видите, мнѣ уже лучше.

Вячеславъ Ливскій искренно расхохотался.

— Вы боитесь очутиться въ положеніи князя Батурина? Наивное дитя, если-бы я намѣревался продѣлать съ вами такую же штуку, я не открылъ-бы вамъ этой своей маленькой тайны. Зачѣмъ мнѣ васъ усып-

лять и внушать вамъ что либо, когда вы и такъ послушны. Наши выгоды тѣсно связаны, мы сообщники. Итакъ, выпейте рюмочку вина и довѣрьтесь мнѣ.

Claudine робко кивнула головкой въ знакъ согласія. Вячеславъ подошелъ къ своему завѣтному шкафику. Изъ множества графинчиковъ онъ выбралъ одинъ съ красивыми бирюзовыми разводами, откупорилъ герметически закрывавшуюся пробку и наполнилъ влагой маленькую рюмочку, которую поднесъ Claudine.

Съ виду стараясь быть спокойной, но внутренне дрожа отъ страха, она выпила рюмочку вина. Теплая живительная влага пробѣжала по ея жиламъ и она чувствовала, что съ каждымъ мгновениемъ растутъ ея бодрость и силы.

Полчаса, назначенные Ливскимъ, пролетѣли незамѣтно.

— Теперь, баронесса, мнѣ нужно разбудить князя Батурина и я прошу вашей помощи.

— Но я не умѣю...

— Тутъ нечего умѣть. Вы сядете на ваше прежнее мѣсто и будете продолжать вашу комедію.

— Комедію?

— Ну, да, комедію. Вы опять опустите вашу головку на колѣни князя и продолжите прерванную его бесѣду. Только не вздумайте ему сказать, что онъ спалъ, онъ этого никогда не узнаетъ.

Claudine повиновалась, кое-какъ преодолевъ свой страхъ и отвращеніе, которое ей внушалъ этотъ блѣдный, съ перекосившимся лицомъ юноша.

— Ровно черезъ двѣ минуты ты проснешься и никогда не будешь знать, что ты былъ усыпленъ. Ты продолжишь, какъ ни въ чемъ не бывало твой любовный разговоръ съ баронессой, а черезъ 20 минутъ ты совсѣмъ уйдешь отсюда, чтобы извѣстить секундентовъ.

Вячеславъ Ливскій брызнулъ въ лицо спавшаго какую-то жидкость.

Ровно черезъ двѣ минуты князь Батуринъ открылъ глаза. Судороги оставили его лицо и легкая краска жизни покрыла ланиты.

А баронесса, уже собравшись съ духомъ, говорила ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Милый, дорогой, чудные минуты мы проводимъ вмѣстѣ. Когда-то снова мы увидимся.

Князь Батуринъ отвѣчалъ ей ласковыми словами. Но среди рѣчи вдругъ схватился за голову, какъ будто вспомнилъ что-то важное.

— Который часъ? Я совсѣмъ забылъ, — къ 8 часамъ должны пріѣхать ко мнѣ секунданты.

Claudine быстро взглянула на часы.

— Увы, уже половина восьмого, у тебя мало времени. Monsieur Ливскій, мы васъ покидаемъ.

Кудесникъ, уже успѣвшій пересѣсть къ окну, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся на ея зовъ.

— Мы уходимъ, monsieur Ливскій

— Такъ скоро?

— Да, князя Батурина ждутъ секунданты.

— Надѣюсь, князь идетъ для того, чтобы категорически отказаться отъ этой глупой дуэли.

Князь Батуринъ нервно вскочилъ и его всегда спокойные глаза засверкали.

— Отказаться?! Что вы говорите? Я буду съ нимъ драться во чтобы то ни стало, я долженъ, я хочу.

— А вдругъ тебя убьютъ, что будетъ тогда со мною? — лицомъ рно сказала баронесса.

Князь Батуринъ, подавленный ея предположеніемъ, снова безсильно опустилсѣ на тахту.

— Убьютъ?

— Да, убьютъ..

Онъ поникъ головой, но черезъ мгновеніе, словно осянненнй новой мыслью, опять встрепенулсѣ.

— Вы, который такъ много можете, — обратился онъ къ Вячеславу Ливскому, — неужели вы не сумѣете мнѣ помочь, не сумѣете оградить меня отъ вражеской пули?

Вячеславъ загадочно улыбнулся.

— Я все могу, князь Батуринъ.

— Такъ дайте мнѣ что-нибудь на счастье, оградите меня отъ смерти.

— Вы искренно этого хотите? или шутите?

Князь Батуринъ съ горячностью схватилъ руку Ливскаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу. Развѣ вы не видите?

— Теперь я вижу и буду радъ вамъ помочь.

Ливскій снова направилсѣ къ своему завѣтному

шкафику, порылся въ немъ и вытащилъ маленькій кусочекъ красной кожи, сложенный угломъ и зашитый, какъ ладонка, съ прикрѣпленнымъ краснымъ шелковымъ шнуручкомъ.

— Надѣньте это на шею, тутъ ваше счастье и ваша безопасность. Если будете стоять одинъ среди тысячи вражескихъ пуль, васъ не коснутся онѣ и вы останетесь невредимы.

Князь жадно схватилъ протянутый ему талисманъ и быстро надѣлъ на шею.

— Я вѣрю, — ни одна пуля врага не коснется меня, не причинить мнѣ вреда. Благодарю васъ.

Теперь онъ самъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора, пора!

Онъ нѣжно простился съ возлюбленной и дружно съ кудесникомъ.

Завтра, послѣ дуэли, ты пришлешь вѣсточку сюда monsieur Ливскому. О, какъ я буду ждать ее!

Князь Батуринъ ушелъ, наконецъ, а сообщники, оставшись наединѣ, переглянулись и весело разсмѣялись.

XX.

Ночь наканунѣ дуэли.

Секунданты сидѣли въ комнатѣ Бориса Сергѣевича Батурина, когда онъ вернулся домой. Они уже успѣли сговориться съ секундантами барона Ровень относительно условій дуэли и теперь пришли сюда поставить вопросъ ребромъ своему товарищу: или онъ будетъ драться на дуэли завтра или онъ принужденъ будетъ уйти изъ полка и навсегда порвать какую-либо связь со своими бывшими однополчанами.

— А вы здѣсь уже, господа? Простите, что я васъ задержалъ. У человѣка наканунѣ дуэли всегда бываютъ свои маленькія дѣла.

И прежде, чѣмъ кто-либо изъ нихъ успѣлъ раскрыть ротъ, князь Батуринъ заговорилъ съ озлобленіемъ:

— Надѣюсь, — вы не отложили дуэли, господа, и

не смягчили условій? Надѣюсь, — вы не просили пощады для меня, но также не давали пощады моему врагу? Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, которое можетъ быть смыто только кровью.

Секунданты невольно переглянулись. Этотъ твердый, рѣшительный тонъ въ устахъ князя, послѣ тѣхъ колебаній и сомнѣній, которыми онъ такъ возмущилъ ихъ утромъ, — изумилъ ихъ.

— Да ты совсѣмъ молодчинище, — обрадовался графъ Г., а другой, маленькій, юркій „дипломатъ“ въ мундирѣ — подскочилъ къ князю Борису и пожалъ ему руку.

— Я никогда не сомнѣвался въ тебѣ, Батуринъ, и мы покажемъ нахалу, какъ оскорблять офицера нашего полка.

Таинственная улыбка промелькнула по губамъ князя Бориса. Онъ медленно прошелся по комнатѣ и, скрестивъ руки на груди, остановился передъ пріятелями.

— Знаете, что я скажу вамъ, господа?

— Нѣтъ, не знаемъ, — улыбнулся „дипломатъ“.

— Скажи, тогда и будемъ знать, — буркнулъ графъ Г.

— Баронъ Ровень будетъ убить наповаль.

Графъ Г. посмотрѣлъ на князя Батурина съ удивленіемъ, а „дипломатъ“ замѣтилъ неопредѣленно:

— Все можетъ быть.

Таинственная улыбка промелькнула снова по губамъ князя Бориса.

— Нѣтъ, не все. Я, напримѣръ, не только не могу быть убитъ, но даже не могу быть раненъ.

— Ну, ужъ это извини, голубчикъ, ты чушь, кажется, городишь, отъ волненія передъ дуэлью, вѣрно.

— Всякій, который подходитъ къ барьеру, имѣетъ шансъ быть и раненымъ, и убитымъ.

— Шансъ! — усмѣхнулся князь Борисъ. — Нечего сказать, хорошъ шансъ. А все-таки я отъ этого шанса избавленъ.

— Какимъ образомъ? Это интересно. Не расскажешь-ли ты намъ?

— Хорошо, великолѣпно. Вотъ тутъ на шеѣ у меня виситъ одна штучка, въ которой и кроется мое

счастье и моя безопасность. Какъ сказалъ онъ мнѣ: „Если будете стоять одинъ среди 1,000 вражескихъ пуль, васъ не коснутся онѣ и вы останетесь невредимы“. Эти слова не могутъ не исполниться. Да, я — въ безопасности.

Секунданты переглянулись. Одна и та же мысль мелькнула у обоихъ: не сошелъ-ли онъ съ ума?

— Вы извините, господа, что я не прошу васъ остаться у меня. Вы, я думаю, хорошо понимаете...

— Да, да, понимаемъ.

Секунданты поднялись.

— Прощай, дружище. Всего тебѣ хорошаго.

— А я себѣ позволю дать тебѣ нѣсколько маленькихъ совѣтовъ. Конечно, сдѣлай всѣ нужныя распоряженія на всякій случай, но не утомляйся и не думай о завтрашнемъ днѣ. Выпей стаканъ хорошаго вина и ложись спать. Утро вечера мудренѣе. До свиданья. До завтра.

Секунданты простились съ княземъ Борисомъ съ отѣнкомъ дружеской нѣжности и даже какъ будто съ сожалѣніемъ.

И вотъ князь Борисъ остался одинъ. Сегодня онъ не видѣлъ свою мать. Пойти развѣ къ ней? Для чего? Вѣдь послѣ дуэли они будутъ вмѣстѣ завтракать.

Словно какая-то сила влекла его къ княгинѣ. И онъ пошелъ. Онъ засталъ свою мать одну за просмотромъ какихъ-то книжонокъ. Она оторвалась отъ работы и посмотрѣла на сына съ удивленіемъ. Вѣдь онъ никогда не приходилъ въ такое время, они встрѣчались только въ часы ѣды.

Сынъ сконфузился.

— Я вамъ не помѣшалъ, тата? Вы, кажется, заняты?

— Нѣтъ, мой другъ. Я тутъ пересматривала дѣтскія книжонки.

— Дѣтскія книжонки?—удивился онъ.

— Да, мой другъ. Это для дѣтишекъ пріюта, которымъ завѣдуетъ Ксенія Николаевна. Я очень увлеклась ея благотворительными дѣлами. Вотъ и сейчасъ жду ее сюда. Она поручила мнѣ выбрать книжонки для чтенія дѣтямъ, и я самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнила ея приказаніе и вотъ

теперь жду ее, отдать отчетъ. Какая это чудная дѣвушка и какъ я ее полюбила! И вотъ нѣтъ жениховъ. Вы, мужчины, слѣпы, вы бросаетесь на нарядныхъ, намазанныхъ, на развращенныхъ женщинъ. Конечно, это не относится къ тебѣ, мой другъ, я знаю, что ты исключеніе, красная дѣвица.

Онъ вспыхнулъ, но ничего не отвѣтилъ.

Наступило продолжительное молчаніе, княгиня перебирала свои книжки, а сынъ пристально, съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

„Какая моя мать красавица, — думалъ онъ. — Настоящая гордая королева“.

Ея рослая, стройная фигура склонилась красивымъ изгибомъ надъ книгами. Мягкая ткань домашняго платья красиво обрисовывала линіи ея тѣла. Сыну виденъ ея правильный классическій профиль и серебристыя нити волосъ на вискахъ. Но есть что-то гордое, холодное, надменное въ линіяхъ ея рта, въ подбородкѣ, въ этой посадкѣ головы, слегка откинутой назадъ.

Наступившее молчаніе было прервано камеристкой, доложившей о приходѣ Ксеніи Николаевны Демидовой.

— Просите.

Княгиня встрепелась, въ ея холодныхъ сѣрыхъ глазахъ блеснулъ огонекъ оживленія.

Князь Борисъ всталъ.

— А я уйду, тата, у меня есть кое-какія дѣла.

— Вѣрно, спиритическія? Иди, мой другъ, — она улынулась и ласково протянула ему руку.

Въ невольномъ порывѣ онъ прижался къ этой рукѣ горячими устами. А потомъ на нѣсколько мгновеній заглянулъ ей въ глаза. Въ его взглядѣ было такъ много нѣжности, любви, обожанія!..

Но въ эту минуту вошла Ксенія Николаевна и князь Борисъ, молча поздоровавшись съ нею, быстро вышелъ изъ комнаты.

— Здравствуйте, княгиня. Что это, какое лицо сейчасъ у васъ?

— Какое-же?

— Хорошее.

— Да, вотъ, мой сынъ, онъ такъ посмотрѣлъ на меня... Только не будемъ, дорогая, сейчасъ говорить

объ этомъ, мнѣ не хочется. Займемся дѣломъ. Смотрите, сколько книжекъ я вамъ приготовила.

И объ женщины углубились въ это занятіе. Между тѣмъ, князь Борисъ опять прошелъ въ свои комнаты. Онъ усталъ отъ волненій сегодняшняго дня и его клонило ко сну, но... Но что-то ему надо было сдѣлать еще?.. Ахъ, да!.. Онъ порывисто подошелъ къ письменному столу, опустилсѣ на кресло и схватилъ перо.

Надо писать.

Что писать-то?

— Ахъ, да, письма. Письма, письма!.. Кому сначала?

Матери, конечно, матери. И послушное перо быстро, быстро забѣгало по атласному листочку почтовой бумаги.

Въ этомъ письмѣ вылилась вся страстная нѣжность, съ дѣтскихъ лѣтъ скрываемая, все обожаніе къ матери. И накипѣвшая обида за то, что онъ былъ нелюбимымъ сыномъ, которому такъ ясно предпочитали другого.

И тысяча самыхъ нѣжныхъ, самыхъ ласковыхъ словъ, а между ними пестрѣло одно самое дорогое — „мама“.

Первое письмо было запечатано и князь Борисъ приступилъ ко второму. Оно предназначалось другой женщинѣ, тоже любимой, но иною, страстною любовью. Можно было ожидать, что сейчасъ съ пера посыплются самыя страстныя слова вакхической любви. Но нѣтъ...

Это письмо къ страстной любовницѣ было написано въ самыхъ дружескихъ, въ самыхъ корректныхъ тонахъ. Ей, баронессѣ Ровень, онъ писалъ, что люди никогда не понимали его и теперь не поняли той братской любви, которою онъ любилъ ее, баронессу. И вотъ теперь ему приходится рисковать своею жизнью и онъ проситъ уважаемую баронессу, въ случаѣ его смерти, помолиться за него.

Это письмо онъ писалъ машинально, не глядя на бумагу, а устремивъ неподвижный взоръ въ пространство. Лицо-же его покрылось смертельной блѣдностью и подергивалась судорогами, какъ тогда — во время сна Ливскаго.

Закончивъ второе письмо, онъ принялся за третье.

Оно предназначалось брату, князю Михаилу Сергѣевичу Батуру. Въ этомъ письмѣ князь Борисъ сообщалъ своему брату о дуэли и о своемъ пламенномъ желаніи увидѣть его хоть на одну минуту.

Наконецъ, онъ принялся за четвертое, послѣднее. Оно предназначалось отцу.

Въ нѣсколькихъ фразахъ тамъ говорилось о сыновней любви и уваженіи, но большая часть письма была посвящена просьбѣ, въ случаѣ печальнаго исхода дуэли, немедленно телеграфировать младшему брату, Михаилу, и вызвать его хотя-бы для того, чтобы онъ могъ поклониться гробу князя Бориса.

Когда всѣ эти письма были закончены и запечатаны, было уже 4 часа утра.

Князь Борисъ легъ, и приказалъ лакею разбудить себя въ 7 часовъ, ибо секунданты его пріѣдутъ за нимъ въ половинѣ восьмого. Дуэль была назначена въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстечекъ Крестовскаго острова.

Лакей удалился, оставивъ Бориса одного. Но тщетно молодой человѣкъ старался заснуть, ворочаясь съ одного бока на другой.

Сонъ бѣжалъ съ его глазъ и мысль блуждала, не останавливаясь ни на чемъ опредѣленномъ. И такъ онъ промаялся до утра, даже не вздремнувъ.

Онъ еще слышалъ, какъ били 7 ударовъ, а аккуратный лакей уже стучался у дверей его комнаты.

— Пора встать, ваше сіятельство.

Князь Борисъ вскочилъ и сталъ одѣваться. Онъ чувствовалъ усталость во всѣхъ своихъ членахъ. Все тѣло его ныло, какъ будто избитое плетью, движенія были медленны и тяжело давались ему.

— Прикажете подать чаю?

— Да, крѣпкаго чаю и хорошую рюмку коньяку.

Лакей посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: его баринъ и въ обѣдъ-то не пилъ коньяку никогда, а тутъ вдругъ съ утра

— На охоту ѣду. Чтобы не простудиться пью, — замѣтивъ удивленіе слуги, объяснилъ князь Борисъ.

Онъ съ наслажденіемъ выпилъ большую рюмку коньяку и ему захотѣлось еще.

Подъ какимъ-то предлогомъ выслалъ лакея изъ

комнаты, онъ налилъ другую рюмку, а затѣмъ и третью. Опьянѣніе давало себя чувствовать.

Князь Борисъ взглянулъ на часы, до пріѣзда секундантавъ оставалось всего 10 минутъ. Князь Борисъ этимъ временемъ воспользовался, чтобы запечатать всѣ письма, написанныя имъ ночью, въ одинъ конвертъ. Затѣмъ онъ вызвалъ слугу.

— Сейчасъ пріѣдутъ за мной товарищи и мы уѣдемъ на охоту, вѣроятно, дня на три. Вы передадите этотъ пакетъ княгинѣ, моей матери. Только не будите ее, а передайте, когда она уже проснется.

— Слушаю-съ.

Едва только успѣлъ князь Борисъ отдать это послѣднее приказаніе, какъ раздался звонокъ, возвѣщавшій пріѣздъ секундантавъ.

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь, милый другъ?

— Да, да, какъ поживаешь, дружище?

Но секунданты отступили къ дверямъ.

— Что съ тобой?—спросили они разомъ.

Передъ ними стоялъ человѣкъ, измѣнившійся за одну ночь. Лицо его было блѣдно до синевы, взгляды лихорадочно блуждали, руки дрожали.

— Что со мной? Да ровно ничего. Я свѣжъ и бодръ, какъ новорожденный младенецъ. Я смотрю на эту дуэль, какъ на шутку.

— Хороша шутка, — ты собираешься убить человѣка.

— Да, я убью его, — съ увѣренностью заявилъ князь Борисъ.

XXI.

Дуэль.

Утро было морозное, свѣтлое. Ровное сѣро-голубое небо глядѣло на землю.

Князь Борисъ Батуриный, оба его секунданта и докторъ помѣстились въ большой четырехъ-мѣстной каретѣ. Видъ доктора нѣсколько смутилъ князя Батурина, но онъ скоро оправился и повеселѣлъ. Никогда товарищи не видѣли этого всегда молчаливаго и скром-

наго челоуѣка такимъ развязнымъ, оживленнымъ и дивились.

Графъ Г. подумалъ про себя: «Ужъ не выпилъ-ли Борька лишняго, кстати коньякомъ отъ него такъ и пахнетъ»...

А «дипломатъ» приписалъ эту веселую развязность усиленной нервности и, пожалуй, страху. Вѣдь военнымъ этотъ блѣдный, избалованный сынокъ богатѣйшей семьи былъ только по формѣ, — душа у него была самая статская, какъ и привычки и вкусы.

— Скоро-ли прїѣдемъ?—съ видимымъ нетерпѣніемъ спросилъ дуэлянтъ.—Цѣлое путешествіе крестосцевъ въ Палестину.

Докторъ, до сихъ поръ молчавшій, поднялъ большіе серьезные глаза на князя Батурина.

— Будьте счастливы, что эта дорога такая длинная. Дышите воздухомъ и любуйтесь на прекрасный Божій міръ. Вѣдь черезъ какихъ-нибудь полчаса вамъ предстоитъ серьезная дуэль и одинъ Господь знаетъ, каковъ будетъ ея исходъ. Я не хочу лишать васъ вашего мужества, но ваше веселье въ такой моментъ...

Легкимъ шутливымъ ударомъ по рукѣ князь Батуринъ прервалъ рѣчь доктора.

— Полноте, милѣйшій,—развязно сказалъ онъ, не дѣлайте такихъ серьезныхъ глазъ и не придавайте слишкомъ большого значенія этимъ минутамъ, — онѣ совсѣмъ не такъ мрачны для меня.

— Вы этимъ хотите сказать, что вы не дорожите жизнью, князь?

— О, нѣтъ, вы не угадали, докторъ. Я люблю жизнь. Ахъ, какъ я люблю жизни! Я и прежде, когда еще не видѣлъ настоящаго солнца, инстинктивно хватался за нее, а теперь сіяющее солнце счастья заливаетъ мой путь и я хочу жить, хочу, хочу!

— Теперь я васъ совсѣмъ не понимаю, князь.

— Напротивъ, теперь-то вы и должны были-бы понять меня. Я жажду жизни и, если-бы я рисковалъ ею, я не былъ-бы такимъ веселымъ и безпечнымъ. Но поймите, что я не рискую жизнью. Меня охраняетъ отъ пули и отъ смерти таинственный талисманъ. Онъ здѣсь, на моей груди.

Глаза князя Бориса лихорадочно горѣли, рука, прижимавшая къ груди талисманъ, дрожала.

„Право, онъ пьянъ“,—подумалъ графъ Г.

„Онъ ненормальный, это несомнѣнно“, — пронеслось въ головѣ „дипломата“.

„Этотъ человѣкъ въ состояніи нервнаго афекта“,— рѣшилъ докторъ и, доставъ изъ кармана ложечку и пузырекъ съ бромомъ, предложилъ его Батурину.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Зачѣмъ мнѣ бромъ, я спокоенъ и увѣренъ въ себѣ какъ никогда.

— Но у васъ дрожатъ руки,—вѣдь вы должны стрѣлять.

— Такъ что-жъ, что дрожать? Сила не въ рукахъ, а здѣсь,—въ талисманѣ, который со мной.

Докторъ рѣшилъ, что это человѣкъ больной и что спорить—хуже раздражать его. Кстати и до мѣста дуэли уже было не далеко.

— Скоро пріѣдемъ,—сказалъ „дипломатъ“.

Князь Батуринъ чуть-чуть вздрогнулъ, но по мѣрѣ приближенія къ цѣли своего путешествія становился все спокойнѣе, серьезнѣе.

Когда карета подъѣхала къ мѣсту дуэли, другая была уже тамъ и противники прогуливались въ нетерпѣніи.

Барона Ровень утромъ провожала Claudine, нарочно вставшая такъ рано, чтобы какъ слѣдуетъ вооружить своего мужа противъ соперника. И подъ впечатлѣніемъ ея рѣчей, слезъ, моленій и ласкъ онъ находился и теперь.

Противники обмѣнялись холодными, чуть замѣтными поклонами.

Послѣ первыхъ переговоровъ секунданты предложили имъ помириться.

Примиреніе было отвергнуто обѣими сторонами съ почти одинаковой энергіей. Пожалуй, даже отказъ князя Батурина былъ рѣзче, чѣмъ отказъ барона.

Когда для окончательнаго совѣщанія собрались секунданты, къ нимъ подошелъ докторъ.

— Господа, можно-ли драться съ такимъ субъектомъ? Мнѣ онъ кажется въ высшей степени страннымъ. Посмотрите, какъ лихорадочно горятъ его глаза,—а мысль возвращается все къ одной идеѣ, что онъ обязательно убьетъ своего соперника.

— Докторъ,—спокойно возразилъ ему „дипломатъ“,—вы видите князя Батурина впервые, а мы

знаемъ его цѣлые годы. Всегда онъ былъ человѣкомъ нормальнымъ, если не считать его занятій спиритизмомъ. Онъ посягнулъ на честь барона Ровень и былъ имъ оскорбленъ. Они не могутъ не драться. Попробуйте ихъ примирить,—я за это не берусь.

Докторъ направился къ барону съ увѣщаніями и получилъ рѣзкій отпоръ. Тогда онъ подошелъ къ князю Батурину съ тѣмъ-же предложеніемъ итти на мировую. Князь Борисъ только засмѣялся.

— Перестаньте шутить, милѣйшій докторъ. Или нѣтъ, давайте шутить вмѣстѣ.

Итакъ, нужно было серьезно приступить къ дуэли. Секунданты осмотрѣли оружіе, отсчитали шаги и поставили дуэлянтовъ на мѣста.

Рука барона выпрямилась, какъ стальная, и была тверда, прицѣлъ его былъ мѣткій и правильный. Рука князя, напротивъ, замѣтно дрожала, но взглядъ лихорадочно блестя и улыбка блуждала по губамъ.

Разъ... два... три...

Грянуло два выстрѣла.

Дымокъ разсѣялся.

Баронъ стоялъ, скрестивъ руки на груди. Князь Батуринъ лежалъ, раскинувшись на снѣгу. Кровавая струйка показалась на сѣромъ сукнѣ. Въ лицѣ не было ни одной кровинки, улыбка застыла на устахъ.

Докторъ рванулся къ нему. Не было-ли нервное настроеніе князя лишь плодомъ предчувствія близкой смерти?

Князя Батурина осторожно переложили на шинели и докторъ тщательно осмотрѣлъ его и сдѣлалъ первую перевязку.

— Что? Какъ? Живъ-ли онъ, докторъ?—засыпали секунданты доктора вопросами.

— Живъ,—отвѣтилъ онъ,—но раненъ смертельно. Пуля попала въ низъ живота.

Раненаго уложили въ карету.

— Куда-же везти его?

— Конечно, домой.

А утро дѣлалось все болѣе свѣтлымъ и яснымъ. Бѣлый глубокій снѣгъ блестя на солнцѣ, переливаясь цвѣтами радуги.

Медленно двигалась карета. Сопровождавшіе князя молчали.

Наконецъ, печальный экипажъ остановился у роскошнаго подъѣзда стариннаго дома князей Батуриныхъ.

„Дипломатъ“ выѣзъ изъ кареты и направился въ швейцарскую.

— Дома ли князь?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Молодой князь рано утромъ уѣхали, а старый князь не особенно давно ушли.

— А княгиня встала?—уже дрогнувшимъ голосомъ спросилъ офицеръ.

— Такъ точно, ваше благородіе. Скоро выѣзжать собираются.

— У нея никого нѣтъ?

— Барышня Ксенія Николаевна Демидова.

— Послушайте, швейцаръ, съ молодымъ княземъ случилось несчастіе. Мы привезли его очень, очень больного. Не знаю какъ предупредить княгиню.

Швейцаръ поблѣднѣлъ. Онъ былъ старый служака въ этомъ домѣ и искренно любилъ всѣхъ членовъ семьи.

— Онъ раненъ на дуэли.

— Ахъ, ты, Господи, горе какое!

— Пока я буду говорить съ княгиней, вы помогите осторожно вынуть его изъ кареты. Ужъ я пройду безъ доклада.

И „дипломатъ“ быстро поднялся по устланной коврами лѣстницѣ. Ему предстояло выполнить тяжелую миссію.

— Гдѣ княгиня?—порывисто спросилъ у прислуги „дипломатъ“.

— Ихъ сіятельство сейчасъ выходятъ, ужъ и сани велѣли себѣ подать.

Изъ гостиной слышались женскіе голоса, туда и бросился „дипломатъ“.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, княгиня стояла уже въ шляпѣ, она распечатывала какой-то большой пакетъ. Рядомъ съ нею Ксенія Николаевна, тоже въ шляпѣ, а у дверей въ почтительной позѣ лакей князя Бориса.

Княгиня разорвала пакетъ и изъ него высыпались другіе конверты, тоже запечатанные, но поменьше.

— Простите, княгиня, что такъ безъ доклада

врываюсь. Это письмо, вѣроятно, отъ вашего сына. И я тоже посломъ отъ него. Онъ захворалъ... довольно серьезно... и вотъ я...

Словно какая-то струна порвалась въ сердцѣ княгини.

— Захворалъ? Когда?

— Сегодня утромъ.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ пріѣхалъ со мной. Тутъ докторъ... онъ тоже...

„Дипломатъ“ окончательно спутался.

— Чѣмъ же онъ боленъ? Говорите прошу васъ.

— Онъ раненъ.

— Раненъ?! Почему? Кто его ранилъ? За что?

— Онъ дрался на дуэли.

— На дуэли? И онъ раненъ? Такъ пойдемте-же къ нему скорѣе. Гдѣ онъ?

Княгиня рванулась. Ксенія Николаевна подошла къ ней и твердо взяла ее подъ руку.

— Успокойтесь, княгиня. Никто какъ Богъ. Больному нельзя показываться въ такомъ видѣ. Это ухудшить его состояніе.

— А рана тяжелая? — съ трудомъ спросила княгиня.

— Не знаю, княгиня. Докторъ сдѣлалъ перевязку наскоро.

— Но живъ-ли онъ?

— Живъ, княгиня.

— Вы, можетъ быть, только утѣшаете меня?

— Даю вамъ частное слово.

— Княгиня,—нѣжно обратилась къ ней Демидова, —мы вотъ съ господиномъ офицеромъ пойдемъ къ вашему сыну, устроимъ его. А вы придите въ себя. подкрѣпитесь. Прочтите эти письма... и я вернусь за вами.

Ксенія Николаевна усадила княгиню и положила ей на колѣни разсыпанныя письма. И княгиня машинально взялась за нихъ.

Между тѣмъ, Демидова и „дипломатъ“ направились на половину князя Бориса.

— Скажите мнѣ откровенно, — дрожащимъ голосомъ спросила молодая дѣвушка, —какъ его рана. бѣдняжки? Опасна?

— Она смертельна,—грустно отвѣтилъ секунданта. Губы Ксеніи Николаевны задрожали.

— Съ кѣмъ несчастный дрался и почему? Я спрашиваю не изъ любопытства. Я должна вѣдь подготовить его мать къ этой печальной вѣсти.

— Князь Батуринъ дрался съ барономъ Ровень. Ксенія Николаевна вскрикнула и заметалась.

— Изъ-за брата?

„Дипломатъ“ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— О, нѣтъ. Баронъ засталъ свою супругу съ княземъ въ ея спальнѣ. Баронъ оскорбилъ князя.

Молодая дѣвушка еле владѣла собой.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Это невозможно! Это было-бы чудовищно. Что-же это за женщина тогда, эта баронесса Ровень?!

XXII.

Тайное вѣнчаніе.

Прошло четыре дня съ послѣдняго свиданія графини Оливіи и Вячеслава Ливскаго, и всѣ эти четыре дня имъ не приходилось встрѣчаться. Велико-возрастная невѣста томилась въ разлукѣ.

Но нужна была осторожность, чтобы не погубить задуманный планъ тайнаго вѣнчанья. И графиня Оливія безвыходно просиживала дома въ ожиданіи вѣсточекъ отъ „жениха“.

Ея родные по нѣсколько разъ въ день вызывали къ телефону Софью Егоровну и каждый разъ получали все болѣе и болѣе утѣшительные отвѣты о возвращающемся благоразуміи графини Оливіи.

Наконецъ, на четвертый день старый графъ Недлеръ рѣшилъ навѣстить свою дочь. Какъ только графиню Оливію извѣстили о визитѣ отца, она поспѣшила устроиться на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ, принявъ позу утомленную и равнодушную.

Графъ Недлеръ окинулъ дочь пытливымъ взглядомъ.

— Здравствуй, дитя мое, какъ ты себя чувствуешь?

— Здравствуйте, папа.

Графиня Оливія порывисто поднялась на встрѣчу отцу, но, словно лишенная силъ, медленно опустилась на подушки.

— Мнѣ нездоровится сегодня. Я столько пережила душевныхъ волненій за эти дни. И я вамъ благодарна, папа, что вы меня образумили. Только и вы будьте снисходительны: пока рана еще свѣжа — не касайтесь ея. Не вспоминайте объ этомъ человѣкѣ, не вспоминайте о моемъ нелѣпомъ, безумномъ желаніи.

Лицо старого графа просіяло, онъ наклонился и поцѣловалъ свою дочь.

— Милое, хорошее дитя.

— Въ моей душѣ шла тяжелая борьба и разумъ побѣдилъ. Это было не легко папа. Но, повторяю, не будемъ вспоминать. Поговоримъ, о чемъ-нибудь другомъ.

— Можетъ быть, ты хочешь прокатиться?

— Нѣтъ, папа, я себя чувствую такою слабою.

Незамѣтно бесѣда перешла на отвлеченные предметы и графъ-отецъ уѣхалъ успокоенный.

Всѣ эти дни онъ былъ мрачный и задумчивый, сыну было скучно высидѣть съ нимъ завтракъ или обѣдъ. Но сегодня отецъ обрадовалъ сына веселымъ, довольнымъ настроеніемъ.

— Что-нибудь новое, папа?

— Новое и очень хорошее. Сейчасъ я просидѣлъ цѣлыхъ два часа у Оливіи. Бѣдняжка всѣ эти дни не выходила изъ дому и чувствуетъ себя больной и слабой. Ея стойкая душа выдержала тяжелую душевную борьбу съ охватившей ее слабостью. Моя Оливія не могла остаться побѣжденной въ этой борьбѣ; я снова нашелъ свою дочь, которую чуть было не потерялъ.

— А что говоритъ Софья Егоровна?—недовѣрчиво спросилъ графъ-сынъ.

— Софья Егоровна лишь подтвердила слова Оливіи.

Теперь и недовѣрчивый взглядъ графа Вильгельма прояснился.

— Мы можемъ протянуть другъ другу руки и поздравить съ благополучнымъ окончаніемъ исторіи,

грозившей намъ не малыми бѣдами. Захвативъ въ свои руки Оливію, этотъ экспроприаторъ далъ-бы намъ почувствовать свои когти. Мою гордую сестру онъ довелъ-бы, пожалуй, до отчаянія, до самоубійства.

И въ то же время, когда родные графини Оливіи радовались ея спасенію отъ охватившей ее безумной страсти, сама она томила въ нетерпѣливой неизвѣстности. Каждый день аккуратно Вячеславъ Ливскій справлялся о здоровьѣ своей „невѣсты“ по телефону, говорилъ ей нѣсколько словъ любви и просилъ „немного подождать“. Не все еще готово къ вѣнчанію, но срокъ онъ во всякомъ случаѣ не пропуститъ, тотъ недѣльный срокъ, который дали родные графинѣ Оливіи „на размышленіе“.

Графиня Оливія сообщила возлюбленному результатъ своей хитрости. Теперь ей попрежнему вѣрять и уйти ей изъ дому очень легко.

И вотъ, наконецъ, еще черезъ два дня Вячеславъ Ливскій торопливо сообщилъ Софьѣ Егоровнѣ, что сегодня они обязательно должны пріѣхать къ нему въ наемной каретѣ къ 8 часамъ вечера, не опаздывая ни минуты.

Лихорадочная дрожь охватила графиню Оливію. Что дѣлать? Не надо-ли ей купить себѣ немедленно хотя-бы готовое бѣлое платье? Можетъ цвѣты? Фату?

Софья Егоровна успокоила порывъ невѣсты.

— Разъ вѣнчаніе тайное, не надо навлекать подозрѣній. Одѣться слѣдуетъ какъ всегда, до вечера не выѣзжать изъ дома. А то подстерегутъ и потомъ въ нужную минуту не выбераться. Лучше уже за минуту до отъѣзда съ папашей поговорить по телефону.

До вечера время медленно тянулось. Каждая пять минутъ графиня Оливія смотрѣла на часы. Обѣдать она не могла. Уже съ 7 часовъ она одѣлась и сидѣла въ шляпѣ.

Такъ въ шляпѣ въ 7 часовъ она подошла къ телефону и попросила номеръ своего отца. Ее соединили.

Графъ былъ дома одинъ, къ счастью графини Оливіи, братъ ея уже уѣхалъ куда-то, а то ему навѣрно показался-бы подозрительнымъ этотъ звонокъ по телефону.

— Это вы, папа?

— Я, дорогая Оливія...

— Папа, такъ взгрустнулось немного... Хотѣлось сказать вамъ два-три ласковыхъ слова...

— Можетъ быть заѣхать къ тебѣ, Оливія. Я свободенъ.

— Нѣтъ, папа... Я сейчасъ приму ванну, выпью брома и лягу спать...

— Ну, какъ знаешь... Всего хорошаго, дѣтка.

Графиня Оливія повѣсила трубку и стала поспѣшно одѣваться. Софья Егоровна уже стояла въ шубѣ...

Ровно въ восемь графиня и компаньонка уже стояли у подъѣзда Ливскаго. Самъ Вячеславъ открылъ имъ дверь.

— Наконецъ-то я вижу тебя, моя дорогая невѣста. Нельзя терять ни одного мгновенія, пойдемъ. Я познакомлю тебя съ моей кузиной... Она нарочно пріѣхала, чтобы быть на нашей свадьбѣ. Это—знатная, богатая дама она очень любитъ меня. Будь къ ней внимательна.

— О, непременно... А больше никого?

— Еще одинъ мой товарищъ, онъ бѣднякъ и не нашего круга, но я взялъ его свидѣтелемъ, потому что онъ преданъ мнѣ. Пойдемъ же, пойдемъ.

— А гдѣ мы будемъ вѣнчаться?

Онъ нахмурился.

— Допросъ? Недовѣріе? Будущему мужу надо по-виноваться.

Графиня Оливія быстро наклонилась и поднесла его руку къ губамъ.

— Зачѣмъ, дорогая!.. Здравствуйте, Софья Егоровна. Простите, что до сихъ поръ не привѣтствовалъ васъ.

Всѣ трое направились въ столовую, гдѣ уже возсѣдала въ elegantномъ, строгомъ туалетѣ Юстина Пецынская, и рядомъ съ нею какой то неизвѣстный господинъ, высокій, плотный, рыжеватый... На немъ былъ скюртукъ, но носилъ онъ его неумѣло... Красныя руки выдавали его простое происхожденіе.

Юстина Пецынская аффектированно пошла навстрѣчу „невѣстѣ“, и даже простерла ей объятія.

— Дорогая кузиночка, вотъ моя невѣста графиня Оливія Оттоновна Недлеръ. А это — моя дорогая ку-

зиночка, тоже графиня, Юстина Сагнушко; тебѣ, конечно, знакомо это древнее имя. Но, какъ родственницы, вы можете звать другъ друга по именамъ.

Дамы поцѣловались. Только, конечно, графиня Оливія цѣловала Юстину отъ всего сердца, а мнимая графиня Сангушко свою соперницу съ отвращеніемъ и ненавистью.

— Теперь позволь мнѣ представить, Оливія, моего друга Казимира Бездомнаго, онъ любезно согласился быть свидѣтелемъ на нашей скромной свадьбѣ.

Казимиръ Бездомный неуклюже раскланялся. Но графиня Оливія готова была любить и этого демократа, и съ большой ажитацией протянула ему руку.

— Не будемъ терять времени, пора... Время для насъ драгоцѣнно.

Съ этими словами Вячеславъ Ливскій предложилъ руку своей невѣстѣ и направился въ переднюю. Остальные послѣдовали за ними.

Всѣ четверо усѣлись въ объемистую карету и тронулись въ путь.

Если бы графиня Оливія заглянула въ лицо кучера, она навѣрно узнала-бы страшнаго лакея Вячеслава Ливскаго. Онъ былъ мертвенно блѣденъ, расширенные глаза его смотрѣли неопредѣленно, но руки твердо и увѣренно направляли лошадей.

Въ бесѣдѣ, время шло незамѣтно и, наконецъ, карета остановилась.

Графиня Оливія бросила разсѣянный взглядъ. Незнакомая мѣстность. Два, три деревянныхъ дома. Карета остановилась передъ большими воротами. Графиня Оливія смѣло прошла въ ворота объ руку съ женихомъ, вошла въ первую дверь направо, поднялась по каменной лѣстницѣ въ широкую переднюю.

Здѣсь Вячеславъ Ливскій помогъ ей снять ротонду и раздѣлся самъ. Ихъ примѣру послѣдовали Юстина и Бездомный.

Вячеславъ торжественно предложилъ руку графинѣ Оливіи. Какой-то невзрачный человѣкъ распахнулъ дверь, и они очутились въ лютеранской домашней церкви.

Патеръ уже ждалъ ихъ. Это былъ никто иной, какъ Стефанъ Чипчирацкій.

Вѣнчаніе по лютеранскому обряду было совер-

шено, и невѣста и женихъ, а также свидѣтели расписались въ церковной книгѣ. Затѣмъ ихъ попросили подождать немного... и патеръ вскорѣ-же выдалъ имъ брачное свидѣтельство съ печатью.

— Я просилъ, чтобы все приготовили заранѣе,—объяснилъ молодой женѣ эту скорость Вячеславъ Ливскій.

Патеръ былъ приглашенъ на ужинъ къ молодымъ. И снова карета тронулась, теперь уже въ обратный путь съ новымъ пассажиромъ—патеромъ.

Графиня Оливія съ непонятнымъ страхомъ вглядывалась въ лицо патера. Безъ усовъ и бороды Стефанъ правда былъ немного страненъ. На блѣдномъ лицѣ его горѣли громадныя глаза и выдѣлялся чувственный яркій ротъ.

Дома ждалъ ужинъ.

Всѣ разошлись. Угощались на славу и шампанское лилось рѣкой. Тосты въ честь молодыхъ говорились самые горячіе.

Наконецъ, всталъ Вячеславъ Ливскій.

— Благодарю, друзья. Этотъ день для меня счастливѣйшій. Я нашелъ себѣ подругу жизни. Она гордая, знатная, богатая графиня, пошла слѣдомъ за мной, безвѣстнымъ искателемъ приключеній. Но, она вознаграждена, скоро она узнаетъ, что мое происхожденіе еще выше, чѣмъ ея. Если она, графиня, то я свѣтлѣйшій князь. И вотъ поздравительныя телеграммы отъ разныхъ лицъ, очень высокостоящихъ въ той странѣ, гдѣ скоро я буду однимъ изъ первыхъ.

Гости казались ошеломленными открытіемъ, но вѣрила ему только Оливія.

XXIII.

У постели умирающаго.

Въ роскошномъ домѣ князей Батуриныхъ угасаль смертельно раненый на дуэли старшій сынъ Борисъ.

Онъ лежалъ въ полутемной спальнѣ на широкой постели въ забытіи. Минутами онъ приходилъ въ себя,

но скоро снова погружался въ безпамятство. Въ бреду мелькали имена разныхъ лицъ, присутствовавшихъ на дуэли, и никому неизвѣстное имя Вячеслава Ливскаго, черного мага.

Княгиня-мать, цѣлыми часами просиживая у постели, прислушивалась къ непонятному бреду.

Знаменитые доктора дежурили у постели князя, но надежды не было.

Особенно удрученнымъ казался князь-отецъ.

— Спасите мнѣ сына,—повторялъ онъ поочередно всѣмъ докторамъ, и слезы такъ и лились изъ его голубыхъ глазъ.

Ксенія Николаевна Демидова помогала княгинѣ въ уходѣ за больнымъ и все тѣснѣе сближалась съ гордой женщиной.

Однажды, когда княгиня прилегла отдохнуть и ее замѣнила у постели князя Бориса Ксенія Николаевна, больной очнулся отъ забытья и тихо позвалъ:

— Мама.

Надъ нимъ наклонилось милое личико Ксеніи Николаевны.

— Мама легла отдохнуть, она очень устала.

Онъ схватился за голову и страдальчески нахмурился, что-то мучительно вспоминая.

— Я раненъ. Я умираю.

— Господь съ вами.

— Я умираю,—болѣзненно, но настойчиво повторилъ онъ.— Но вѣдь я не долженъ былъ быть раненъ. Гдѣ моя ладонка? Или магъ обманулъ меня? А баронъ — онъ мертвъ, конечно?

Ксенія Николаевна молчала. Ей подумалось, что больной снова бредитъ.

— Скажите мнѣ,—настойчиво допытывался князь, —баронъ Ровень убить?

— Слава Богу, нѣтъ...

Больной съ отчаяніемъ схватился за голову...

— Живъ, живъ! Значить, я обманутъ, попался въ ловушку... Онъ живъ, а я умираю... Проклятый магъ обманулъ меня. Барону—мое счастье, а мнѣ—могила... Гдѣ-же она? Гдѣ Claudine?.. Вѣдь знаетъ-же она, что любимый человѣкъ умираетъ. Или онъ заперъ ее, извергъ, и не выпускаетъ изъ своихъ когтей... О, Claudine, Claudine...

Онъ застоналъ.

— Да отвѣчайте-же что-нибудь... не молчите, умоляю васъ.

Что могла она говорить ему? Страшная догадка, мелькавшая въ ея мозгу, такъ и оставалась «догадкой».

— Позовите маму...

— Я позову ее, князь... Только не говорите ей ничего. Она такъ убита, такъ разстроена, она такъ любить васъ.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Любить меня!.. Нѣтъ, не меня, а брата Мишу. Если-бъ Миша лежалъ на моемъ мѣстѣ, теперь-бы она сидѣла здѣсь. Но я, я... Меня можно отдавать на попечение чужихъ.

— Умоляю васъ, не говорите съ нею такъ. Она просиживаетъ ночи у вашей постели, она, обезсиленная, прилегла только на часъ. Она прочла ваше письмо и оно такъ подѣйствовало на нее... повернуло всю ея душу. Пожалуйте ее...

Вошла княгиня-мать и Ксенія Николаевна смолкла.

— Мама!—настойчиво повторилъ больной.

Она подошла къ нему и нѣжно коснулась губами его пылавшаго лба.

— Тише, мой мальчикъ, тебѣ вредно говорить.

Онъ съ удивленіемъ вслушивался въ голосъ матери,—раньше для него въ ея голосъ не звучали эти нѣжныя нотки любви.

— Мама, я хочу поговорить съ вами наединѣ.

Но Ксеніи уже не было.

— Мы одни, дорогой... Только, умоляю, береги свои силы, говори какъ можно тише.

— Ты послала телеграмму брату?

— Да, и получила отвѣтъ... Твой братъ немедленно выѣхалъ и будетъ завтра утромъ. Твое желаніе исполнено.

Наступило короткое молчаніе.

— А письмо мое ты прочтала, мама? — вдругъ робко и тихо спросилъ больной.

Она наклонилась и прижалась губами къ его исхудалымъ, горячимъ рукамъ.

— Мама!

— Мое милое, родное дитя. Я все прочтала и все поняла. Я знаю, что всегда тебя любила такъ-же,

какъ и Мишу, но я думала, что люблю его больше. Онъ былъ и болѣе красивый, и болѣе смѣлый и, наконецъ, младшій. Простишь-ли ты меня?

— Дай твою руку, моя милая красавица-мама. Я боготворилъ тебя всегда и буду боготворить до послѣдней минуты. Она близка, эта минута.

Съ порывомъ отчаянія она возразила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты будешь жить, я такъ хочу! Твоя молодость, мои молитвы, искусство врачей, неужели это все не спасетъ тебя? Но только ради всего святого молчи теперь, не говори.

И опять больной тихо и ласково позвалъ:

— Мама... Священника. Если я и останусь жить, то мнѣ легче будетъ хворать, если я облегчу свою душу.

— Какіе-же у тебя могутъ быть грѣхи, дитя мое? Ты такой скромный, чистый и добрый.

— О, мама, — стономъ вырвалось изъ его устъ, — за послѣдніе дни я осквернилъ свою душу.

Его слова начали переходить въ бредъ.

— Безумная страсть меня охватила... Я отдалъ душу дьяволу, проклятая ладонка погубила меня. Она жжетъ мое сердце. Возми ее, возьми.

Больной метался и стоналъ.

— Claudine, ты меня обманула. Ты никогда меня не любила. Не прикасайся ко мнѣ своими ледяными руками, оставь меня, оставь,

Растерянная княгиня бросилась къ врачу.

— Сейчасъ онъ разговаривалъ такъ здраво, а теперь опять бредить. Онъ просилъ священника. Что дѣлать, докторъ, что дѣлать?

Профессоръ медленно подошелъ къ больному, пристально посмотрѣлъ на него, коснулся цылающаго лба и неутѣшительно покачалъ головой.

— Пригласите священника. Можетъ быть, онъ еще придетъ въ себя.

— Ему хуже, да? Скажите, хуже? — металась несчастная мать.

— Ему не хуже, княгиня... но...

— А надежда?

Профессоръ пожалъ плечами.

— Я пропишу капли, вы дадите ихъ больному. Одновременно посылайте за священникомъ, разъ это воля

больного. Онъ исповѣдуется, нервы его успокоятся и тогда можетъ стать ему лучше. До завтра, княгиня.

Профессоръ уѣхалъ, а княгиня послала за каплями. Какъ только ихъ принесли, она собственно-ручно дала ихъ сыну и велѣла пригласить священника.

Пріемъ капель чудодѣйственно повліялъ на больного, онъ очнулся, хотя тѣло его продолжало горѣть, какъ въ огнѣ.

— Священникъ здѣсь? — былъ его первый вопросъ, и когда онъ узналъ, что можно приступить къ исповѣди, лицо его просіяло.

Исповѣдь длилась около часа, и когда священникъ простился и покинулъ комнату больного, лицо князя Бориса сіяло счастливой улыбкой.

— Мама, дай мнѣ руку.

Онъ поцѣловалъ руку матери.

— Я прощенъ, мама. Я очистился отъ грѣховъ.

Вскорѣ постель больного окружили все любящія, ласковыя лица: мать, отецъ и Ксенія Николаевна

— Не хватаетъ только Миши,

Больному не позволяли разговаривать и каждый старался сказать ему что-нибудь ласковое, ободряющее.

Но постепенно его блаженное состояніе начало смѣняться забытѣемъ. Сграшные призраки окружили постель больного.

Опять съ устъ его срывались слова: черный магъ, проклятый талисманъ, роковая страсть, обманщица Claudine.

Родные притихли и пригорюнились у его постели.

Бредъ усиливался. Больной вскакивалъ, боролся съ призраками, стоналъ. Наконецъ, обезсиленный, онъ упалъ на подушки и началась медленная агонія.

Были созваны врачи, профессора.

Но что могли сдѣлать смертныя судьбы, предназначенной Безсмертнымъ?

Въ три часа ночи князь Борисъ Сергѣевичъ Батуринъ, старшій сынъ богатѣйшаго и знатнѣйшаго рода, скончался, оставляя единственнымъ наслѣдникомъ и продолжителемъ рода князя Михаила Сергѣевича Батурина.

— Скончался, — тихо сказала склонившійся надъ нимъ профессоръ.

— Скончался, -- набожно повторила Ксенія Николаевна, крестясь и заливаясь слезами.

— Скончался... скончался, — прошепталъ старикъ-отецъ и глухія рыданія потрясли его грудь.

Только княгиня-мать ничего не сказала: она большими расширенными ужасомъ глазами поглядѣла на своего старшаго безмолвнаго сына, схватилась за сердце и, какъ снопъ, свалилась у его кровати.

Безчувственную княгиню перенесли въ ея спальню, и тамъ врачъ и Ксенія Демидова послѣ долгихъ усилій, наконецъ, привели ее въ себя.

Первымъ ея словомъ было имя ея старшаго сына:

— Борисъ!

И страшныя слезы, слезы горя и отчаянія полились съ ея глазъ цѣлымъ потокомъ и тѣло ея вздрагивало отъ мучительныхъ рыданій.

— Мой сынъ, мой бѣдный сынъ!

XXIV.

Обманъ открытъ.

„Брачный“ пиръ длился до двухъ часовъ ночи. Много самыхъ рѣшительныхъ, но и самыхъ заманчивыхъ рѣчей говорилъ Вячеславъ Ливскій. Его намеки на его почти царское происхожденіе были болѣе чѣмъ прозрачны.

Восхищенными горящими глазами смотрѣла на своего „мужа“, графиня Оливія. Гордая графиня готова была кинуться къ ногамъ искателя приключеній и цѣловать эти ноги.

Наконецъ, немногочисленные гости разошлись. Однимъ взглядомъ Вячеславъ Ливскій усыпилъ Оливію.

Такъ, въ гипнотическомъ снѣ, онъ заставилъ ее раздѣться и внушилъ ей то, что она должна будетъ сдѣлать на слѣдующій день. Изъ гипнотическаго сна онъ ей приказалъ перейти въ естественный и покинулъ спальню, чтобы пойти переговорить со своими сообщниками.

Стефанъ Чипчирацкій и Юстина Пецынская веселымъ смѣхомъ встрѣтили „молодого“.

— Охъ, и будетъ-же тебѣ, Вячеславъ, когда она со своими папенькой и братцемъ узнаетъ правду.

— Перестань, Юстина!

Стефанъ все еще въ своемъ одѣяніи патера производилъ какое-то странное, непріятное впечатлѣніе своимъ блѣднымъ лицомъ, громадными, горящими глазами и яркимъ чувственнымъ ртомъ.

— А я съ тобой хотѣлъ переговорить о дѣлѣ, Вячеславъ.

Вячеславъ Ливскій опустился въ кресло и закурилъ сигаретку.

— Говори, — сквозь зубы пропустилъ онъ.

— Я сдѣлалъ тебѣ много услугъ, Вячеславъ; вѣдь съ моей помощью ты довелъ свое грандіозное предприятие до конца, но... — Стефанъ запнулся подъ острымъ взглядомъ Вячеслава.

— Дальше, — тѣмъ же тономъ сквозь зубы, пропустилъ Вячеславъ Ливскій.

Стефанъ набрался смѣлости. Надо же когда-нибудь выяснить настоящее положеніе вещей.

— Ты получаешь очень хорошіе доходы, твои карманы наполняются не по днямъ, а по часамъ. Мы же съ Юстиной только смотримъ, помогаемъ и ничего не получаемъ. А между тѣмъ, Юстина, кромѣ нравственной и дѣловой помощи, снабдила тебя деньгами. Выясни же намъ наше матеріальное положеніе въ твоёмъ домѣ. Получаемъ-ли мы какіе-нибудь проценты съ твоихъ доходовъ или живемъ у тебя изъ милости?

Вячеславъ потушилъ сигаретку и сердито бросилъ ее въ сторону.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, — вы, мои союзники, желаете выяснить, чѣмъ я плачу за ваши услуги? Или вамъ чего-нибудь не хватаетъ въ моемъ домѣ? Или мой домъ не полная чаша? Или вы слышали отъ меня отказъ въ самыхъ прихотливыхъ своихъ желаніяхъ? Какого-же рожна, съ позволенія сказать, вы еще отъ меня хотите?

Глаза Вячеслава загорѣлись искорками гнѣва и недовольства.

— Вячеславъ, дорогой, это все онъ, — робко за-

говорила Юстина. — Я лично ничего не хочу, кромѣ твоей любви и угла подъ твоимъ крылышкомъ.

Вячеславъ рѣзко оттолкнулъ ея ласково протянутую руку и, устремивъ взглядъ на Стефана, внушительно проговорилъ:

— Смотри, Стефанъ, не играй огнемъ, — ты вѣдь знаешь мою силу. Мнѣ твои услуги не больно-то нужны. Я сумѣю обойтись и безъ нихъ, — люди, какъ мухи, засыпаютъ подъ силой моего взгляда. Берегись, Стефанъ, второй разъ я такъ откровенно тебя предупредить не буду.

Вячеславъ круто повернулся къ двери и скрылся за нею. Юстина, взволнованная его недовольствомъ, побѣжала за нимъ.

Стефанъ Чипчирацкій остался одинъ. Онъ съ угрозой посмотрѣлъ вслѣдъ Вячеславу и глаза его сверкнули.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что предупредилъ меня, дорогой другъ, — со злобой шепталъ онъ, — да, я знаю твою силу и буду дѣйствовать осторожно. Я знаю твою силу, но знаю и твои слабыя мѣста. Все равно, разъ я попалъ въ твои когти, я погибну, такъ ужъ будемъ тонуть вмѣстѣ. Если-бъ ты зналъ, какую особу я выслѣдилъ недавно, — ты навѣрно не сталъ бы говорить со мной съ такой наглою откровенностью.

И всю эту ночь Стефанъ Чипчирацкій не могъ заснуть, — онъ обдумывалъ планъ своего мщенія и гибели Вячеслава. Мудрый черный магъ все-таки былъ плохимъ психологомъ.

— Эту ночь Вячеславъ провелъ въ комнатѣ Юстины. Конечно, молодая женщина была безъ ума отъ счастья.

Но рано утромъ Вячеславъ всталъ и перешелъ въ пріемную комнату, готовясь къ пріему „паціентовъ“.

Оливія проснулась одна въ своей новой спальнѣ. Ощущеніе райскаго блаженства охватило все ея существо при мысли, что она законная жена горячо-любимаго человѣка, что она не ошиблась въ его идеальной порядочности и ничего не было безрасуднаго въ ея поступкѣ, когда она такъ сразу отдалась ему, безъ размышлений, по инстинкту сердца.

На звонокъ Оливіи появилась горничная и по-

чему-то ее сопровождала очаровательная кузина Вячеслава, „графиня“ Юстина Сангушко.

— Ахъ, простите, я заспалась и еще не одѣта.

— Какія церемоніи между близкими родственниками?! Я помогу вамъ, милая Оливія. Видите, я уже не могу васъ называть „графиней“, но я знаю, что скоро мнѣ придется васъ называть „свѣтлостью“.

Счастливая улыбка засіяла на губахъ Оливіи. Не ради себя радовалась она этому будущему громкому титулу, а ради своихъ снобовъ-родныхъ.

Тогда ужъ одни не будутъ упрекать ее, называя ее мужа „шарлатаномъ“ и „искателемъ приключеній“.

„Графиня“ Юстина оказалась энергичной, хорошей хозяйкой и веселой собесѣдницей.

Цѣлыхъ два часа пролетѣли незамѣтно въ ея обществѣ.

— Видите, какая вы умная женщина, — не мѣшаете муженьку заниматься работой. Ну, да скоро этой работѣ также придетъ конецъ. Когда онъ будетъ признанъ на своей родинѣ, какъ свѣтлѣйшій князь, ему возвратятся и всѣ богатства, присущія его имени.

Но вдругъ Оливія неожиданно поднялась.

— Я должна написать... Да, я должна написать.. Дайте мнѣ скорѣе чернило, перо и бумагу.

Юстина сообразила, что тутъ дѣло не безъ Вячеслава, и поспѣшила усадить Оливію къ письменному столу.

И Оливія написала отцу:

„Дорогой, возлюбленный отецъ. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось обмануть тебя, но я слѣдовала влеченію добра, влеченію сердца, и наконецъ, я покорялась необходимости. Прости свою дочь, которая на колѣняхъ молить тебя объ этомъ прощеніи. Вчера вечеромъ я обвѣнчалась тайно съ человѣкомъ, котораго люблю и котораго ты не хотѣлъ признавать. Скоро ты узнаешь, кто онъ, и тогда уже не будешь называть его „шарлатаномъ“. Мой мужъ (какъ сладко это звучитъ, отецъ) принадлежитъ къ старинному, знатнѣйшему роду... не русскому, конечно. Скоро онъ будетъ очень знатенъ и богатъ. Но я бы хотѣла, чтобы ты полюбилъ его не за знатность и богатство, а за то, за что полюбила его я: за его чистую душу, за его пре-

красное, благородное сердце. Сообщи, дорогой отецъ, когда мой мужъ и я можемъ навѣстить тебя, чтобы съ почтеніемъ поцѣловать твою дорогую руку. Преданная дочь твоя.

Оливія Ливская“

Письмо была запечатано и Оливія очень торопилась отправить его.

Къ завтраку, и Вячеславъ появился въ столовой. „О, если-бъ видѣлъ мой отецъ, какъ этотъ чело-вѣкъ почтительно и нѣжно поцѣловалъ мою руку“ — невольно подумала Оливія.

— Мы тутъ не знаемъ, какъ отправить письмо графу Недлеръ, милый Вячеславъ, — обратилась къ Ливскому Юстина.

Вячеславъ задумался.

— Вотъ что, — мы пошлемъ письмо съ моимъ лакеемъ. Онъ намъ точно передастъ впечатлѣніе, которое произведетъ это письмо, и само собой передастъ намъ отвѣтъ моего тестя.

Странный лакей, послѣ предварительнаго внушенія, сдѣланнаго ему хозяиномъ, отправился съ письмомъ къ графу Недлеръ.

Въ домѣ графа еще ничего не знали объ исчезновеніи Оливіи. Хотя отецъ и справлялся утромъ о здоровьи дочери, но Софья Егоровна очень ловко отвѣтила, что эту ночь графиню Оливію мучили головныя боли и теперь она заснула.

— Можетъ быть, графъ, прикажетъ потревожить и разбудить графиню Оливію? — хитро спросила дипломатка.

Но, конечно, отецъ не пожелалъ беспокоить больную, отдохавшую дочь и спокойно отправился завтракать. Онъ предпочиталъ головныя боли дочери — ея любовнымъ увлеченіямъ. Когда графъ Недлеръ послѣ завтрака, принялся за свой любимый черный кофе, — ему подали запечатанное письмо хорошо знакомымъ почеркомъ дочери.

— Просятъ отвѣта.

— Это отъ Оливіи, — отвѣтилъ старый графъ на вопросительный взглядъ сына. — Не захворала-ли бѣдняжка? Всю эту ночь ей не спалось.

Конвертъ былъ разорванъ и, по мѣрѣ того, какъ

глаза стараго графа пробѣгали строки посланія, лицо его блѣднѣло и хмурилось.

— Проклятіе! Она меня обманула!

Онъ скомкалъ письмо и швырнулъ его на столъ.

Графъ Вильгельмъ подобралъ его и прочелъ.

— Все кончено, — сказалъ онъ упавшимъ голосомъ. — Несчастная попалась въ капканъ и мы тоже теперь въ когтяхъ этого „шарлатана“.

Старый графъ нѣсколько разъ быстро прошелся по комнатѣ, какъ-бы желая овладѣть собой.

Когда онъ остановился передъ сыномъ, лицо его было гордо и холодно, а въ глазахъ читалось нескрываемое презрѣніе.

— Мы?—въ когтяхъ этого шарлатана? Никогда? Теперь Оливія отрѣзанный ломоть, она больше не принадлежитъ къ нашему роду. Она намъ чужая. Ты увидишь сейчасъ, какъ я расправлюсь съ ея посланцемъ.

Онъ позвонилъ.

— Позовите принесшаго это письмо сюда.

Знаменитый лакей Вячеслава Ливскаго предсталъ передъ глазами графовъ Недлеръ. Его странное, блѣдное лицо и мертвый взглядъ произвели должное впечатлѣніе,—отецъ и сынъ переглянулись.

— Вы должны передать мой отвѣтъ моей дочери?

— Я долженъ передать отвѣтъ, — монотонно повторилъ лакей.

— У васъ память хорошая?

— У меня хорошая память.

— Скажите ей, что съ этой минуты я больше не считаю ее своею дочерью. Я не желаю ее видѣть, она умерла для меня. Я даже знать не желаю, гдѣ будетъ она и что съ ней будетъ творится. А если, этотъ негодяй, Вячеславъ Ливскій осмѣлится перешагнуть порогъ моего дома, я велю лакеямъ схватить его за шиворотъ и выбросить на улицу. Госпожа Оливія Ливская знаетъ меня хорошо, — она знаетъ, что я никогда не мѣняю своего рѣшенія и въ словѣ своемъ твердъ. Вы запомнили?

— Я запомнилъ.

— Можете идти и больше никогда не возвращайтесь въ мой домъ.

Невозмутимый посланецъ низко поклонился, повернулся и вышелъ изъ столовой.

Графъ Вильгельмъ подошелъ къ отцу.

— Неужели тебѣ не жаль ея, отецъ?

— Если ты хочешь остаться моимъ другомъ, какъ былъ до сихъ поръ, — никогда не говори мнѣ больше о ней. Я вырву ее изъ своего сердца, какъ вырываютъ плевелы.

Между тѣмъ посланецъ Оливіи вернулся обратно. Какъ автоматъ, безъ малѣйшаго измѣненія онъ повторилъ слова графа Недлеръ.

— Хороши твои родители! — не умѣя сдержать своего бѣшенства, воскликнулъ Вячеславъ.

Графиня Оливія заливалась слезами.

А Вячеславъ ходилъ по комнатѣ и думалъ:

„Нѣтъ, видно не попасть мнѣ въ большой свѣтъ черезъ эту дуру. Надо хоть капиталомъ ея воспользоваться, выжать всѣ соки изъ лимона и потомъ выбросить его... Меня! За шиворотъ и на улицу! И знатный графъ думаетъ, что я прощу ему эти слова. О, кровавыми слезами заплатитъ онъ мнѣ за это оскорбленіе. Онъ думаетъ, что она уже не носить его фамиліи. Какъ-бы не такъ! Опозоренная и нищая вернется графиня Недлеръ къ порогу твоего отца.“

XXV.

Вернулся.

Съ десятичасовымъ утреннимъ поѣздомъ пріѣхалъ въ Петербургъ князь Михаилъ Сергѣевичъ Батуриный. Молодой человѣкъ былъ страшно удивленъ, что, несмотря на его телеграмму, никто изъ домашнихъ и даже никто изъ слугъ не встрѣтилъ его.

Онъ передалъ носильщику свой маленькій чемоданчикъ и вышелъ на улицу. Увы! и тамъ его не ждалъ знакомый экипажъ съ фамильнымъ гербомъ.

Пришлось нанять извозчика. Тревожныя думы строились въ головѣ князя Михаила. Можетъ быть, его телеграмма не дошла и бѣдный больной братикъ теперь безпокоится?

Мысль, что этого братика уже нѣтъ на свѣтѣ,

даже не приходила ему въ голову. Знакомыя всѣмъ намъ, покидавшихъ на мѣсяцы родную страну, чувства радостнаго благоговѣнія охватили князя Михаила. Особенно сильно забилося его сердце, когда онъ издали замѣтилъ очертанія родительскаго дома.

Быстро подкативъ къ подъѣзду, не ожидая выхода швейцара, онъ соскочилъ и распахнулъ дверь.

Сразу чѣмъ-то незнакомымъ и суровымъ повѣяло отъ этихъ знакомыхъ стѣнъ.

Черное сукно застилало полы и стѣны, зеркала и бронза были прикрыты густой бѣлой кисеей. Трауръ, глубокий трауръ.

Что-бы это могло быть? Молодой человѣкъ растерялся.

Вотъ показалось блѣдное, заплаканное лицо старика швейцара.

— Батюшка, князь!.. На горе вы пріѣхали...

И старикъ громко разрыдался.

Страшная догадка мелькнула въ головѣ князя Михаила.

— Братъ?.. Что съ нимъ?.. Неужели?..

— Умеръ, батюшка князь, умеръ нашъ соколикъ, умеръ нашъ старшенькій... Убили его недруги, убили золотого... Какой вѣдь былъ!.. Какъ сейчасъ мальчикомъ его помню... Тихонькій да ласковый такой былъ... На глазахъ моихъ и родился. И любилъ я его соколика...

Долго-бы еще причитывалъ старый слуга, да князь Михаилъ слушать его не сталъ. Быстро сбросилъ онъ шинель и блѣдный, какъ смерть, поднялся по лѣстницѣ.

Вѣсть о пріѣздѣ младшаго, а теперь и единственнаго, сына облетѣла весь домъ и многочисленная княжеская челядь попадалась ему на пути, предлагая услуги.

Но князь Михаилъ прямо пошелъ въ кабинетъ отца. Старый князь сидѣлъ у стола, опустивъ голову на руки въ глубокой думѣ. Онъ не шелохнулся, когда вошелъ его младшій сынъ,—онъ не слышалъ ни стука двери, ни шороха шаговъ.

— Папа...

Теперь старикъ князь вздрогнулъ, повернулся къ младшему сыну, обнялъ его и двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ.

— Ты мой послѣдній, ты мой единственный...

Послѣ первыхъ привѣтствій и взаимно выраженной печали князь Михаилъ спросилъ:

— Въ чемъ-же дѣло, отецъ? Какъ могло это случиться? Бѣдный братикъ всегда такой скромный, всегда уединявшійся, какъ могъ онъ попасть въ исторію окончившуюся дуэлью?!

— И для меня пока это тайна. Мы доберемся до сути, конечно. Но теперь развѣ это не все равно? Развѣ мы вернемъ нашего Борю?

— Это вѣрно, папа, только... все-таки хотѣлось-бы знать, знать правду.

Старый князь показалъ сыну письмо, оставленное ему покойнымъ. Тотъ прочелъ.

— Ты видишь, въ этомъ письмѣ онъ мнѣ ничего не объясняетъ, онъ только проситъ сообщить тебѣ телеграммой въ случаѣ печальнаго исхода дуэли... А вотъ еще письмо на твое имя. Оно еще не распечатано, прочти его, можетъ быть, тутъ прольется свѣтъ на всю эту непонятную, ужасную исторію.

Князь Михаилъ прочелъ и это письмо.

— Нѣтъ, папа. Здѣсь онъ сообщаетъ мнѣ о дуэли и о своемъ желаніи увидѣть меня передъ смертью. Увы, я поспѣлъ только для того, чтобы проводить его трупъ.

Князь Михаилъ подавилъ слезы.

— А мама?

— Княгиня такъ близко приняла къ сердцу смерть сына, я даже не думалъ, что она такъ его любила.

— Когда-же панихида?

— Первая назначена въ два часа... Пройдемъ къ покойному. Онъ уже убранъ и лежитъ въ большомъ портретномъ залѣ.

Объ руку съ сыномъ князь направился въ портретный залъ. Тамъ, на большомъ столѣ, усыпанный цвѣтами, лежалъ заснувшій послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ старшій Батуринъ.

Отецъ и сынъ благоговѣйно преклонили колѣна.

Помолившись отъ всей души, князь Михаилъ коснулся губами сложенныхъ на груди рукъ усопшаго. Глаза князя Михаила были увлажнены слезами.

Какой онъ лежитъ, братикъ Боря, спокойный,

кроткій, словно заснулъ онъ съ улыбкой на устахъ, словно въ послѣднія мгновенья его окружали золотыя грезы.

Князь Михаилъ глубоко задумался у трупа брата и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда чья-то рука опустилась на его руку.

— Здравствуйте, дорогой Миша.

Эти слова произнесъ нѣжный, сочувствующій голосъ Ксеніи Николаевны и взглядъ князя Михаила встрѣтился съ ея чистымъ, свѣтлымъ взоромъ.

Во взорѣ Ксеніи Николаевны сквозь грусть ужасной потери сіяла безумная радость свиданія съ любимымъ человѣкомъ.

— Здравствуйте, Ксенія, дорогой другъ. Вотъ какъ печально пришлось мнѣ встрѣтиться съ братомъ, Думаль-ли я объ этомъ, когда уѣзжалъ? Могъ-ли я предполагать, что безъ меня совершиться такой ужасъ? Надо было мнѣ оставаться здѣсь, я бы навѣрно помѣшалъ этой безразсудной дуэли. Но причина ея?.. Знаете-ли вы эту причину, Ксенія?

— А вы ее знаете?—спросила она съ удареніемъ.

— Нѣтъ...

— Такъ я знаю и все вамъ расскажу. Сейчасъ я иду къ вашей мамѣ, она такъ убивается, бѣдняжка... Вамъ сейчасъ туда лучше не ходить, пусть успокоится. До панихиды я позову васъ къ ней, а послѣ панихиды намъ съ вами надо серьезно поговорить...

Слова молодой дѣвушки еще звучали, когда лакей подалъ князю Михаилу письмо.

Вотъ что гласили строки этого письма:

„Князь Михаилъ Сергѣевичъ, мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу вашего несчастнаго брата. Я должна передать лишь то, что завѣщано было покойнымъ. Дома—адъ, видѣться намъ нельзя, да и вы не переступите порога убійцы. Къ вамъ я тоже не могу показаться. Пріѣзжайте по прилагаемому адресу въ квартиру-особнякъ Ливскаго. Пріѣзжайте немедленно, я васъ уже жду.

Баронесса К. Ровень“.

Тонъ письма и причина свиданія заставили князя Михаила согласиться на просьбу Claudine. Онъ по-

смотрѣлъ на часы—времени передъ панихидой еще довольно. Онъ успѣетъ съѣздить на Пушкинскую.

Князь Михаилъ, не обращая вниманія на тревожные взгляды Ксеніи Николаевны, вышелъ изъ залы и спустился на улицу.

Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ въ пріемной Вячеслава Ливскаго.

Между тѣмъ въ восточной комнатѣ Вячеслава шли переговоры,

Конечно, Claudine была уже тамъ.

— Вотъ видите, все дѣлается какъ по писанному, — съ торжествомъ говорилъ ей черный магъ, — дуэль состоялась, князь Борисъ убитъ и князь Михаилъ уже здѣсь. На ваше письмо онъ откликнулся и уже сидитъ въ моей пріемной. Какъ забрать его въ руки, — я обдумалъ. Такъ какъ ѣсть и пить онъ ничего не будетъ и предлагать ему неловко, то надо заставить его нюхать. Для этого намъ надо удалиться изъ комнаты и попросить его подождать. Когда онъ достаточно нанюхается, — мы войдемъ. Итакъ, идите за мной въ эту комнату рядомъ.

Ливскій и Claudine направились въ сосѣднюю съ восточной комнатку, а лакей провель въ восточную князя Михаила.

— Будьте добры минуточку обождать.

Пока князь Михаилъ разсматривалъ съ невольнымъ любопытствомъ оригинальную пріемную чернаго мага, Вячеславъ Ливскій вставилъ въ дырочку стѣны трубку, кончающуюся пузырькомъ, и сталъ надавливать прикрѣпленный къ ней гутаперчевый шарикъ.

Тонкое, синеватое, еле замѣтное облачко стало наполнять восточную комнату и легкій, пріятный аромат развѣялся по ней.

Князь Михаилъ невольно откинулъ голову на подушки тахты, на которой онъ сидѣлъ. Минуты черезъ двѣ вѣки его сами закрылись, а еще черезъ полминуты онъ крѣпко спалъ, такъ крѣпко, что незамѣтно было его дыханіе.

— Теперь пора смѣнить воздухъ, а то онъ можетъ перейти въ вѣчный сонъ, — прошепталъ Вячеславъ Ливскій.

Онъ открылъ винтиляторъ, закрылъ трубочку съ

усыпляющимъ газомъ и сталъ курить черезъ отверстіе въ восточную комнату чѣмъ-то другимъ.

Затѣмъ онъ распахнулъ дверцу и вошелъ въ восточную комнату вмѣстѣ съ Claudine.

Сердце молодой женщины колотилось въ груди отъ счастья, страсть захватывала дыханіе, глаза блестя восторгомъ. Онъ здѣсь, онъ съ нею, онъ въ ея власти.

Она подошла близко къ князю Михаилу и не отрывала глазъ отъ него. Все такой-же прекрасный, идеально красивый, только загорѣлъ немного подъ небомъ Италіи. Она наклонилась и губами прижалась къ его губамъ.

— Возьмите себя въ руки, баронесса...

Вячеславъ Ливскій отстранилъ «влюбленную» отъ князя Михаила и самъ подошелъ къ усыпленному.

Продѣлавъ свои обычные пассы и устремивъ на новую жертву свой паучій взглядъ, Вячеславъ Ливскій сталъ внушать ему:

— Когда ты очнешься, ты забудешь, что спалъ и что мы стояли около тебя и говорили съ тобой. Послѣ похоронъ брата ты пріѣдешь сюда, мы будемъ тебя ждать. Что-бы тебѣ и кто-бы ни говорилъ о дуэли брата,—ты не будешь вѣрить. Ты прочтешь письмо брата, гдѣ онъ говоритъ о дружбѣ своей съ баронессой Ровень, и только этому письму дашь значеніе. А теперь черезъ пять минутъ ты проснешься.

— Теперь, баронесса, поцѣлуйте вашего любимого—вы его не увидите цѣлыхъ три дня.

— А сегодня я не буду говорить съ нимъ?

— Нѣтъ.

Claudine нѣсколько мгновеній любовалась спящимъ княземъ Михаиломъ и цѣловала его. Затѣмъ съ Вячеславомъ Ливскимъ они вышли изъ восточной комнаты.

Въ назначенный срокъ князь Михаилъ открылъ глаза. Вячеславъ Ливскій, слѣдившій за нимъ, не далъ ему опомниться и вошелъ въ восточную комнату. Онъ съ достоинствомъ поклонился гостю.

— Я имѣю честь говорить съ княземъ Батуринымъ?

— Совершенно вѣрно.

— Баронесса Ровень заболѣла и проситъ васъ

вмѣсто сего дня быть черезъ три дня послѣ похоронъ брата. Могу я передать ей ваше согласіе?

— Пожалуйста.

— Баронесса Ровень проситъ васъ не вѣрять слухамъ и расскажемъ. Она съ вашимъ покойнымъ братомъ была въ дружбѣ, а мужъ приревновалъ ее совершенно некстати и оскорбилъ князя Бориса Сергѣевича. Вотъ происхожденіе дуэли.

Князь Батуриный всталъ.

— Я буду послѣ похоронъ брата непременно, передайте баронессѣ Ровень мой привѣтъ. Всего хорошаго. Я очень спѣшу.

XXVI.

Подъ властью чернаго мага.

Къ панихидѣ князь Михаилъ Сергѣевичъ Батуриный опоздалъ. Въ громадномъ портретномъ залѣ князей Батуриныхъ, гдѣ стояло тѣло князя Бориса, уже собрались многочисленные родственники, знакомые и друзья. Многихъ, конечно, еще не было, не всюду облегла печальная вѣсть.

Ксенія Николаевна Демидова наблюдала за княземъ Михаиломъ. Ей бросилась въ глаза его безучастность, особенно странная послѣ того жгучаго горя, которое онъ проявилъ утромъ. Неужели она такъ серьезно ошибается въ Мишѣ и у него поверхностная эгоистичная натура? И гдѣ это уже онъ могъ побывать сегодня?

Княгини-матери на этой первой панихидѣ не было. Докторъ ее успокоилъ, насколько возможно, и далъ ей сонныхъ капель. Теперь она спала принудительнымъ тяжелымъ сномъ и Демидова на нѣсколько часовъ получила свободу.

Когда послѣ панихиды посѣтители расходились печально поникнувъ головами, Ксенія Николаевна незамѣтно подошла къ князю Михаилу.

— Вы не забыли, Миша, я просила васъ послѣ панихиды удѣлить мнѣ полчаса времени.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Ксенія вздрогнула,—какимъ-то чужимъ безучастнымъ тономъ было высказано это официальное согласіе говорить съ нею. Но все-таки молодая дѣвушка завладѣвъ рукой князя Михаила, повлекла его въ одну изъ отдаленныхъ безлюдныхъ гостиныхъ.

— Конечно, вамъ очень жаль безвременно погибшаго брата?

— Вы это видѣли, Ксенія. Кажется, я ни передъ чѣмъ бы не остановился, чтобы вернуть его. Но это невозможно и придется примириться съ тяжелымъ горемъ. И какое бы счастье мнѣ ни послала судьба, эта рана никогда не закроется въ моемъ сердцѣ.

Искренній отвѣтъ князя Михаила удовлетворилъ Ксенію.

— Миша,—страстно заговорила она,—неужели у васъ не является мысль отомстить тѣмъ, кто отнялъ жизнь у вашего брата? Знаете ли вы, какъ разыгралась эта страшная трагедія?

— Я все знаю, — отвѣтилъ онъ устало.

— Нѣтъ, Миша, вы ничего не знаете! Но я, я знаю все. Вашъ братъ попалъ въ руки ужасной женщины, которая рѣшила его погубить. Эта женщина баронесса Ровень. Она увлекла вашего брата—не любя его, она отдалась ему, она подставила его подъ пулю своего мужа. Можетъ быть, она мстила такъ вамъ за то что вы ее отвергли.

Брови князя Михаила недовольно нахмурились.

— Я зналъ, что эта исторія вызоветъ всевозможные слухи и толки, но никакъ не думалъ, что вы, Ксенія, будете принимать въ нихъ участіе.

Она вспыхнула.

— Вы меня знаете хорошо, Миша, слухамъ я-бы не стала придавать значеніе.

Князь Михаилъ прервалъ ее.

— Начнемъ съ того, Ксенія, что никакого романа, никакихъ близкихъ отношеній между моимъ братомъ и баронессой Ровень не было и не могло быть. Ея мужъ—убійца моего брата, но все-таки это не даетъ намъ права клеветать на его жену.

— О близкихъ отношеніяхъ между бѣднымъ княземъ Борисомъ и этой тигрицей мнѣ извѣстно отъ

одного изъ секундантовъ барона Ровень. Вотъ его подлинныя слова:

„Баронъ засталъ свою супругу съ княземъ въ ея спальнѣ и, кажется, въ очень рискованной позѣ. Баронъ оскорбилъ князя“.

— Поздравляю васъ, вы даже наизусть выучили эту сплетню. Теперь позвольте мнѣ вамъ сказать, какъ было дѣло. Баронесса Ровень съ моимъ покойнымъ братомъ была въ дружбѣ, а не въ близкихъ отношеніяхъ, что я могу вамъ подтвердить прощальнымъ письмомъ Бори къ баронессѣ Ровень.

Вотъ оно.

Князь Михаилъ досталъ сложенный почтовый листокъ изъ кармана.

— Прочтите это письмо. Здѣсь братъ пишетъ, что люди никогда не понимали его и теперь не поняли той братской любви, которою онъ любилъ баронессу. И что ему приходится рисковать жизнью и онъ проситъ уважаемую баронессу, въ случаѣ его смерти, помолиться за него. Кажется ясно. Но мужъ приревновалъ баронессу совершенно некстати и оскорбилъ совершенно невиновнаго передъ нимъ Борю. Конечно, бѣдный братъ долженъ былъ смыть оскорбленіе кровью. И вотъ его не стало.

Растерянными глазами пробѣжала Ксенія Николаевна письмо покойнаго Бориса къ Claudine.

— И все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи. Тутъ что-то необъясненное, какая-то тайна. Бѣдный братъ вашъ писалъ это письмо, или по принужденію, или великодушно приносилъ себя въ жертву.

Князь Михаилъ всталъ, онъ начиналъ не на шутку сердиться на эту настойчивую молодую дѣвушку.

— Прекратимъ этотъ отвратительный разговоръ. Я привыкъ васъ уважать, Ксенія, и мнѣ было бы слишкомъ больно потерять это уваженіе. Не знаете ли вы, когда я могу повидать бѣдную маму?

Ксенія прикусила губу, но она была настолько воспитана и выдержана, что не дала почувствовать князю Михаилу, какъ глубоко онъ ранилъ ея сердце своими словами.

— Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ забыла, что должна была пойти къ спящей княгинѣ. Будетъ очень нехорошо, если она проснется безъ меня. Всѣ ея нервы

такъ натянуты и душа такъ чутка, малѣйшее неосторожное слово можетъ принести ей глубокое страданіе. Простите меня, я спѣшу къ ней.

— Я пойду съ вами, Ксенія. Ласка любимаго сына успокоить ее больше, чѣмъ что-либо другое.

Глаза Ксеніи поднялись на него съ невольнымъ упрекомъ.

— Любимый сынъ? Не вздумайте ей этого сказать, Миша. Теперь самое больное мѣсто въ душѣ вашей матери—ея несправедливая холодность къ покойному сыну и пристрастное отношеніе къ вамъ. Если бы вы знали, какъ она раскаивается въ томъ, что вы были ея „любимцемъ“.

Мягкимъ движеніемъ она повернулась и своей граціозной походкой направились къ княгинѣ. Князь Михайлъ молча послѣдовалъ за нею.

Въ будуарѣ княгини она его усадила и попросила подождать, а сама скрылась за дверью спальни.

— Кто тамъ?—раздался слабый, словно надтреснутый голосъ княгини.

Ксенія быстро подошла къ ней.

— Проснулись, моя милая, дорогая?

— Да, проснулась,—тѣмъ же голосомъ отвѣтила княгиня.—Не пора ли мнѣ вставать? Скоро ли начнется панихида?

— Одна панихида уже была, докторъ не позволилъ васъ будить. Но скоро будетъ другая, хотя вы можете еще полежать въ постели часика два.

Княгиня вздохнула.

— Какъ жаль, что вы меня не разбудили...

Ксенія опустила на колѣни передъ ея кроватью и съ нѣжностью поцѣловала ея руку.

— Милая княгиня, дорогой вамъ пріѣзжіи изъ далекой страны уже давно жаждетъ повидать васъ.

Княгиня помолчала нѣсколько мгновеній, словно припоминала.

— Да, да, конечно, вѣдь Миша долженъ былъ сегодня пріѣхать. Воображаю, какъ онъ огорченъ. Позовите же его ко мнѣ.

Ксенія быстро поднялась съ колѣнъ и, пріоткрывъ дверь, поманила князя Михаила. Она пропустила его въ спальню его матери, а сама, не желая быть лишней, вышла въ будуаръ.

— Мама, милая мама...

— Мишенька...

Она прижала къ груди его голову и слезы не-
удержимымъ потокомъ полились изъ ея глазъ. Вскли-
пывая, она заговорила:

Мой дорогой Мишенька, вотъ ты вернулся
домой... но теперь ты одинъ, совсѣмъ одинъ... Богъ
наказалъ меня за то, что я была такъ несправедлива,
и отнялъ у меня сына. Если-бъ ты прочелъ его письмо,
его послѣднее прощальное письмо, сколько страданій
вынесла его душа съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ.

Печально проходили дни въ роскошномъ княже-
скомъ домѣ. Одна панихида смѣнялась другою и знать
Петербурга вся перебывала на этихъ панихидахъ, что-
бы выразить свое соболѣзнованіе Батуринымъ.

Наконецъ, насталъ день похоронъ. Съ торжествен-
ностью и пышностью хоронили старшаго сына знатной
семьи. Цѣлая вереница „собственниковъ“ слѣдовала
за печальной колесницей. Похоронный полковой
маршъ разносился тоскливо и торжественно. Гробъ
былъ положительно закрыть вѣнками и цвѣтами.

Княгиня медленно шла за гробомъ, опираясь съ
одной стороны на руку сына, съ другой на руку
Демидовой.

— Не было бы тутъ свадьбы,—перешептывались
свѣтскія кумушки.

— Ну, вотъ еще... да развѣ они пара. Блестящій,
единственный наслѣдникъ огромныхъ богатствъ и
знатнаго титула, и какая-то обѣднѣвшая дворянка,
самостоятельная дѣвица, третье-степенная благотвори-
тельница.

Княгиня горько рыдала во-время отпѣванія тѣла,
эти рыданія перешли въ истерику, когда гробъ опу-
стили въ могилу, а когда земля застучала о крышку
гроба, княгиня дико вскрикнула и потеряла сознание.

Но вотъ печальный обрядъ былъ законченъ и
вереница экипажей тронулась обратно къ городу.

Опять перешептывались свѣтскія кумушки. Раз-
сказывали онѣ, что князь уже давно скончался убитый
наповалъ на дуэли, но что княгиня-мать не позволяла
его хоронить, пока тѣло не стало разлагаться. И по
поводу дуэли было много толковъ самыхъ разнообраз-
ныхъ и самыхъ нелѣпыхъ. Истины никто не зналъ.

Князь Михаилъ съ отцомъ и Ксеніей Николаевной довелъ приведенную въ чувство и еле ступавшую княгиню до экипажа. Онъ было уже хотѣлъ сѣсть въ экипажъ, но вдругъ одна мысль словно, ножомъ полоснула его мозгъ.

— Что же это я? Вѣдь надо итти, итти какъ можно скорѣе, тамъ на Пушкинской улицѣ уже меня ждутъ.

— Что же вы не садитесь? — съ беспокойствомъ спросила Ксенія.

— Разболѣлась голова,—я пройду съ немного.

Когда княгиню усадили въ экипажъ и онъ тронулся, она еще разъ съ тоскою обернулась къ кладбищу, а потомъ утихла и такъ, наружно спокойная, доѣхала до дому.

Между тѣмъ князь Михаилъ нанялъ извозчика и помчался на Пушкинскую.

Онъ былъ правъ, Claudine его уже ждала.

Скрывъ чувства, бушевавшія въ ея груди, она спокойно и привѣтливо встрѣтила князя Михаила. Она вѣдь знала, что рано или поздно всецѣло имъ овладѣетъ съ помощью Вячеслава Ливскаго.

— Здравствуйте, дорогой другъ. Какой вы блѣдный и печальный. Еще бы... Никто васъ такъ не понимаетъ, какъ я... Последнее время я такъ была близка съ вашимъ братомъ. Это была такая чистая, свѣтлая душа... И мы много говорили о васъ... Увы, всѣ сожалѣнія теперь позднія и напрасныя. Оттуда никто къ намъ не возвращается.

Claudine вытерла мнимыя слезинки носовымъ платкомъ.

— Что же это я! Вы, вѣроятно, не завтракали? Вѣдь вы пришли съ похоронъ...

Благодарю, милая баронесса, я не завтракалъ, но мнѣ и не хочется ѣсть.

— Это всегда такъ кажется, но надо подкрѣпиться... Любезный хозяинъ дасть намъ кофе и вино.

Вячеславъ Ливскій разсыпался въ извиненія и очень скоро вернулся съ маленькимъ подносомъ, на которомъ стояла бутылка вина и стаканъ кофе со сливками. Конечно, въ то и другое уже были прибавлены нужные капли и порошки.

Князь Михаилъ выпилъ съ наслажденіемъ кофе

съ булкой и стаканъ вина. Claudine болтала съ нимъ, а въ это время Ливскій дѣлалъ пассы и сзади гипнотизировалъ свою новую жертву.

Самъ того не замѣчая, молодой человѣкъ погрузился въ сонъ. Тогда Ливскій предсталъ передъ нимъ и началъ свои внушенія.

— Ты спишь, князь Михаилъ?

— Сплю.

— Ты долженъ мнѣ повиноваться, ты это знаешь?

— Да.

— Ты долженъ полюбить баронессу Клавдію Ровень. Когда ты проснешься, ты будешь уже любить ее. Хорошо?

— Хорошо.

— А дня черезъ два-три у тебя явится мысль жениться на ней. Понялъ?

— Понялъ.

— Сегодня ты долго не останешься, но каждый вечеръ будешь приѣзжать сюда. Завтра вечеромъ я тебя жду. Баронесса будетъ тоже здѣсь. Ты придешь?

— Приду.

— Теперь ты можешь проснуться.

Черный магъ дунулъ въ лицо загипнотизированному и спрятался снова за его спину.

Князь Михаилъ проснулся и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свой разговоръ съ Claudine.

„Какая она прелестная,—думалъ онъ, глядя на молодую женщину,—и я могъ отвергнуть ее и бѣжать за границу, глупецъ!.. О, если бы теперь она меня не оттолкнула!

Онъ робко поцѣловалъ ручку Claudine, но черезъ нѣсколько минутъ рѣшилъ, что ему пора домой.

— Когда же мы увидимся? Сегодня такой день, что я долженъ бѣжать...

— Завтра вечеромъ... Здѣсь же...

Они нѣжно разстались.

XXVII.

Все кончено.

Когда князь Михаилъ Батуринъ вернулся домой, тамъ царила мрачная тишина. Княгиня и Ксенія нахо-

дились на половинѣ княгини, князь-отецъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Все дообѣденное время князь Михаилъ безцѣльно бродилъ по огромнымъ, погруженнымъ въ трауръ, комнатамъ и мечты его были далеки и отъ удрученныхъ горемъ родныхъ, и отъ покойнаго брата, и отъ прелестной дѣвушки, подруги счастливаго дѣтства. Всѣ эти мечты принадлежали исключительно красивой сиренѣ, баренессѣ Ровенъ. Онъ самъ не понималъ, почему эта женщина, которую онъ совсѣмъ забылъ за границей и которой и раньше не особенно увлекался, — теперь такъ сразу овладѣла его сердцемъ.

Видѣть ее, видѣть во что бы то ни стало! Но, увы, надо ждать „завтра“.

Мечты его прервалъ лакей съ прозаическимъ приглашеніемъ пожаловать къ столу.

— Тамъ есть кто-нибудь?

— Не знаю, ваше сіятельство. Докладывать всѣмъ велѣно.

Весь подъ впечатлѣніемъ внезапно нахлынувшего увлеченія, князь Михаилъ направился въ столовую. Къ удивленію его, семья была въ сборѣ. Княгиня-мать сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ въ концѣ стола. Страшная переменна происшедшая съ нею, сразу бросилась въ глаза князю Михаилу. На лицѣ вмѣсто обычнаго румянца, желтоватая блѣдность, синяки подъ глазами, все тѣло исхудало и стройный прямой станъ согнулся, словно подъ страшной тяжестью... Прекрасные глаза смотрѣли тоскливо и безпокойно, въ нихъ читалась скрытая душевная борьба.

Она встрѣтила сына кроткой улыбкой и указала ему на мѣсто рядомъ съ собой. Она старалась говорить, но было замѣтно, какъ это ей трудно, и глубокой голосъ ея дрожалъ.

Отецъ сидѣлъ противъ нея. Онъ былъ мраченъ и молчаливъ, но смерть сына уже потеряла остроту речи. Легкомысленный и поверхностный, старый князь уже началъ скучать безъ своего клуба, безъ шахматной игры, безъ клубной бесѣды съ пріятелями за бутылочкой стараго вина. Но, увы, приличіе не позволяло ему въ день похоронъ сына показываться въ общественномъ мѣстѣ, и онъ уже приготовилъ себѣ занимательные французскіе романы на эти дни «заключенія»...

Онъ обрадовался приходу сына. Авось хоть этотъ поговорить съ нимъ, какъ нормальный человѣкъ.

Четвертая за этимъ столомъ была Ксенія Николаевна. Когда она послѣ похоронъ хотѣла вернуться домой, княгиня посмотрѣла на нее съ такой мучительной мольбой и такимъ голосомъ сказала:

— Ксенія Николаевна, не оставляйте меня одну, мнѣ страшно.

Что молодая дѣвушка не рѣшилась ее оставить и снова раздѣляла ее одиночество.

А между тѣмъ, какъ-бы хорошо было теперь уединиться и подышать успокаивающимъ уютнымъ воздухомъ ея маленькой квартирки. Да и старушка няня совсѣмъ заброшена, поди, тревожится.

Здѣсь ей ждать нечего. Тотъ пріѣздъ, о которомъ она мечтала, нанесъ ей послѣдній, безнадежный ударъ. Еще въ первыя минуты она узнавала Мишу, — чуткаго, порывистаго, до глубины души уязвленнаго горемъ. Видно было, какъ тяжела ему потеря брата, когда онъ читалъ послѣднія строки несчастнаго, глаза его увлажнились слезами. А потомъ какая-то ужасная переменъ, непонятная, но явная, произошла съ нимъ.

Ксенія Николаевна догадывалась, что все не безъ вліянія сирены-баронессы. Онъ видѣлъ ее, въ этомъ молодая дѣвушка не сомнѣвалась. Но неужели такъ сильна власть этой скверной женщины, что мужчины ради нея мгновенно перерождаются и теряютъ все: — честь, совѣсть, долгъ, любовь къ близкимъ, многолѣтнюю дружбу?

„Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-то непонятное, какое-то волшебство“! И суевѣрный ужасъ охватывалъ молодую дѣвушку при одной мысли о прелестной баронессѣ Ровень.

„Неужели нѣтъ возможности спасти Мишу?.. Вѣдь она приведетъ его къ той-же гибели, къ какой приводила уже многихъ, къ какой привела князя Батурина. И что за сердце у этой женщины? Или его нѣтъ совсѣмъ у нея? Вѣдь надъ свѣжей еще могилой одного брата, она раскидываетъ сѣти другому. Она, вѣроятно, страшно мститъ Мишѣ за то, что онъ отвергнулъ ея любовь и бѣжалъ отъ нея“.

Обѣдъ прошелъ почти въ молчаніи, если не считать нѣсколькихъ попытокъ стараго князя завязать

разговоръ съ сыномъ, но князь Михаилъ оказался самымъ мрачнымъ изъ собесѣдниковъ и старикъ безнадежно закурилъ трубку.

Послѣ обѣда Ксенія Николаевна попыталась пригласить князя Михаила на половину княгини.

— Не могу,—хмуро отвѣтилъ онъ.—Я положительно падаю отъ усталости... сейчасъ свалюсь и засну... Да и мое общество только можетъ нагнать еще худшую тоску на васъ обѣихъ.

И дѣйствительно, князя Михаила клонило ко сну. Едва добрелъ онъ до своей комнаты, какъ сразу прилегъ на кровать и, не раздѣваясь, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Княгиня опираясь на руку Ксеніи, пошла въ свои комнаты.

— Все кончено,—сказала она опускаясь на софу.

— Намъ приходится со многимъ въ жизни мириться, дорогая княгиня. Трудъ и добрыя дѣла помогутъ вамъ нести тяжелую ношу печали.

Вздохъ Ксеніи свидѣтельствовалъ, что молодая дѣвушка говоритъ не фразы, что она сама такъ чувствуетъ.

Но княгиня только еще ниже поникла головой.

— Все кончено. Смерть Бориса на многое открыла мнѣ глаза. Словно какая-то густая пелена съ нихъ спала. Для чего я жила?.. Для любви?.. Ея не было. Нѣтъ, она была. Она пришла могучая и властная, но было поздно. Долгъ и честь!.. Вотъ два слова, которыя разбили мое счастье. Благодарень-ли мужъ?.. Цѣнить-ли онъ принесенную мною чести и дѣлу жизнь?.. Какъ отплатилъ онъ? Эгоизмомъ, пошлыми измѣнами...

— У васъ есть сынъ.

Она хрипло разсмѣялась.

— У меня былъ сынъ. Онъ любилъ меня, онъ боготворилъ, но я не замѣчала... Я любила другого, любила, какъ блестящую игрушку. Лицомъ онъ въ меня, а характеромъ—въ отца. Черствый, эгоистичный. Вы видѣли его лицо сегодня за обѣдомъ? Вы замѣтили, какъ онъ бѣжалъ куда-то послѣ похоронъ? Развѣ онъ остался около меня, чтобы утѣшить меня въ ту минуту, когда я этого ждала? Нѣтъ, я потеряла сына...

Послѣ тяжелаго молчанія она снова хрипло заговорила:

— А князь? Развѣ вы не замѣчали, какъ его трясла клубная лихорадка? А можетъ быть какая-нибудь Зизи или Фифи ждала его?

— Княгиня!..

— О, я только молчала, но все великолѣпно знала и понимала... За десять лѣтъ я впервые открыла свои гордо сомкнутыя уста и только передъ вами, мой ангель-хранитель... Я знаю, что мои жалобы долетятъ до вашего чуткаго сердечка и тамъ и останутся. О, если-бы у меня была такая дочь, какъ вы, можетъ быть, еще улыбнулась-бы мнѣ жизнь...

Ксенія нѣжно пожала дрожавшую горячую руку княгини.

— Все кончено.. Но зачѣмъ я отдала свою жизнь?.. Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Безъ тепла и солнца прошла эта бѣдная жизнь. Все вѣдь было для счастья... И красота, плѣнявшая кисть художника! И сердце, способное на самоотверженіе, только затянутое ледяной корой аристократической гордости... И не глупая голова... И встрѣтился тотъ, который могъ-бы дать счастье... А теперь... Старость... Руины... Согнувшійся станъ, сѣдины, желтое, изможденное лицо... Гдѣ та цвѣтушая красота, одно появленіе которой возбуждало восторженный шопотъ и среди блестящей свѣтской толпы и на улицѣ, и во дворѣ... Гдѣ она?.. Все кончено...

Княгиня опустила голову низко на грудь и погрузилась въ глубокую думу. Вѣроятно, вся жизнь ея проходила передъ ея мысленнымъ взоромъ, жизнь шумная, блестящая, но холодная. Свѣтило, но не грѣло.

И не слышала княгиня ни одного изъ тѣхъ ласковыхъ словъ надежды и свѣта, которыя разсыпала передъ нею Ксенія Николаевна.

„Она просто переутомилась,—подумала молодая дѣвушка,—если-бъ мнѣ удалось уложить ее въ постель“.

Она тихо и нѣжно обняла княгиню.

— Милая, дорогая, пойдемте я уложу васъ, въ мягкой, чистой постелькѣ отдохнетъ ваше наболѣвшее тѣло, я укурю васъ теплымъ одѣяломъ, и вы согрѣетесь, я дамъ вамъ успокоительныхъ капель, и вы

заснете. Сонъ унесетъ всю тревогу вашей души и утромъ вы проснетесь съ другими мыслями, съ другими желаніями.

Какъ послушный ребенокъ, послѣдовала за Ксеніей Николаевной княгиня, и молодая дѣвушка уложила бѣдную, разбитую женщину въ постель. Хорошій пріемъ брома былъ почти машинально проглоченъ княгиней.

Молодая дѣвушка погасила электричество и теперь роскошная спальня княгини освѣщалась только кроткимъ, слабымъ свѣтомъ лампадокъ. Какъ двѣ кровавыя капельки, краснѣли они у ногъ образа Пресвятой Богородицы.

Ксенія сѣла возлѣ безсильно лежащей княгини и ласково положила свою ручку на ея пылавшій лобъ. Устремивъ глаза на ликъ Пресвятой Матери, молодая дѣвушка молилась о ниспосланіи мира на ея мятежную душу.

Долго-ли сидѣла такъ Ксенія молясь — она не знаетъ, но она очнулась отъ молитвы, когда услышала ровное дыханіе спавшей княгини. И тогда молодая дѣвушка поднялась и тихо вышла изъ спальни въ будуаръ княгини. Она плотно притворила за собой дверь. И теперь ужъ ей не надо было сдерживаться, — съ отчаяніемъ заломивъ руки, она глухо зарыдала.

— Все кончено... Да, теперь ужъ не можетъ быть сомнѣнія, послѣдняя надежда угасла. Несчастный во власти сирены... Милый, дорогой, — неужели-же ты не можешь спастись, неужели ты погибнешь?

И голосъ отчаянія, царившій въ ея душѣ, настойчиво повторялъ:

— Все кончено... все кончено.

Между тѣмъ, князь Михаилъ всю ночь проспалъ какъ убитый, проспалъ все утро, проспалъ и завтракъ. Онъ проснулся только къ 4 часамъ, немедленно вскочилъ и сейчасъ-же сталъ приготовляться къ вечеру.

Съ родными онъ видѣлся только во-время обѣда... Старый князь повеселѣлъ немного, ему сегодня предстояло посѣтить клубъ и хотя-бы въ задней комнатѣ поиграть въ шахматы.

Князь Михаилъ ничего не могъ ѣсть за обѣдомъ, онъ весь находился во власти страстнаго ожиданія,

образъ баронессы Ровенъ такъ и стоялъ въ его воображеніи.

Ксенія Николаевна, конечно, замѣтила его нервное настроеніе, но послѣ вчерашняго отпора не рѣшилась заговаривать съ нимъ.

Послѣ обѣда князь Михаилъ, какъ раненый звѣрь метался по комнатѣ, ежеминутно поглядывая на часы. Наконецъ-то стрѣлка почти приблизилась къ заветному часу. Князь Михаилъ сорвался съ мѣста, одѣлся, поспѣшно вышелъ на улицу и, сѣвъ въ пролетку, приказалъ везти себя на Пушкинскую.

Тамъ его уже лихорадочно ждали. Его провели прямо въ восточную комнату, гдѣ онъ засталъ Claudine одну въ самомъ соблазнительномъ туалетѣ. И пока онъ обдумывалъ еще, какъ ему приступить къ словамъ любви, она повела быстрое и стремительное наступленіе.

— Теперь вы не будете скрывать больше, князь, что вы любите меня?

— Я пришелъ сюда, чтобы сказать вамъ это. Да, Claudine, я васъ люблю.

Она не заставила его повторять это слово, она заключила его въ свои объятія и бросила въ ту вакханалію ласкъ, которая была ею изучена въ тонкости и въ совершенствѣ.

И если мельчайшіе оттѣнки страсти удавались ей по отношенію тѣхъ, къ которымъ сердце ея было холодно, то тутъ, когда она любила, это удалось ей въ совершенствѣ искренности.

Какое блаженство! Тотъ, обладанія которымъ она такъ тщетно добивалась, теперь по первому движенію ея руки лежалъ трепещущій въ ея объятіяхъ.

— Ты мой... Ты мой, — жадно шептала она.

— Да, я твой, — вторилъ онъ ей, — я твой, бери меня, дѣлай со мной все, что хочешь. Ты — мой міръ, и міръ — это ты. Все остальное не существуетъ... Да, все кончено...

Послѣдняя капля.

Прошло еще два дня.

Княгиня Батурина печально и молчаливо проводила свои часы, — она какъ будто что-то рѣшала, какой-то важный вопросъ. Ксенія Николаевна все время проводила съ нею.

И вотъ въ эту тихую печальную обитель вошелъ взволнованный и трепещущій князь Михаилъ. Твердое намѣреніе созрѣло въ его душѣ и онъ пришелъ объявить его матери. Если-бы мѣсяць тому назадъ ему сказали, что онъ пойдетъ на это, онъ искренно-бы разсмѣялся, какъ самой глупой, забавной шуткѣ. А теперь? Нѣтъ, теперь ему было не до шутокъ.

— Мама, я пришелъ поговорить съ вами.

Княгиня подняла на него печальные, удивленные глаза.

— Говори, мой другъ. Я думаю, присутствіе Ксеніи Николаевны не можетъ помѣшать намъ, отъ этого вѣрнаго, нѣжнаго друга у меня не можетъ быть тайнъ. И вообще какія у меня могутъ быть тайны теперь?

Она жалко улыбнулась и бессильно опустила руки на колѣни.

— То, что я скажу вамъ, мама, не будетъ тайной не только для Ксеніи Николаевны, но и для цѣлаго міра. Я хочу жениться, мама.

— Въ добрый часъ... Но прежде надо найти невѣсту.

Ксенія рѣзкимъ движеніемъ встала и подошла къ окну. Выраженіе ея лица ускользнуло отъ княгини и ея сына, такъ быстро повернулась она спиной и теперь стояла не поворачиваясь, не шевелясь.

Князь Михаилъ продолжалъ, и Ксеніи показалось, что вызывающая нота звучитъ въ его голосъ.

— И невѣста уже есть, мама. Это единственная женщина въ мірѣ, которая могла возбудить во мнѣ желаніе жениться.

— Твоей женѣ не нужно обладать богатствомъ, — теперь у тебя слишкомъ много: и твое, и бѣднаго Бориса, — голосъ княгини дрогнулъ. — Но, мой дорогой,

во всякомъ случаѣ эта дѣвушка порядочная и нашего круга?

— Она нашего круга, она порядочная, она ангель, но, къ сожалѣнію, она не дѣвушка.

— Вдова? — спросила княгиня, откинувшись въ кресло и закрывъ глаза.

— Увы, нѣтъ, тамап.

— Я не понимаю тебя, Миша, — не открывая глазъ, тихо сказала княгиня.

— Ты знаешь ее хорошо, тамап, и кажется, любишь.

— Я никого не знаю и никого не люблю, — все такъ-же вяло, отвѣчала княгиня.

— Она замужняя, — баронесса Ровень.

Вялая, безсильная княгиня сразу переродилась. Она вскочила, глаза ея загорѣлись гнѣвомъ, руки, какъ крылья, поднялись въ воздухъ.

— Никогда, слышишь, никогда, я не дамъ своего согласія. Бери первую встрѣчную съ улицы, изъ вертепа, но не ее, убійцу твоего брата!

Ксенія Николаевна, вся дрожа, прислонилась къ оконной нишѣ.

Выраженіе упрямаго маніака отпечатлѣлось на лицѣ князя Михаила.

— Опять я слышу эту грязную, гнусную сплетню и, что всего ужаснѣе, слышу изъ вашихъ устъ, тамап. Вѣроятно, ее сообщила вамъ Ксенія Николаевна, которая почему-то не взлюбила очаровательное созданіе.

Молодая дѣвушка не возразила, не защищалась, она только тѣснѣе прижалась къ оконной нишѣ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, не Ксенія Николаевна, а секунденты твоего брата, которыхъ я допрашивала со слезами на глазахъ передъ святымъ образомъ.

— Все это гнусная ложь и эти люди дадутъ мнѣ отвѣтъ въ своей грязной выдумкѣ. Кто они? Я застрѣлю каждого изъ нихъ, какъ собаку! — съ бѣшенствомъ защищаль князь Михайлъ даму своего сердца.

И вдругъ княгиня быстро подошла къ сыну и нѣжно привлекла его къ своей груди.

— Миша, — дрожащимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, заговорила она, — ты знаешь, какъ я тебя любила съ самой минуты появленія твоего на свѣтъ Божій. Ради тебя я игнорировала своего другого

ребенка; можетъ быть, моя несправедливость довела его до могилы. Во всякомъ случаѣ, она заставила бѣдняжку много страдать и взвалила тяжелое раскаяніе на мои нравственныя плечи, которое, его страшную ношу, я принесу къ своей могилѣ. Я давала тебѣ, давала, но никогда ничего не просила взаменъ. Въ первый разъ я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой, о, съ просьбой! Сынъ мой, дорогое дитя мое, не откажи мнѣ въ ней. Не приближай къ себѣ эту женщину, не давай ей трепать имя Батуриныхъ, — вѣдь это-же будетъ издѣвательство надъ несчастнымъ покойнымъ. Ахъ зачѣмъ я въ тотъ вечеръ допустила ее къ нему! Я какъ бы сама привела на его путь змѣю, которая смертельно его ужалила. Дитя мое, дорогое дитя, пожалѣй свою несчастную мать. Я готова на колѣняхъ умолять тебя, я готова цѣловать твои руки и ноги.

Странная раздвоенность проникла въ душу Михаила, когда онъ слушалъ свою мать. Молящій материнскій голосъ проникалъ въ самую глубину этой души, а какой-то другой, твердый и повелѣвающій возмущалъ эту душу. И повелѣвающій голосъ взялъ перевѣсъ надъ голосомъ, полнымъ мольбы.

— Я люблю эту женщину больше жизни, татап и не могу отказаться отъ нея. Она будетъ моей женой. Княгиня медленно отступила.

— И это твое послѣднее слово? — вдругъ сразу спокойно спросила она.

— Я этого слова не измѣню, татап.

— Подумай хорошенько, что ты говоришь, прежде, чѣмъ дать мнѣ окончательный отвѣтъ.

— Онъ уже окончательный, татап.

Она еще дальше отступила отъ него.

— Тогда уходи. И больше никогда не переступай порога комнатъ твоей матери.

И такъ какъ онъ не двигался, она прибавила рѣзко и повелительно:

— Уходи-же, уходи.

И онъ покорно повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Княгиня опустилась въ кресло.

Ея глухія рыданія достигли ушей все еще неподвижно стоявшей Ксеніи. Молодая дѣвушка порывисто подошла къ ней.

— Милая, дорогая.. — но и сама не выдержала и тоже зарыдала.

Когда обѣ женщины успокоились, старшая положила свои руки на плечи младшей.

— Этими слезами я простила съ жизнью. Все кончено... Борьбы уже нѣтъ въ моей душѣ. Скоро придется мнѣ проститься и съ вами, дорогая Ксенія, — я покидаю этотъ міръ навсегда.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла.

— Я боюсь васъ понять, княгиня.

— И все-таки поняли меня. Я ухожу въ монастырь. Со дня похоронъ моего Бори, эта мысль зародилась въ моей душѣ. Всѣ эти дни я боролась съ собой. И вотъ теперь упала послѣдняя капля и чаша пролились.

— А вашъ супругъ, княгиня?

— Супругъ? Онъ будетъ непріятно удивленъ, даже пораженъ, но... Но переломить меня не сумѣетъ.

Нѣсколько мгновеній она неподвижно смотрѣла въ пространство.

— И, чтобы не откладывать, я попрошу васъ, дитя мое, попросить князя сейчасъ ко мнѣ.

Было что-то въ голосѣ княгини и во взглядѣ ея, что заставило Ксенію не возражать ей больше и немедленно повиноваться.

Когда молодая дѣвушка скрылась за дверью, княгиня снова, закрывъ лицо руками, глухо зарыдала, но вскорѣ овладѣла собою и спокойная, сильная, приготовилась встрѣтить мужа.

Когда князь вошелъ въ сопровожденіи Ксеніи, княгиня была уже совершенно спокойна. Она замѣтила движеніе молодой дѣвушки къ двери и остановила ее.

— Нѣтъ, милое дитя, не уходите. У меня нѣтъ тайнъ.

И повернувшись къ мужу, она ласково протянула ему руку. Князь поцѣловалъ эту руку. Его поразила переменна, происшедшая за эти дни съ женой. Передъ нимъ сидѣла старуха въ полномъ смыслѣ этого слова, а еще такъ недавно, несмотря на свои сѣдины, она могла гордиться царственной красотой.

Подавленный князь молчалъ.

— Мой другъ... Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, которыя васъ удивятъ. Но имѣйте въ

виду, что рѣшенія своего я не измѣню и никакіе доводы не покажутся мнѣ убѣдительными и никакія просьбы — достаточно трогательными.

Ничего не понимая, князь опустился на указанное ему княгиней кресло.

— Но прежде чѣмъ объявить вамъ мое рѣшеніе, я-бы хотѣла знать, сообщилъ-ли вамъ сынъ о предстоящей женитьбѣ?

— Онъ ворвался въ мой кабинетъ и произвелъ на меня впечатлѣніе ненормальнаго. Такъ-же, какъ и вы, княгиня, онъ предупредилъ, что рѣшеніе его безповоротно, а всякія угрозы и мольбы — безсильны. Онъ заявилъ мнѣ, что хочетъ жениться на чужой женѣ, на баронессѣ Ровенъ. А когда я спросилъ, предупрежденъ-ли мужъ, оказалось, что мужъ еще ничего не знаетъ. Ахъ, я такъ усталъ отъ всего этого, княгиня, и моя жизнь совсѣмъ выбилась изъ колеи за послѣднее время.

Эти слова, казалось, говорили:

„Дѣлайте вы что хотите, только оставьте меня въ покоѣ. Я всю свою жизнь ходилъ въ клубъ, игралъ въ шахматы, бесѣдовалъ съ пріятелями за бутылкой вина, ухаживалъ за хорошенькими женщинами. А теперь вы отравили эту жизнь, вы мѣшаете мнѣ“.

И княгиня хорошо поняла, что дѣлается въ душѣ ея мужа, и сквозь ея грустное величіе промелькнула усмѣшка.

— И вы не противитесь этому браку, князь?

— Мой сынъ человѣкъ взрослый, княгиня. Я могу только преслѣдовать его мѣщанскими угрозами, что не буду давать ему денегъ, но я Батуринъ и поступать, какъ мѣщанишка, не могу. И притомъ, что еще скажетъ мужъ? Да, наконецъ, пока будетъ длиться разводъ, мало-ли еще какія произойдутъ перемѣны. Волноваться еще преждевременно.

Княгиня грустно покачала головой.

— Да, пожалуй, вы и правы, — угрозами нельзя навязать дѣтямъ свои желанія, нельзя пробудить въ нихъ любовь и уваженіе, которыхъ мы не сумѣли заслужить. Теперь я о своемъ рѣшеніи... Я буду говорить съ вами спокойно. Не буду вамъ объяснять, какъ я пришла къ этой мысли, — это слишкомъ длинно и

неинтересно, а скажу вамъ просто и прямо: я рѣшила поступить въ монастырь.

Князь вскочилъ.

— Часъ отъ часу не легче! Я въ домѣ умалишенныхъ. Вы, княгиня Батурина, одна изъ богатѣйшихъ русскихъ женщинъ, передъ которой открыты не только всѣ гостиныя, но и всѣ дворцы, передъ которой широкое поле благотворительности, наконецъ, у которой мужъ и сынъ—и вдругъ... монастырь!

Княгиня спокойно выслушала этотъ взрывъ княжескаго негодованія.

— Мое рѣшеніе безповоротно. А теперь... я такъ устала, князь, мнѣ-бы хотѣлось остаться одной. Когда вы успокоитесь и обдумаете мои слова,—намъ будетъ легче говорить. Ксенія Николаевна, дорогое дитя, проводите князя.

Но Батуринъ сердито отстранилъ молодую дѣвушку и, не сказавъ больше ни слова, покинулъ спальню жены. Въ своемъ кабинетѣ онъ нѣсколько минутъ мрачно прогуливался, обдумывая всѣ неожиданныя событія. И вдругъ... круто повернулся, и позвонилъ.

— Дайте мнѣ одѣться,—сказалъ онъ вошедшему лакею, — и прикажите заложить экипажъ, я ѣду въ клубъ,

Подѣзжая къ клубу, онъ уже думалъ. „Пусть дѣлаютъ, что хотятъ“.

А въ клубѣ... веселыя новости, интересная партія въ шахматы... А потомъ ужинъ въ модномъ ресторанѣ въ компаніи французскихъ веселыхъ пѣвчихъ и... семейныя невзгоды отодвинулись на второй планъ.

Въ то время, какъ отецъ такимъ образомъ забывалъ свои невзгоды, сынъ уже сидѣлъ въ восточной комнатѣ съ баронессой Равенъ.

— Я объявилъ войну моимъ роднымъ, моя дорогая. За обладаніе тобой я готовъ бороться съ цѣлымъ міромъ, но теперь прежде всего я долженъ говорить съ твоимъ мужемъ.

Шутливымъ движеніемъ она закрыла его ротъ своей ручкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ это послѣднее я возьму на себя. Между мной и мужемъ уже давно простыя дружескія отношенія, и я сумѣю добиться развода. Но

для того, чтобы онъ не вздумалъ упрямитъся, тебѣ не надо показываться ему на глаза.

И дѣйствительно, Claudine придумала цѣлый блестящій планъ кампаніи противъ своего мужа, который въ самомъ скоромъ времени надѣялась осуществить.

XXIX.

Страшный вѣстникъ.

Мѣрно стучала швейная машинка въ трудолюбивыхъ рукахъ сестры Анны. Глубоко задумалась она подъ этотъ мирный стукъ и душой перенеслась къ далекому печальному прошлому, котораго уже нельзя было ни замѣнить, ни исправить.

Маленькая фигурка сестры Анны совсѣмъ потонула въ ворохѣ бѣлаго коленкора и нансу. Опущенные глаза ея пристально слѣдили за быстро двигавшимся швомъ, а длинныя рѣсницы бросали печальную тѣнь на блѣдное, милое лицо.

Тукъ... Тукъ... Тукъ... — кто-то постучался.

— Можно войти? — слышался знакомый старческій голосъ хозяйки Дарьи Романовны.

— Войдите, дорогая.

Въ открывшихся дверяхъ показалась высокая полная фигура Дарьи Романовны, ея добродушное лицо и голова, увѣнчанная короной толстыхъ сѣдыхъ косъ.

— Васъ-ли тамъ спрашиваетъ какой-то чело-вѣкъ?.. Просилъ меня доложить моей жилицѣ Аннѣ Ливской, что нужно видѣть ее во что бы то ни стало.

Молодая женщина задрожала.

— Такъ и сказалъ: Аннѣ Ливской?

— Такъ и сказалъ, милое дитя.

Она закрыла лицо руками.

— Боже мой. Опять надо бѣжать искать новаго пристанища. Это вѣрно кто-нибудь изъ родныхъ разыскалъ меня. Какъ это ужасно! Скажите, дорогая, что я больна и принять сегодня не могу, пусть зай-

дуть черезъ недѣлку... Къ тому времени я сумѣю скрыться...

— Полно глупости говорить, Анюта. Какъ-нибудь уладимъ дѣло. Вотъ сплавлю непрошеннаго гостя и потолкуемъ... Такъ я скажу, что пока вы больны и просили черезъ недѣлю зайти?

— Да, да, дорогая... Выручите меня.

Дарья Романовна ушла „сплавлять“ неожиданнаго гостя, а маленькая женщина высвободилась изъ во-воха коленкора и мелкими шажками заходила по комнатѣ, вздыхая и ломая руки...

Опять бѣжать! Но куда?.. Ея жизнь — положительно жизнь Агасфера: не посидишь на мѣстѣ... Я такъ привыкла къ этой тихой комнаткѣ, такъ полюбила свою дорогую хозяйку!..

Но вотъ Дарья Романовна... Въ рукахъ у нея сложенный листокъ бумаги.

— Ушелъ?

— Нѣтъ еще... Написалъ тутъ нѣсколько строкъ и просилъ отвѣта.

— Ну, это къ лучшему, — по крайней мѣрѣ, буду знать, кто разыскалъ меня.

Дрожащими пальцами Анна развернула листикъ. Она прочла:

„Вы меня не знаете, но вся ваша злосчастная жизнь прошла на моихъ глазахъ. Когда-то я былъ другомъ вашего бывшаго мужа, онъ жестоко поступилъ со мною. Теперь онъ хочетъ совершить ужасное дѣло, которое погубить хорошихъ людей. Вы одна можете спасти ихъ и это вашъ долгъ. Взываю отъ имени несчастныхъ къ вашему доброму сердцу. Спасите ихъ и выслушайте меня, — я буду кратокъ“.

Подписи не было.

Прочитавъ эти строки, молодая женщина смертельно поблѣднѣла.

— Выгнать этого негодяя? Ужъ не муженекъ-ли объявился? — стала горячиться Дарья Романовна и бросилась было къ дверямъ. Анна остановила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я должна его выслушать... Я должна спасти несчастныхъ... Позовите его сюда.

— Да вы подумайте хорошенько, Анюта... Не обманъ-ли это?

— Что думать, дорогая? Никто, какъ Богъ, положу на Его милость... Позовите этого человѣка.

Недовольно покачивая головой, Дарья Романовна пошла за неожиданнымъ гостемъ.

Анна бросилась къ образу и зашептала, крестясь:

— Господи, помилуй и сохрани меня... Направь на путь истинный. Если это врагъ, охрани меня... Если я нужна несчастнымъ, — научи меня, какъ помочь имъ... Господи, молю тебя.

Она приложилась къ образу и вытерла слезы. Въ ту минуту, когда дверь открылась, она была уже относительно спокойна...

И вотъ незнакомецъ предсталъ передъ нею въ сопровожденіи Дарьи Романовны.

Онъ былъ хорошо одѣтъ и не казался бѣднымъ. Лицо его было довольно правильно и красиво, смуглое, отгнѣненное черными волосами, съ яркимъ ртомъ и блестящими глазами. Но было что-то отталкивающее въ этомъ красивомъ лицѣ, грубое, наглое, циничное, несмотря на смиренную, жалобную фізіономію, которую онъ скорчилъ.

Впечатлѣніе ярко отразилось въ выразительныхъ голубыхъ глазахъ Анны.

— Я бы хотѣлъ говорить съ вами наединѣ, сударыня, вѣжливо поклонившись, заявилъ онъ, и голосъ его, звучный, но грубый и жестокий, какъ и взглядъ, снова замѣтно покоробилъ Анну.

— Ну, ужъ нѣтъ, сударь... Васъ мы не знаемъ, — вступилась Дарья Романовна, — и нечего вамъ тутъ глазъ на глазъ говорить... У насъ съ Анютой секретовъ нѣтъ.

— Да, — подтвердила Анна, — я довѣряю этой дамѣ, она знаетъ всю мою жизнь. Иначе я не согласна выслушать васъ, какъ въ ея присутствіи. И то вѣдь съ моей стороны большая любезность, — я вѣдь васъ со-всѣмъ не знаю.

Пришедшій почесалъ затылокъ. Выбора у него не было, приходилось говорить въ присутствіи „старой вѣдьмы“, какъ онъ мысленно обозвалъ Дарью Романовну.

— Хорошо, госпожа Ливская, буду при нихъ го-

ворить, разъ вы имъ довѣряете, мое дѣло вѣдь не плохое.

— Прежде всего скажите, кто вы?

— Какъ я вамъ уже имѣлъ честь написать, я былъ когда-то другомъ Вячеслава Ливскаго, и очень много пострадалъ изъ-за этой дружбы. Теперь я — нищій, а онъ богачъ, — этимъ все сказано. А имя мое...

Онъ снова почесалъ затылокъ.

— Имя мое вамъ мало хорошаго скажетъ, вы его вѣрно слышали, — зовусь я Стефанъ Чипчирацкій.

Крикъ вырвался изъ устъ Анны. Послѣ первой минуты ошеломленія она гнѣвно вскочила.

— И вы!.. Вы одна изъ главныхъ причинъ моей разбитой жизни и нравственной гибели Вячеслава Ливскаго, вы другъ Юстины Пецынской, — вы осмѣлились явиться ко мнѣ! Вы выбрали меня орудіемъ мести, потому что не подѣлили награбленнаго вмѣстѣ золота!.. Уходите, милостивый государь, оставьте меня!.. Уходите немедленно!..

Стефанъ Чипчирицкій зналъ, что его имя вызоветъ сенсацию, и потому спокойно выдержалъ гнѣвную вспышку Анны.

— Уходите, когда вамъ говорить! — подступила къ нему Дарья Романовна.

— Позвольте, сударыня, дайте мнѣ прежде сказать суть моей жалобы, а потомъ я самъ уйду... Вы безъ меня разберете, должны-ли вступить за несчастныхъ...

— Я не хочу васъ слушать...

— Даже и тогда, если я вамъ скажу, что, будучи женатъ на васъ, Вячеславъ Ливскій обманомъ женился недавно на другой... Вы понимаете, какъ онъ женился!?

Анна схватилась за голову.

— Женился? На честной, порядочной дѣвушкѣ?

— На самой честной, порядочной, на знатной графинѣ. Женился обманомъ, съ подставнымъ патеромъ, съ гнусной комедіей, и все для того, чтобы овладѣть ея деньгами.

— Что-же вы раньше молчали?

— Я не могъ васъ найти. Судьба направила меня на вашъ слѣдъ.

— О, гнусный негодяй!.. И нашлась еще несчастная, которая полюбила его!..

— Вотъ тутъ-то и начинается самое страшное. Вячеславъ Ливскій одно время, потративъ ваши деньги, обнищаль и опустился. Находясь въ безвыходномъ положеніи, но не знаю уже какимъ образомъ, онъ попалъ къ богатому барину. Тамъ его пригрѣли, приласкали и научили кое-чему. Учили-то его для добра, а онъ званіе свое на зло пустиль,

— Чему-же его учили?

— А ужъ этого сказать вамъ не могу. Только знаетъ онъ много чудеснаго. И глаза у него какіе-то стали другіе, выдержать ихъ нельзя на себѣ. И характеръ словно желѣзный... И много чудеснаго онъ можетъ... Разъ пріѣхаль къ нему тотъ баринъ, который его училъ, я и подслушаль ихъ разговоръ, случайно совсѣмъ. Многого не понялъ.

„Вячеславъ, другъ мой, — говорилъ его баринъ-учитель, — я пробудилъ васъ снова къ жизни, только благодаря мнѣ вы живете. Я хотѣлъ просвѣтить умъ и душу вашу, мнѣ это не удалось. Но вы почерпнули у меня много знаній, и я не могу вамъ позволить пользоваться ими для зла“...

Стефанъ остановился, припоминая.

— Дальше, — прошептала, вся дрожа, Анна. — Дальше, умоляю васъ...

Страшная догадка начинала зарождаться въ ея мозгу.

„Я не позволю, — продолжалъ свой рассказъ Стефанъ, — отдавать злу и преступленіямъ эти знанія, Вернитесь къ добру“...

— Тутъ заговорилъ нашъ Вячеславъ. „Послѣ страшной ночи искушеній (и что это за ночь, хотѣлбы я знать?) вашъ домъ показался мнѣ душнымъ и ваша доброта унижительной. Прошлое захватило меня и я бѣжалъ отъ васъ и не вернусь“.

Долго уговариваль его и упрашиваль баринъ, но напрасно. Вячеславъ стоялъ на своемъ. Тогда баринъ какъ-то странно пригрозилъ ему: „Вспомните ваши клятвы, вспомните, что васъ ждетъ. Братья предупредили васъ, когда вели къ испытаніямъ“.

Грозилъ ему баринъ, что кончитъ Вячеславъ самоубійствомъ, или плахой, или сумасшествіемъ, но на-

шего Вячеслава не легко теперь напугать. Онъ знаетъ свою силу и вѣрить ей. Онъ и самъ пригрозилъ барину:

„Могу на васъ въ полицію донести, за ваше тайное братство“...

Баринъ ушелъ, но на прощанье обѣщалъ бороться съ Вячеславомъ, да только до сей поры борьбы этой не видно, а многихъ людей обманываетъ и губить Вячеславъ.

— А не знаете-ли вы, какъ звали... этого барина?..

— Фамиліи его не знаю, а по имени, кажется, Дмитріемъ Александровичемъ его назвалъ Вячеславъ.

— Ахъ!.. — тихо сорвалось съ устъ молодой женщины, и, закрывъ лицо руками, она склонила голову.

Безмолвная свидѣтельница разговора Дарья Романовна только головой качала.

— А теперь эта его женитьба... Объявилъ онъ, что лечить отъ всякихъ болѣзней и гадаеть. Такъ онъ людей къ себѣ заманиваетъ. А тамъ своими глазищами усыпить, опоить чѣмъ-нибудь или понюхать дать, и приказываетъ человѣку, что хочетъ. Деньги, конечно, выманиваетъ.

— Ахъ, негодяй! — вставила, наконецъ, свое слово Дарья Романовна.

— Вотъ попалась ему знатная графиня, богатая, но не молодая, богомольная дѣвушка... Пришла она къ нему голову свою лечить, все болѣла у нея голова-то и доктора не помогали. Какъ узналъ онъ, что это за птица, графиня-то, и сталъ ее опутывать... Внушилъ, что любить она его, приказалъ цѣлую ночь у него провести, овладѣлъ ее и рѣшилъ жениться при живой женѣ... Конечно, нужно это ему было, чтобы всѣми деньгами ея завладѣть и въ аристократію попасть... Да не совсѣмъ вышло дѣло,—родители и слышать о немъ не захотѣли. Тогда нашъ Вячеславъ на тайный бракъ ее уговорилъ... Взялъ подставного патера (она лютеранка), все подстроилъ, книги, церковь и пр. Брачное свидѣтельство съ печатью передалъ „женѣ“... Она на другой день къ родителямъ сунулась, да выгнали ее въ три шеи... И вотъ теперь несчастная подъ властью Вячеслава. Усыпляетъ онъ ее и деньги высасываетъ. Другой разъ цѣлый день она у него спитъ,

чтобы не надоѣдала... Всячески мучаетъ ее, — жалко смотреть...

— Что-же я могу?—заломила руки Анна.

— Вы—жена, вы—можете. Сходите къ роднымъ графини и объясните все. Они думаютъ, она жена законная, и слова сказать не смѣютъ. А какъ узнаютъ всѣ мученія несчастной, такъ силой отнимутъ... Хотѣлъ я къ барину къ тому сходить, да такъ и не могъ выпытать отъ Вячеслава, кто онъ... Вотъ васъ судьба послала...

Сдѣлавъ еще послѣднія поясненія и давъ имя и адресъ родителей Оливіи Недлеръ, Стефанъ ретировался.

«Кажется, зарядилъ ее хорошо», — думалъ онъ, уходя.

Послѣ его ухода Анна заметалась.

— Хорошо, что я его выслушала. Надо скорѣй спасти несчастную изъ когтей злодѣя. Боже, помоги мнѣ!..

И, грустно покачавъ головой, она тихо прошептала:

— Его ученикъ!..

XXX.

По горячимъ слѣдамъ.

Въ домѣ графовъ Недлеръ имени дочери, графини Оливіи, не вспоминали съ того злополучнаго дня, когда была отвергнута своимъ отцомъ. Да, имени ея не вспоминали, но тѣнь ея словно блуждала по этимъ заламъ, въ которыхъ она выросла. Старый Недлеръ ходилъ сумрачный и печальный, графъ Вильгельмъ все чаще и чаще исчезалъ изъ дому, а обычные завтраки и обѣды проходили между отцомъ и сыномъ въ молчаніи.

И вотъ, какъ-то сидѣли они за однимъ изъ такихъ скучныхъ обѣдовъ, когда прислуга безмолвно подавала одно блюдо за другимъ, а они безъ аппетита, еле прикасались къ этимъ тонкимъ блюдамъ, отъ вре-

мени до времени перебрасывались незначительными фразами; во время одного изъ такихъ обѣдовъ неожиданно появился дежурный лакей съ докладомъ.

— Ваше сіятельство, тутъ женщина одна пришла, — желаетъ обязательно видѣть ваше сіятельство, по очень важному дѣлу, говорить.

— Вѣдь я просилъ васъ во-время обѣда никогда мнѣ не докладывать, — сухо и равнодушно перебилъ его графъ-отецъ.

— Я ей говорилъ, ваше сіятельство, да ужъ очень плачетъ она, Христомъ Богомъ умоляетъ. Говоритъ, что не для себя она здѣсь, а для вашего дѣла, что для вашего сіятельства важно то, что она вамъ скажетъ.

Старый графъ пренебрежительно насупился, но графъ Вильгельмъ вступился за незнакомую женщину.

— Позвольте, папа, мнѣ съ ней переговорить. Если дѣйствительно что-нибудь важное, — я къ вамъ ее приведу, а если пустяки какіе-нибудь то и беспокоить васъ не стану, папа.

— Хорошо, мой другъ, — устало отвѣтилъ старый графъ. Но только пусть подождетъ она, — я не люблю, когда кто-нибудь нарушаетъ порядки и выходитъ изъ-за стола, — мы вѣдь скоро кончимъ нашъ обѣдъ.

Согласно обычной церемоніи, обѣдъ медленно тянулся до конца, и только выпивъ свою обычную чашку кофе, графъ Вильгельмъ, съ разрѣшенія отца, всталъ изъ-за стола.

Онъ прошелъ въ кабинетъ стараго графа, гдѣ ждала его незнакомка. Когда графъ Вильгельмъ распахнулъ дверь, маленькая фигурка въ сѣромъ быстро поднялась съ кресла, на которомъ сидѣла.

Внимательнымъ взглядомъ онъ проэкзаменовалъ ее съ головы до ногъ.

Это была миниатюрная, молодая еще женщина, — съ миловиднымъ, но блѣднымъ, прозрачнымъ личикомъ и большими голубыми глазами, ихъ страдальческое выраженіе подчеркивалось синевой. Въ этихъ широко открытыхъ, словно удивленныхъ глазахъ еще блестѣли слезы.

Когда она увидѣла предъ собою рослую фигуру молодого графа, она отступила.

— Боже мой, неужели графъ Недлеръ откажется

меня выслушать? Вѣдь не ради своихъ выгодъ пришла я сюда, а для того, чтобы спасти его несчастную дочь.

Графъ Вильгельмъ вздрогнулъ и снова внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Спасти его дочь?—съ разстановкой проговорилъ онъ.

Молитвенно скрестивъ руки, она шагнула къ нему.

— Да, молодой человѣкъ. Вѣрьте, что больше чѣмъ собственное горе, страшное несчастіе графини Недлеръ тронуло меня.

— А знаете-ли вы, сударыня, что графини Недлеръ уже не существуетъ. Она перемѣнила это старое честное имя на никому не извѣстное, на имя какого-то шарлатана. Если только графъ Недлеръ узнаетъ, что дѣло касается бывшей графини Недлеръ,—онъ не станетъ васъ слушать. И потому все то, что вы хотѣли сообщить старому графу, передайте мнѣ, его сыну.

— Вы братъ графини? О, тогда я могу быть съ вами откровенной. Спасите вашу несчастную сестру, она сдѣлалась жертвою гнуснаго обмана. Она только воображаетъ, что вышла замужъ за этого господина, она попрежнему графиня Недлеръ. Гнусную комедію разыгралъ съ ней этотъ мнимый мужъ. Подставной патеръ совершилъ кощунственный обрядъ, который вписалъ въ имъ-же самимъ изготовленной книгѣ. Тѣми-же негодяями подписано и брачное свидѣтельство. Вячеславъ Ливскій хочетъ завладѣть ею состояніемъ, а потомъ, опозоренную и измученную, бросить къ дверямъ отца.

Молодая женщина остановилась. Она слышала прерывистое дыханіе взволнованнаго брата графини Недлеръ. Но хорошо умѣлъ владѣть собой этотъ человѣкъ и спросилъ ее съ тѣмъ спокойствіемъ, которое бываетъ многозначительно передъ грозой.

— Но почему вы все это знаете, сударыня, и какія доказательства можете представить?

— Только одно, очень простое, но и очень вѣское. Вы видите передъ собой законную жену Вячеслава Ливскаго — Анну.

Графъ Недлеръ растерянно посмотрѣлъ на говорившую.

— Вы... его жена? Вы?

Она печально поникла головой; въ голосъ ея слышались слезы.

— Къ стыду, къ сожалѣнію, къ несчастію, да, я его жена.

Графъ Вильгельмъ нѣсколько разъ прошелся крупными шагами по кабинету, желая хотя-бы этимъ движеніемъ обуздать гнѣвъ, душившій его. И вотъ онъ снова, скрестивъ руки, остановился передъ маленькой женщиной.

— У васъ есть доказательства, что вы жена этого господина?

— Какъ и всякой другой жены—брачное свидѣтельство и паспортъ.

— Прекрасно... И вы согласны помогать мнѣ въ разоблаченіи этого негодяя?

— Я въ вашемъ распоряженіи, графъ, но только позвольте мнѣ прибавить еще нѣсколько словъ, можетъ быть, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ предыдущія. Господинъ Ливскій, обладая какой-то вновь имъ приобрѣтенной непонятной силой, усыпляетъ вашу несчастную сестру, и вся эта любовь, всѣ эти странные поступки лишь простое слѣдствіе гнуснаго внушенія.

Неожиданнымъ порывистымъ движеніемъ графъ Вильгельмъ приблизился къ Аннѣ Ливской, схватилъ ея руку и крѣпко потрясъ.

— Благодарю васъ, о, благодарю... Вы сняли такой тяжелый камень съ моей души... Да, конечно, графиня Недлеръ и особенно графиня Оливія Недлеръ не могла поступить какъ разнузданная дѣвчонка, по своей собственной волѣ. Не непонятной силой, а всѣми признаннымъ гипнозомъ гнусный негодяй овладѣлъ волей моей сестры. Вы правы, положеніе ея ужасно и мы, родные, должны немедленно силой вырвать жертву изъ когтей тигра!.. Бѣдная, бѣдная Оливія. А я еще, уязвленный ея низкой любовью, осыпалъ насмѣшками, когда она по приказанію гипнотизера ползала въ ногахъ отца!..

И графъ Вильгельмъ заглянулъ въ голубые страдальческіе глаза Анны.

— Какъ вы, такая честная, скромная, могли связать свою жизнь съ такимъ чудовищемъ?

Она вздохнула и слезы повисли на ея рѣсницахъ.

— Это было давно... Онъ не былъ еще тогда чу-

довищемъ, во всякомъ случаѣ когтей чудовища еще не было видно. И все-таки я жестоко поплатилась. Меня обманули, обобрали и оставили на мостовой... въ ожиданіи ребенка. Свои страданія я простила ему давно, но мой ребенокъ... мое бѣдное дитя... Если бы вы видѣли, въ какихъ мученіяхъ оно умирало... съ голоду...

— Еще разъ благодарю васъ. Посидите здѣсь минутку, я приведу своего бѣднаго отца. Я постараюсь возможно мягче передать ему весь этотъ ужасъ.

Графъ Вильгельмъ ушелъ, а маленькая Анна покорно опустилась на кресло. Ждать ей пришлось около четверти часа. Наконецъ, дверь снова распахнулась и графъ Вильгельмъ возвратился съ красивымъ высокимъ старикомъ. Голубые глаза старика были увлажнены слезами.

— Благодарю васъ, дитя мое... Я уже сообщилъ по телефону въ полицію. Сейчасъ вы сдѣлаете письменное заявленіе и подтвердите весь вашъ рассказъ. Пока я не буду злоупотреблять вашею любезностью и немедленно-же поѣду спасать мою несчастную дочь.

Дѣйствительно, скоро прибыли видные чины полиціи и слѣдователь. Анна Ливская была подробно допрошена, документы ея пересмотрѣны и тогда ее отпустили съ миромъ.

Старый графъ Недлеръ съ сыномъ въ сопровожденіи полиціи, слѣдователя и врача, направился цѣлымъ грознымъ шествіемъ на Пушкинскую улицу.

Между тѣмъ, Анна Ливская, выйдя изъ дома графа Недлеръ, наняла извозчика на Фурштадскую.

— Черезъ четверть часа она уже подъѣзжала къ подъѣзду дома Дмитрія Александровича Орлова.

— Дома баринъ? — лихорадочно, поспѣшно спросила она.

— Такъ точно, барышня.

— Доложите, что сестра Анна хочетъ ихъ видѣть по важному, неотложному дѣлу.

Вскорѣ ее извѣстили, что Дмитрій Александровичъ проситъ ее подняться въ его дѣловой кабинетъ.

Привѣтливо онъ всталъ ей навстрѣчу и протянулъ обѣ руки.

— Здравствуйте, дорогое дитя. Пойдите. Что это

за лицо? Разстроенное, нервное! Что-нибудь случилось? Подѣлитесь со своимъ другомъ, милая дѣтка?

— Я должна сказать вамъ столько ужаснаго, столько... Простите-ли вы меня?

— Я прощаю и враговъ своихъ, а для друзей у меня всегда найдется прощенье.

О, волшебный, ласковый голосъ, какъ онъ западалъ въ душу бѣдняжки! А этотъ пронизательный бархатный взглядъ чистыхъ серьезныхъ глазъ! Какъ трепетно и нѣжно любила она его!

— Я никогда не говорила вамъ фамиліи своего мужа, я только рассказала вамъ свою печальную исторію и сообщила свое имя...

— Да зачѣмъ мнѣ ваша фамилія? Вѣдь это все мелочи... а мнѣ нужна душа человѣка... о ней я всегда справляюсь.

— Да, но мою фамилію я должна вамъ сообщить... Да, должна... Многое вамъ объяснится... Человѣкъ, который былъ моимъ мужемъ, который сыгралъ ужасную роль въ моей жизни, это тотъ-же самый человѣкъ, который обманулъ ваше довѣріе и отвѣтилъ на ласку и благодареніе черной неблагодарностью.

— Вячеславъ Ливскій?!

— Вы угадали...

Дмитрій Александровичъ печально опустилъ голову.

— Но вы не знаете всего, что онъ совершилъ за эти послѣдніе дни. Онъ широко пользуется во зло тѣми знаніями, которыя получилъ отъ васъ... Онъ усыпляетъ людей силой внушенія, порошками, каплями и обираетъ ихъ... Одну несчастную графиню Недлеръ, богомольную, немолодую дѣвушку, онъ такимъ образомъ влюбилъ въ себя и заставляетъ плясать по своей дудкѣ. Онъ сыгралъ гнусную комедію подставного брака... Онъ губить ее...

Глаза Дмитрія Александровича заблестѣли.

— Чаша переполнилась, я не смѣю больше терпѣть... Пойдемте, надо спасти несчастную... Пусть лучше гибнетъ одинъ, чѣмъ многіе!..

— Я уже была у ея родныхъ и сейчасъ, вероятно, полиція арестовываетъ негодяя... Я пришла только вамъ сообщить.

— Благодарю васъ, дитя. Теперь я все обдумаю...

а завтра мы поговоримъ. Оставьте меня одного, мнѣ слишкомъ тяжело!..

Она повиновалась, но съ какимъ-бы наслажденіемъ она осталась здѣсь, приласкала, успокоила его... Опустилась-бы на колѣни передъ кресломъ, въ которое бросился онъ въ отчаяніи, и цѣловала-бы руки и молилась-бы этимъ глазамъ. Вѣдь она любила, боготворила его.

Но теперь только со вздохомъ она молча ушла.

XXXI.

Комедіантка.

Claudine утопала въ блаженствѣ страстной любви. Тысячи поцѣлуевъ, милліарды ласкъ—не удовлетворяли, не насыщали ее. Вѣдь никогда еще сердце Claudine не знало любви, никогда еще страсть не воспламеняла ее кровь... Первой любовью красивой баронессы былъ князь Михаилъ и, можетъ быть, если-бы онъ сразу попался на тончайшую удочку ея кокетства, страсть ея не разгорѣлась-бы съ такой силой... Но, безотвѣтная и долго сдерживаемая, она прорвалась бѣшенымъ потокомъ и казалась неистощимой, безконечной.

Какой-то разъ, когда баронъ Оскаръ Оскаровичъ Ровень курилъ въ своемъ кабинетѣ послѣобѣденную сигару и пересматривалъ вечернія газеты, дверь тихо отворилась и вошла его супруга. Она плотно приотворила дверь и остановилась около него съ опущенной головкой, какъ-бы не рѣшаясь подойти къ барону. Онъ оторвался отъ газетъ и ласковая, счастливая улыбка засіяла на его устахъ.

— Тебѣ что-нибудь нужно, Claudine? Да что ты тамъ остановилась, иди сюда поближе.

Она помолчала нѣсколько мгновеній и потомъ, какъ-бы сразу рѣшаясь, проговорила:

— Я пришла къ тебѣ, Оскаръ, чтобы рѣшить очень, очень важный вопросъ. Хватить-ли у тебя терпѣнія выслушать меня?

— О, моя дѣвочка, кажется, хочетъ быть очень серьезной и если у нея хватитъ терпѣнія рассказать, то у меня, конечно, найдется его не менѣе, чтобы выслушать.

— Я бы тебя попросила, Оскаръ, оставить шутки. Я буду говорить о томъ, что для меня крайне тяжело, а для тебя будетъ также не особенно пріятно. Я буду говорить о нашей разлукѣ...

Улыбка погасла на его устахъ и онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— О нашей разлукѣ?—медленно и съ разстановкой повторилъ онъ.

Нѣсколькими быстрыми шагами она очутилась возлѣ него и опустилась на колѣни.

— Оскаръ я больше не могу такъ жить. Мы съ тобой совершили ужасное преступленіе, тѣмъ болѣе ужасное, что оно осталось ненаказаннымъ. Думалъ-ли ты о томъ, что ты убійца? А я день и ночь думаю о томъ, что моей волей была направлена рука убійцы. Въ порывѣ очаянія я тогда жаждала мести и вымолила это убійство.

— Перестань, дорогая моя. Завтра я позову хорошаго доктора, у тебя просто разгулялись нервы.

Она рѣзко вырвалась изъ его рукъ и вскочила

— Нѣтъ!.. Нервы тутъ не причемъ. Это — совѣсть, ея голосъ, ты не сумѣешь заставить его замолчать... Я не могу быть твоей женой, — насъ раздѣляетъ трупъ. А если ты этого не поймешь, не возвратишь мнѣ свободы, необходимой чтобы замолить нашъ общій грѣхъ, — я наложу на себя руки... Выбирай — или разводъ, или моя смерть...

Смертельно блѣдный, онъ тоже всталъ.

Да, она говоритъ серьезно.

— Сегодня я не могу дать отвѣта. Мы оба должны подумать.

— Думай ты, я уже довольно настрадалась и все рѣшила.

Claudine круто повернулась и оставила барона одного.

Всю ночь промаялся баронъ Ровень и на утро принесъ свое рѣшеніе женѣ.

— Claudine, — покорно, ласково спросилъ онъ, — эта ночь не принесла тебѣ ничего новаго? Ничего отраднанаго?

Claudine великолѣпно выпалась и напудрилась, чтобы казаться блѣднѣе, съ новыми силами она продолжала свою комедію.

— Оскаръ, — сказала она сурово, — я думала, что ты настоящій мужчина и дѣйствительно любишь меня. А теперь я увидѣла слабаго эгоиста. Это меня еще больше утвердило въ моемъ рѣшеніи. Или свобода, или смерть.

Если-бы баронъ не такъ былъ огорченъ, онъ, вѣроятно, услышалъ бы въ тонѣ Claudine дѣланную аффектацію. Но онъ былъ такъ сильно подавленъ новымъ капризомъ жены, что ему было не до улавливанія фальшивыхъ тоновъ.

— Хорошо, дорогая, я еще разъ докажу тебѣ свою безграничную любовь... Начнемъ разводъ, разстанемся... Но, вѣдь, разводъ тянется мѣсяцы; можетъ быть ты во-время одумаешься.

Порывистымъ движеніемъ, съ возгласомъ искренней, почти дикой радости, Claudine бросилась къ мужу. Опять она побѣдила!.. Свобода будетъ въ ея рукахъ и любовь, базраздѣльная любовь князя Михаила!

— О, теперь я вижу, что ты любишь меня... Вижу, вижу! Если-бы ты зналъ, какъ я тебя обожаю. Можетъ быть, временная разлука и увѣренность въ свободѣ снова вернетъ мнѣ прежнее спокойствіе и тогда мы опять соединимся.

— Можетъ быть! О, какое это было-бы счастье!

И она осыпала его ласками и поцѣлуями, а въ душѣ повторяла сама себѣ:

„Потерпи еще немного, Claudine, и ты будешь свободна и тебѣ не придется больше прикасаться къ этому противному рыжему господину, котораго ты имѣешь несчастье называть своимъ мужемъ.“

И вотъ комедіантка оттолкнула его отъ себя.

— Довольно, довольно. Теперь не надо терять ни одной минуты, надо приступить къ исполнію того плана, который, можетъ быть, вернетъ намъ прежнее счастье.

И дѣйствительно, Claudine не стала терять золотого времени. Сейчасъ же, по телефону, она вызвала адвоката, съ которымъ уже переговорила заранѣе и которому объяснила всѣ обстоятельства дѣла.

Пока адвокатъ ѣхалъ къ Ровенъ, Claudine сѣла писать письмо князю Михаилу Батуруну.

„Мое счастье... Ты можешь больше не волноваться, — все устроено... Съ большимъ трудомъ уговорила сво-

его тирана дать разводъ и сейчасъ адвокатъ уже ѣдетъ къ намъ. Только умоляю тебя быть сдержаннымъ и скромнымъ это время; если онъ узнаетъ, зачѣмъ мнѣ понадобился разводъ, — онъ возьметъ свое слово обратно, никакія силы намъ не помогутъ. Но теперь такъ мало нужно терпѣнія, — какихъ-нибудь два-три дня, протоколъ измѣны будетъ подписанъ и тогда моя свобода будетъ въ моихъ рукахъ, а моя жизнь въ твоихъ. Пока будемъ встрѣчаться попрежнему у Ливскаго. Твоя, вѣчно твоя Claudine.“

На Пушкинской улицѣ въ особнякѣ чернаго мага — Вячеслава Ливскаго — не чуяли страшной грозы, уже черными тучами собравшейся надъ крышей.

Вячеславъ послѣ тонкаго сытнаго обѣда въ восточной комнатѣ кейфовалъ со своей мнимой родственницей Юстиной Пецынской. Несчастливая Оливія, утомленная сеансами и огорченная пренебрежительнымъ, почти грубымъ отношеніемъ къ ней „супруга“, лежала съ закрытыми глазами одна въ своей спальнѣ. Стефанъ Чипчирацкій какъ ушелъ съ утра, такъ и не возвращался. А если-бы кто-нибудь заглянулъ въ его комнату, то могъ-бы заподозрить побѣгъ, — такъ много исчезло цѣнныхъ вещей и одежды Стефана.

Прислуга забилась въ кухнѣ, а по анфиладѣ комнатъ, какъ страшная тѣнь, блуждалъ лакей Вячеслава.

И вотъ, въ тишинѣ квартиры прозвучалъ рѣзкій продолжительный звонокъ.

Лакей отправился открыть дверь. Передъ глазами его предстали чины полиціи, слѣдователь, докторъ и оба графа Недлеръ.

Лакей бросился было предупредить Вячеслава, но былъ тутъ же арестованъ.

Расположеніе комнатъ было извѣстно полиціи, а также ихъ назначеніе, и неожиданные пришельцы направились черезъ пріемную въ восточную комнату.

Таинственная дверь не поддавалась, но привлеченный стукомъ и ничего не подозревающій Вячеславъ открылъ ее. Ему не дали опомниться отъ удивленія и нагрянули въ восточную комнату. Картина, представившаяся глазамъ вошедшимъ, была нѣсколько пикантнаго характера.

На тахтѣ полулежала почти раздѣтая Юстина Пецынская, только слѣгка прикрытая прозрачной тканью. Она была вся окутана какими-то легкими пушистыми облаками. На столикѣ бутылки и бокалы съ виномъ, сигары и лакомства.

— Именемъ закона—вы арестованы.

Юстина вскрикнула и стала быстро одѣваться. Вячеславъ поблѣднѣлъ и зашатался. Графъ Недлеръ на него смотрѣлъ съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Негодяй и трусы! — вполголоса проговорилъ онъ.

— Но я не совершилъ никакого преступленія. Я хотѣлъ-бы знать, почему на меня сдѣлано это нападеніе?

— Вы обвиняетесь въ фиктивномъ кощувственномъ вѣнчаніи, вы обвиняетесь въ составленіи подложнаго брачнаго свидѣтельства и подложныхъ книгъ, вы обвиняетесь въ обираніи вашихъ загипнотизированныхъ жертвъ,—холодно и монотонно заявилъ слѣдователь.

— Не скажите-ли вы намъ, господинъ Ливскій, все-ли еще находится подъ вашей кровлей графиня Оливія Оттоновна Недлеръ?

Ливскій уже оправился отъ перваго испуга.

— Гдѣ-же можетъ находиться моя законная жена, какъ не въ квартирѣ своего мужа? — дерзкимъ полупросомъ отвѣтилъ онъ. — Она отдыхаетъ въ своей спальнѣ. А эта особа, моя очень близкая родственница. Позвольте мнѣ предупредить жену о неожиданномъ несчастіи, свалившемся на мою голову, я сдѣлаю это лучше и осторожнѣй кого-либо изъ васъ, потому что я ее люблю.

Старый графъ выпрямился и голубые глаза его сверкнули.

— О, сударь, мы вырвемъ жертву изъ вашихъ рукъ, ни одинъ вашъ гипнотизирующий взглядъ больше не коснется моей несчастной дочери.

Графъ Недлеръ, опираясь на руку сына, въ сопровожденіи врача, пошелъ отыскивать въ этой амфиладѣ комнату графиню Оливію.

И вотъ передъ нимъ спальня, настоящая семейная спальня... И на широкой кровати съ закрытыми глазами, блѣдная и истомленная, лежитъ его Оливія...

Вся кровь вскипѣла въ жилахъ стараго графа и окрасила лицо его и шею. Онъ хотѣлъ сказать „Оливія“— и это имя застревало въ горлѣ и языкъ не повиновался.

Но докторъ уже былъ около несчастной и она открыла удивленные глаза.

— Кто здѣсь?

— Не бойтесь, графиня... Около васъ вашъ отецъ, вашъ братъ и врачъ... Недавнее прошлое было лишь тяжелымъ сномъ и, Богъ дастъ, скоро не будетъ этого сна...

Докторъ ласково гладилъ лобъ и голову Оливіи... Вотъ подошелъ къ ней отецъ и взялъ ее за руку, а братъ наклонился и тихо поцѣловалъ ее.

Графиня Оливія, словно объятая порывомъ стыда, порывисто истерически зарыдала.

Съ ней обращались какъ съ ребенкомъ, ее успокоили, закутали и увезли въ квартиру отца. На слѣдующее утро ее нашли въ безпамятствѣ и въ страшномъ жару. Началась жесточайшая горячка и врачи сомнѣвались, вынесетъ ли тяжелую болѣзнь эта хрупкая женщина.

А Вячеславъ Ливскій и Юстина Пецынская въ это время сидѣли въ одиночныхъ камерахъ въ тюрьмѣ, уже тщательно допрошенные слѣдователемъ.

XXXII.

Гибель чернаго мага.

Вячеславъ Ливскій потерявшій было энергію и самообладаніе, снова воспрянулъ духомъ. Да, онъ въ темницѣ, да, всѣ доказательства противъ него и пахнеть дѣло Сибирью, каторгой.

Но... но развѣ онъ не „черный магъ“? Развѣ нѣтъ у него знаній, которыя могутъ его спасти? Развѣ не обладаетъ онъ силой?

Правда, свѣтлые духи отъ него отказались и не придутъ къ нему на помощь, но... но имѣются еще духи зла... Не все-ли равно, откуда почерпнуть помощь, лишь-бы она была?

Только объ этомъ и думаетъ Вячеславъ Ливскій въ одиночествѣ своей темницы. Все остальное отошло потонуло въ смутномъ туманѣ забвенія... И Юстина и

Оливія, и Анна, и Стефанъ, и всѣ многочисленные „пациенты“.

Денегъ у него накоплено достаточно, припрятаны онѣ ловко въ заграничныхъ банкахъ. И паспортъ на всякій случай припасенъ. Все готово, только необходимо освободиться изъ темницы.

Глубоко задумался Вячеславъ Ливскій. Не слышитъ онъ стука отпираемаго замка, не слышитъ скрипа отворяющейся двери, не слышитъ легкаго говора, не слышитъ тихихъ шаговъ.

Онъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ только тогда, когда чья-то рука осторожно, но твердо опускается на его плечо. Онъ быстро поворачивается и съ крикомъ ужаса прижимается къ стѣнѣ.

Передъ нимъ стоитъ призракъ, самый ужасный для него призракъ. Какъ-же назвать иначе эту высокую странную фигуру въ черномъ, съ блѣднымъ, правильнымъ, красивымъ лицомъ.

Подъ густыми бровями „призрака“ сіяютъ большіе каріе глаза. Суровая складка прорѣзаетъ блѣдный прекрасный лобъ, отъѣненный черными, блестящими, волнистыми волосами.

— Не бойся меня, — звучитъ низкій, глубокий, успокаивающій голосъ. — Другъ мой, братъ мой, теперь, когда ты въ несчастіи, я прихожу тебѣ протянуть руку помощи. Ты гибнешь... Послѣдняя маленькая ниточка еще соединяетъ тебя съ добромъ. Эту ниточку я хочу указать тебѣ. Схватись за нее, и ты снова изъ мрака, который охватилъ тебя, вернешься къ свѣту.

Но привѣтливыя слова не успокаивали Ливскаго, онъ весь дрожалъ и синеватая блѣдность покрывало его лицо. Ужасъ такъ и былъ написанъ на этомъ лицѣ.

— Чего ты боишься? Ты думаешь, что я призракъ, но ты ошибаешься. Коснись моей руки и ты увидишь, что она изъ плоти и крови, — ты ощутишь мягкость тѣла и теплоту жизни. Не страшиться ты долженъ моего прихода, а радоваться. Не ужасъ несу я тебѣ, а надежду на спасеніе.

И эти ласковыя слова понемногу разсѣивали страхъ, охватившій узника.

— Дмитрій Александровичъ, — тихо сказалъ онъ, — все, что носитъ названіе добра и добродѣтели, —

отрѣзано отъ меня. Къ тому свѣту, къ которому вы звали меня и котораго я не могъ достигъ въ лучшіе мои дни подъ вашимъ вліяніемъ,—мнѣ дороги нѣтъ. И той тонкой нити, о которой вы мнѣ сейчасъ говорили, я не вижу. Я попался, и если темныя силы не освободятъ меня, я погибну, какъ погибаетъ всякій преступникъ.

— Братъ мой, вы видишь, что мое предсказаніе уже начинается оправдываться. Для того, кто нарушилъ священную клятву,—нѣтъ спасенія.

— Тогда и мнѣ не можетъ быть спасенія.

— Да, не можетъ—обыкновеннымъ путемъ... Но, если ты пожелаешь спасти себя искупленіемъ и страданіями,—спасеніе еще возможно.

Вячеславъ Ливскій еще плотнѣе прижался къ стѣнѣ.

— Искупленіе? Страніе?

Орловъ близко приблизился къ нему и властнымъ движеніемъ схватилъ его руки.

— Не надо малодушія, не надо, дорогой мой братъ! Искупленіе не такъ страшно, а страданія, которыя вѣнчаютъ надежда, не такъ тяжелы.

— Но что-же... именно... отъ меня потребуется?

Орловъ отступилъ.

— Братъ мой—ты страшный преступникъ... Ты встрѣтился съ прекрасной дѣвушкой, которая полюбила тебя и отдала свою душу, ты связалъ ея жизнь со своей и погубилъ ее. Ты обманулъ, обобралъ и бросилъ ее, ты насмѣялся надъ ея лучшими чувствами. Ты погубилъ своего ребенка, ты—его убійца. Ты обманулъ меня, который старался дѣлать тебѣ только одно доброе и хотѣлъ возвеличить тебя. Ты нарушилъ священную клятву и употребилъ во зло тѣ званія, которыя мы тебѣ довѣрили. Съ твоей помощью Юстина Пецынская обобрала несчастнаго человѣка, чтобы принести тебѣ его деньги. Ты совершилъ цѣлый рядъ мелкихъ мошенничествъ, кражъ и обмановъ. Ты безпощадно пользовался довѣріемъ къ себѣ людей. Силой внушенія ты заставилъ религіозную, уже не молодую дѣвственницу пойти по пути разврата. Для того, чтобы овладѣть ея средствами, ты поддѣлалъ брачныя свидѣтельства. Ты опуталъ съ помощью скверной и развратной женщины несчастнаго князя Батурина и довелъ его до

безвременной могилы. Теперь вмѣстѣ съ этой-же женщиной вы схватились за другого брата его. Она для удовлетворенія своей грѣховной страсти, ты—для того, чтобы завладѣть его огромными богатствами. Наконецъ, ты разбилъ сердце молодой дѣвушки и заставилъ ея жениха полюбить старую противную дѣву. И у тебя уже былъ намѣченъ огромный планъ, цѣлая цѣпь преступленій, обмановъ и кражъ. И въ эту минуту тебя схватила властная рука правосудія и бросила въ темницу.

Чуть замѣтная ироническая улыбка пробѣжала по губамъ Вячеслава Ливскаго.

— О, я угадываю мысль, которую внушили тебѣ темныя силы, завладѣвшія твоей душой. Онѣ хотятъ придти къ тебѣ на помощь, вывѣсти тебя изъ темницы, и ты надѣнешься снова продолжать твою ужасную дѣятельность. Но вѣрь мнѣ, — вѣдь я никогда тебѣ не лгалъ,—не призывай этихъ темныхъ силъ,—онѣ принесутъ тебѣ гибель.

Опять смутный страхъ завладѣлъ всѣмъ существомъ Вячеслава Ливскаго.

— А какое-же спасеніе предлагаете вы мнѣ?

— Я хочу спасти твою несчастную душу, я хочу вернуть себѣ блаженство вѣчной жизни. Заподозрить меня въ обманѣ или въ чемъ-нибудь дурномъ вѣдь ты не можешь,—ты слишкомъ хорошо знаешь меня. И я прошу тебя—послѣдуй моему совѣту.

— Я слушаю.

— Покорись своей участи. Перенеси страданія. Пусть тебя судятъ, пусть тебя наказываютъ, пусть осудятъ тебя такъ, какъ ты того заслуживаешь. А ты со смиреніемъ и терпѣніемъ перенеси эти муки. Они очистятъ твою душу и откроютъ ей вѣчную жизнь. И ты будешь прощенъ, несмотря на всѣ преступленія, которыя совершилъ. Братъ мой, послушайся голоса чело-вѣка, любящаго тебя и все тебѣ простившаго.

Укоризненно смотрѣли на Вячеслава Ливскаго печальные глаза Орлова.

— Братъ мой, я не беру съ тебя никакихъ обѣщаній, никакихъ клятвъ. Человѣкъ всегда можетъ нарушить свои клятвы, если онѣ не проникли въ его душу, въ его сознаніе. Но я надѣюсь, что совѣтъ мой, этотъ послѣдній совѣтъ, проникнетъ въ твое сердце и

будетъ добрымъ сѣменемъ. Всю эту ночь я буду молиться за тебя и, я надѣюсь, завтра я увижу тебя всѣмъ другимъ. До скорого свиданія, братъ... всего добраго!

И Дмитрій Александровичъ ушелъ. И снова Вячеславъ Ливскій остался одинъ въ своей темницѣ. Жадными глазами узникъ слѣдилъ за блѣдными полосками дня, мелькавшими сквозь рѣшетки окна.

И все блѣднѣе, все сумрачнѣе становились эти полосы и... погасли... Дикая радость отразилась въ глазахъ Вячеслава Ливскаго. Часъ наступаетъ!

Онъ нервно схватилъ маленькій уголекъ и сталъ чертить на полу темницы круги и треугольники. Таковыми-же знаками онъ украсилъ и стѣны своей темницы. Окончивъ работу, онъ почти любовно осмотрѣлъ ее.

А время шло, и черная—глухая ночь повисла надъ темницей.

Вячеславъ сталъ нараспѣвъ читать на магическомъ языкѣ заклинанія. Онъ началъ съ самыхъ слабыхъ и постепенно усиливалъ ихъ.

И вотъ среди мрака фосфорически заблестѣли контуры очерченныхъ треугольниковъ и круговъ. Отъ этого блеска неясно выступили стѣны и предметы. Заглушенный крикъ дикой радости сорвался съ губъ Ливскаго. Онъ будетъ спасенъ. Онъ продолжаетъ нараспѣвъ свои заклинанія, все усиливая ихъ.

Вотъ какія-то блѣдныя сѣроватыя тѣни, освѣщенные фосфорически блестящими чертами, замелькали въ темницѣ.

„Элементеры“,—подумалъ Вячеславъ Ливскій.

И вотъ голоса зашептали вокругъ него.

— Твои заклинанія очень слабы... Ты долженъ усилить ихъ. Призывай сатану и онъ спасетъ тебя.

И, подъ вліяніемъ этихъ нашептываній, Вячеславъ Ливскій приступилъ къ самымъ сильнымъ заклинаніямъ, которыя онъ только зналъ. Ихъ было четыре.

Онъ прочелъ первое... и маленькіе разноцвѣтные огоньки, словно летающіе свѣтлячки, залетали по комнатѣ.

Онъ прочелъ второе... и костеръ ярко вспыхнулъ въ срединѣ фосфорическаго круга и стѣны темницы раздвинулись.

И голоса нашептывали Вячеславу Ливскому:

— Ты видишь, — шагъ впередъ уже сдѣланъ, стѣны темницы твоей расширились и послѣ четвертаго заклинанія онѣ падутъ. Свободный и могущественный, ты будешь перенесенъ туда, куда направить тебя твое желаніе.

И, сначала уstraшенный костромъ и оробѣвшій, Вячеславъ Ливскій приступилъ къ третьему заклинанію.

Едва только прочелъ онъ его, какъ появились длинныя руки и сверкающіе огненные глаза. Эти руки выросли изъ стѣнъ, какъ со дна морского вырастаютъ безконечныя спутанныя водоросли. Эти глаза сверкали, какъ сверкаютъ въ нашемъ воображеніи глаза сказочнаго чудовища.

Трепетъ охватилъ Вячеслава, и слова четвертаго заклинанія не сходили съ устъ. А голоса шептали:

— Не бойся, эти руки должны сломать крѣпкія стѣны твоей темницы, эти руки должны тебя отнести туда, куда укажетъ твое желаніе.

И вотъ слова послѣдняго, четвертаго заклинанія отчетливо срываются съ устъ Вячеслава Ливскаго. Ему становится душно и страшно, но остановиться онъ уже не можетъ.

Едва только послѣднее слово прозвучало, какъ темница наполнилась дикимъ хохотомъ вампирическихъ существъ. Исхудалыя томимыя жаждой свѣжей крови, они набросились на свою жертву, сорвали съ нея одежды и жадными устами приникли къ обнаженному тѣлу. И дикій крикъ замеръ на устахъ Вячеслава Ливскаго, потому что къ его устамъ приникли другія, пылающія, острия...

На утро заключенный былъ найденъ мертвымъ въ своей темницѣ при очень загадочной обстановкѣ.

Онъ лежалъ обнаженный на полу, все тѣло его было покрыто уколами и ссадинами. И это тѣло было такъ блѣдно и жилы такъ прозрачны, какъ-будто не было въ немъ ни одной кровинки. На полу и на стѣнахъ темницы были углемъ начертаны какіе-то круги и треугольники,

Жизнь „чернаго мага“ порвалась, а съ нею по-

рвалась и власть его надъ тѣми земными существами, которыми онъ такъ безгранично повелѣвалъ.

XXXIII.

Послѣдняя.

Въ домѣ князей Батуриныхъ разладъ между старымъ княземъ и его женой продолжался. Несмотря ни на какіе уговоры, просьбы и даже угрозы,—княгиня тщательно готовилась къ монастырю и на-дняхъ должна была покинуть свой роскошный домъ-дворецъ, чтобы направиться въ монастырь и превратиться изъ гордой аристократки въ скромную послушницу.

Всѣ свои дни, а отчасти и ночи, княгиня проводила въ молитвѣ, въ воспоминаніяхъ, въ раскаяніи и позднихъ сожалѣніяхъ. Даже свою любимицу Ксенію Николаевну Демидову она отпустила домой и должна была съ нею свидѣться въ день своего отъѣзда.

Княгиня выбрала для дней своего „послушанья“ отдаленный, бѣдный и славившійся своею суровостью монастырь. Конечно, она уже сдѣлала большой вкладъ въ монастырь изъ личныхъ своихъ средствъ.

Мало-по-малу старый князь примирился съ грустной мыслью вѣчной разлуки съ женой и проводилъ почти все свое время въ своемъ любимомъ клубѣ. Теперь онъ уже и обѣдать переселился въ клубъ. Да и что ему было дѣлать въ громадной, старинной столовой его рода?

Князь Михаилъ Сергѣевичъ, увлеченный Claudine и весь подъ властью чаръ чернаго мага, почти не заглядывалъ домой. А когда приходилъ, то крался какъ воръ, въ свою комнату, чтобы броситься на кровать и заснуть до утра, до новаго ухода.

Мать свою онъ не посѣщалъ и, къ удивленію, его и не тянуло къ этой родной женщинѣ, которую онъ такъ страстно обожалъ съ дѣтскихъ лѣтъ. И она, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, не звала его.

Въ день ареста Вячеслава Ливскаго князь Михаилъ, ничего не подозрѣвая, по обыкновенію поѣхалъ къ нему на Пушкинскую. Онъ долго звонилъ и ему не отворяли. Наконецъ, дворникъ объяснилъ ему печальную истину. Пришлось возвращаться домой, не повидавшись съ Claudine.

Романъ баронессы и князя Михаила подвигался быстро впередъ. Разводъ начался. Claudine переѣхала на отдѣльную отъ мужа квартиру, но поѣхать къ ней князь Михаилъ все-таки не рѣшился, какъ и не рѣшился написать, такъ какъ все это входило въ требованія молодой женщины.

Claudine увѣряла, что мужъ слѣдить за нею и, если что-нибудь замѣтитъ, разводу не быть. И князь Михаилъ повиновался. Впрочемъ, никогда въ своей жизни онъ такъ не повиновался, какъ теперь, и своей возлюбленной, и Вячеславу Ливскому.

Вернувшись домой, князь Михаилъ скоро заснулъ, но сонъ его былъ тревоженъ, странныя видѣнія пугали его, мучили. И только уже къ утру онъ заснулъ сладко и крѣпко.

Проснулся князь Михаилъ, когда уже солнце заглядывало въ его окно. Онъ посмотрѣлъ на часы — первый часъ.

„Какъ хорошо я спалъ,—подумалъ онъ,—никогда я еще не чувствовалъ себя такъ хорошо, такимъ здоровымъ и спокойнымъ. Вотъ что значить сонъ“.

Онъ позвонилъ. Лакей принесъ ему кофе на подносѣ и тутъ-же лежало письмо. Не спѣша, князь распечаталъ конвертъ. Письмо было отъ Claudine; она призывала его въ самыхъ нѣжныхъ, въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ на свиданіе въ свою квартиру сегодня-же.

Къ удивленію, письмо не только не обрадовало его, а даже вызвало чувство отвращенія и непріязни. Вся исторія съ Claudine предстала въ иномъ освѣщеніи въ его воображеніи. Какъ-то стыдно было передъ барономъ и потомъ досадно, что запутался во все это.

Со смертью чернаго мага къ князю Михаилу вернулись чувства собственной воли.

И вотъ онъ вспомнилъ съ особенною яркостью послѣднюю сцену съ матерью и кровь бросилась ему въ голову. Онъ наскоро одѣлся и поѣхалъ... къ Ксеніи Николаевнѣ.

Молодой дѣвушки не было дома и пришлось ее ждать.

— Ваше счастье, князь,—говорила няня,—хотѣла къ завтраку вернуться, а то иной разъ и до обѣда не видимъ нашу кралу.

И Ксенія пришла... Она удивилась и искренно обрадовалась другу дѣтства. Князю Михаилу показалось, что она похудѣла и поблѣднѣла за это время?

— Что-нибудь случилось, Миша?

— Я пришелъ за поддержкой и совѣтомъ. Не знаю, какой странный сонъ владѣлъ мною послѣднее время,—я чувствовалъ, поступалъ и жилъ не такъ, какъ это дѣлалъ всегда, а словно по чужому приказу. И вотъ сегодня утромъ я проснулся опять прежнимъ Михаиломъ Батуринымъ. И мнѣ стало стыдно самого себя.

— Я такъ и знала... Тутъ какая-то посторонняя сила.

— Слава Богу, я освобожденъ отъ нея, но... Но я оскорбилъ свою мать, Ксенія.

— Пойдите сейчасъ же къ ней.

— Я сошелся съ женщиной, которую презираю, и далъ слово жениться на ней.

— Это дѣло я берусь уладить. Я передамъ ей ваше желаніе разстаться.

— Благодарю, Ксенія, — вы истинный другъ. За границей я такъ много думалъ о васъ, только о васъ и о мамѣ. Пойдите къ ней.

Первая пришла на половину княгини Ксенія. Она застала ее сидящею на креслѣ, погруженною въ горькія думы. Княгиня обрадовалась своей любимицѣ и крѣпко ее поцѣловала.

— Я не одна, дорогая княгиня, я пришла съ вашимъ сыномъ.

— У меня нѣтъ сына, — спокойно отвѣтила княгиня.

— Онъ пришелъ съ повинной къ вамъ. Онъ оставляетъ эту женщину, онъ вашъ прежній Миша. Странныя сверхестественныя оковы спали съ его души, и онъ снова вашъ.

Улыбка счастья освѣтила печальное лицо княгини.

— Такъ-ли?

Вмѣсто отвѣта Ксенія позвала князя Михаила. Онъ вошелъ быстро и склонился къ ногамъ матери, со слезами цѣлуя ея руки.

— Прости, прости меня!

И мать простила.

— Но ты не уйдешь, ты останешься съ нами?

Мать и сынъ были наединѣ. Ксенія скромно удалилась.

— Нѣтъ, я уйду, дорогой... Это — искупленіе, клятва Богу. Я должна молиться за обиженного сына. Но я не уйду такъ скоро, какъ этого хотѣла, я прежде устрою твою судьбу.

— Мою судьбу?

— Да, Миша, я хочу, чтобы ты женился при мнѣ и невѣста есть, чудная золотая дѣвушка, моя любимица,—Ксенія Демидова, ей я спокойно довѣрю твое счастье и наше старинное имя. Неужели ты отвѣтишь отказомъ на эту просьбу, послѣднюю просьбу матери?

— Нѣтъ, мама, я люблю Ксенію. Я давно ее люблю, я только не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. И я уважаю ее... Не отъ меня будетъ зависть исполненіе твоего желанія, мама, а отъ нея. Можетъ быть, она откажется взять меня, такъ какъ знаетъ всѣ мои продѣлки, вѣдь она была довѣренной всѣхъ моихъ тайнъ.

Счастливыя слезы сверкали въ глазахъ княгини.

— Позови ее...

Князь Михаилъ пошелъ за Ксеніей.

— Помирились! Поздравляю отъ души.

— Мама зоветъ васъ, Ксенія, она скажетъ то, чего я сказать не смѣю.

Молодая дѣвушка послѣдовала за княземъ Михаиломъ. Сердце ея усиленно билось.

— Дорогая моя, я люблю васъ—вы это знаете... Но до сихъ поръ вы все-таки были чужая... Согласитесь породниться со мной. Мой единственный сынъ васъ любить и я съ радостью довѣряю вамъ его жизнь.

Согласіе Ксеніи Николаевны князь Михаилъ и его мать прочли въ засіявшихъ счастьемъ глазахъ молодой дѣвушки.

Свадьба была скромно отпразднована и молодые вмѣсто свадебнаго путешествія поѣхали провожать княгиню въ ея дальній путь въ монастырь.

.....

Узнавъ объ арестѣ Вячеслава Ливскаго, Claudine послала письмо своему „жениху“. Но онъ не пріѣхалъ. Вмѣсто него пріѣхала какая-то старушка, которая

передала Claudine запечатанный конвертъ, Claudine разорвала его и прочла.

Въ письмѣ ее увѣдомляли, что чары колдовства разрушены и она никогда не увидитъ князя Михаила... ибо онъ женатъ на той, кто подписываетъ эти строки, а именно на Ксеніи Демидовой.

Въ бѣшенствѣ Claudine бросилась въ переднюю, но старушки, принесшей письмо, не было, а на порогѣ стоялъ ея мужъ,—блѣдный и нахмуренный,

— Я знаю все, весь вашъ обманъ. И не бойтесь, не стану удерживать васъ. Я радъ нашему разводу. Вы скверная женщина, а я вѣрилъ въ вашу чистоту, но теперь я знаю все... Мы должны разстаться. Вы сдѣлали меня убійцей и этого я вамъ не прощу. Я покидаю полкъ, я не смѣю носить свой мундиръ—вы довели меня до этого. И я уѣзжаю надолго, можетъ быть, навсегда. И я пришелъ только, чтобы высказать вамъ мое презрѣніе.

Баронъ стоялъ въ шинели, не раздѣваясь. Закончивъ свою тираду, онъ повернулся спиной къ Claudine и ушелъ, чтобы больше никогда не вернуться.

Claudine въ бѣшенствѣ сама себя кусала и царапала, рвала свои роскошные волосы. Страсть къ Михаилу Батурину пожирала ее.

Сколько плановъ обдумывала она, чтобы снова вернуть его, вырвать изъ объятій жены. Она бѣгала къ многочисленнымъ петербургскимъ гадалкамъ и кудесникамъ, но, увы, чернаго мага Вячеслава Ливскаго уже не было, а прочіе не могли ей помочь.

Цѣлыя ночи, поглощаемая страстью, Claudine хотя своимъ воображеніемъ образъ князя Михаила Батурина.

Порожденные ея страстью и чувственностью лавры постоянно кружились вокругъ нея, вызывая передъ нею образъ Батурина.

Ларвы истощали жизненную силу Claudine и она быстро угасала, и приближаясь къ своему мучительному концу, она потеряла разсудокъ.

Дѣло Вячеслава Ливскаго, въ виду смерти обвиняемаго, было прекращено. За недостатокъ уликъ противъ Юстины Пецынской,—полька была выпущена на свободу.

Долго скиталась она безъ пристанища и, наконецъ, вернулась къ тому, кто искренно и беззавѣтно любилъ ее, вернулась къ Андрею Павловичу Аникову.

Безхарактерный и добрый Аниковъ все простилъ Юстинѣ и попрежнему балуетъ ее и попрежнему она его обманываетъ.

Стефанъ Чипчирацкій скрылся неизвѣстно куда.

Не менѣе печальна участь Софьи Егоровны Бекетовой. Со смертью Вячеслава Ливскаго ея власть надъ бѣднымъ учителемъ кончилась, и онъ снова вернулся къ своей обиженной невѣстѣ и женился на ней. Живутъ молодые хорошо и о Софьѣ Егоровнѣ вспоминаютъ съ отвращеніемъ.

Сама-же Бекетова и понынѣ состоитъ при графинѣ Оливіи Недлеръ.

Въ монотонной жизни графини Оливіи пронеслась неожиданная гроза и теперь все по старому. Только въ виду того, что согрѣшила, графиня Оливія еще усерднѣе простаиваетъ на колѣняхъ въ своей молельнѣ. Головные боли къ ней вернулись и мучаютъ ее.

Ея братъ женился и продолжаетъ жить у отца.

Дмитрій Александровичъ Орловъ попрежнему занимается благотворительностью и оккультизмомъ.

Братство высокихъ оккультистовъ процвѣтаетъ.

Часто Орловъ въ молитвахъ своихъ вспоминаетъ Вячеслава Ливскаго и скорбитъ, что эту душу ему не удалось спасти.

Анна Ливская, молодая вдова, попрежнему помогаетъ Орлову и его бѣднымъ своимъ трудомъ, попрежнему любитъ Дмитрія Александровича и попрежнему молчитъ. Она знаетъ, что для „грѣшной“, земной любви сердце Орлова закрыто.

Въ роскошномъ домѣ Батуринымъ обитаетъ теперь князь Михаилъ съ молодой женой и малюткой сыномъ. Каждое лѣто молодая чета посѣщаетъ далекій монастырь, которымъ завѣдуетъ скромная настоятельница старушка мать Досифея,—когда-то гордая красавица, аристократка и богачиха—княгиня Татьяна Ивановна Батурина.

К О Н Е Ц Ъ.

5,88
P/1
1987
6425 4

